



СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ТАНГО С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ
- ЦРУ БЕЗ МАСКИ
- ШЕСТЬ ЛЕТ ВОЙНЫ С АФГАНИСТАНОМ
- КОЛЕСО ИСТОРИИ ЗАБУКСОВАЛО
- НЕ ХОТИТЕ ЛИ ВОЗЛОЖИТЬ ВЕНОК?
- АНГОЛА — ВТОРОЙ АФГАНИСТАН
- КАК ВЕСТИ СЕБЯ НА ДОПРОСЕ
- ВАЖНА НЕ ВСЯКАЯ ПРАВДА, А ИСТИННАЯ
- КУЛЬТУРА В БОРЬБЕ С ПОЛИТИКОЙ
- НАРОД, ДАВШИЙ МИРУ ТАКИХ ГЕНИЕВ
- ГРУСТНАЯ ПРОЗА ВЛАДИМИРА МАКАНИНА
- РАЗГУЛ ГНИЛОГО ЛИБЕРАЛИЗМА
- ЛЖЕПРОФЕССОР ЧИЖЕВСКИЙ
- ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КОРОЛЬ ТОНГА

Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Вадима Меникера. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), Р.Шапиро (Иерусалим), П.Ростин (Рабат). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок (25 ам. долларов), в США, Канаде и Израиле — 35 ам. долларов, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 45 ам. долларов. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. При подписке на несколько экземпляров устанавливаются льготные условия по соглашению. Цена одного номера — 6 нем.марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 2 ам. долл.) Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник	1
Миссия в Москву	14
Из газет: 50 лет назад	20
Вести из СССР	21
<i>Р.Бахтамов.</i> Хотят ли русские... ..	26
Дым отечества	34
<i>М.Дейч.</i> Беспамятство	36
Между прочим	42
<i>Л.Дымерская.</i> Замечания к истории, или история, сотворенная по замечаниям	43
Из газет: 30 лет назад; 50 лет назад	50
<i>Р.Шеттак.</i> Из огня да в полымя	51
Выступления участников Международного конгресса писателей в защиту культуры (Б.Брехт, А.Жид, И.Эренбург, Р.Музиль, Б.Пастернак)	59
Из газет: 50 лет назад	64
<i>А.Залмаи.</i> Афганистан — свободное сердце Азии	65
Это страшное слово — ЦРУ. Беседа с Р.Клайном	72
КГБ без буржуев. Письмо в редакцию	80
Архив. Как держать себя на допросах	80
<i>Э.Маркштайн.</i> Должен ли герой бороться?	85
<i>К.Марко.</i> Метафизика русской действительности	88
<i>Г.Андреев.</i> Сомнительная концепция в блистательном исполнении	90
<i>И.Шамир.</i> Нукуалофа	93
Хочу учить русский. Письмо в редакцию	95
Содержание журнала за 1985 год	96 (I—V)

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.

Tel. (089) 272 18 99; (089) 272 28 99; telex 5218017 unbt.

Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).

Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР



ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Знаменитую фразу Маркса и Энгельса о призраке, который бродит по Европе, вспоминают чаще, чем весь остальной "Коммунистический манифест". Призрак, который носится над Западной Европой наших дней, именуется "нашествием иммигрантов". Эта весьма реальная проблема, почти не поддающаяся контролю официальных инстанций, вызывает иррациональные реакции и политические неурядицы, способные внушить самые серьезные опасения.

Страны восточного блока этой проблемы не знают: туда никто особенно не рвется. Нет там и западной проблемы иммиграции. Вот два примера; число их можно было бы увеличить. Только что прошли муниципальные выборы в Женеве, городе, который много лет был традиционным прибежищем эмигрантов. Неожиданно оказалось, что пятую часть всех поданных голов собрали так называемые "бдительные". Это отнюдь не партия, никакой серьезной программы у них нет. Но их лозунг прост: "навести порядок в городе, где 35% жителей — иностранцы". В эти проценты не включены сотрудники международных организаций, расквартированных в Женеве. Речь идет о тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы, и о политических беженцах. "Мы — маленькая страна и всех голодранцев принять не в состоянии". Выгнать. Не пускать.

Второй пример — страна, где живет ваш корреспондент. Во Франции началась избирательная кампания: в марте будущего года состоятся выборы в парламент. До недавнего времени о местах в двухпалатном Национальном собрании спорили четыре главных партии: социалисты и ком-

мунисты слева, партии сторонников бывшего президента Жискара д'Эстена и Ширака — в качестве консервативного крыла. Сейчас влияние коммунистов упало (журнал писал об этом в ряде номеров). Зато выдвинулся на авансцену "Национальный фронт" под руководством Ле Пена. Политическая карьера этого господина началась тридцать лет назад, но долгое время была unsuccessful. Теперь он пошел в гору. Ле Пен предпочитает не называть себя фашистом, но на него делают ставку все те, — а их немало, — кто хотел бы установить в стране режим фашистского типа. Ультраправый и шовинистический "Национальный фронт" воспользовался, как козырной картой, вопросом об эмигрантах. "Франция — для французов!" Лозунги этого рода всегда находят отклик у определенной части населения.

Нужно сказать, что ксенофобия — в значительной мере результат экономических трудностей, и это, собственно, не новость. Два миллиона безработных — прекрасный повод к тому, чтобы кричать на весь мир о том, что мы вынуждены кормить непрощенных нахлебников. Обыватель слишком легко забывает о том, что эти чужаки прибыли к нам отнюдь не без приглашения. В шестидесятые годы, на волне процветания, не только Франция, но и некоторые другие западные государства буквально зазывали к себе иностранных рабочих. Не кто иной как эти самые "нахлебники" — рабочие из Югославии, Польши, Греции, Турции, Португалии, из стран Востока — строили дороги и чистили города, выполняли тяжелую и грязную работу и волевым образом должны были пустить корни в стране.

Нет сомнения, что сложившаяся ныне ситуация достаточно сложна. Процент преступников среди иммигрантов, к примеру, значительно выше, чем в среднем по всему населению. Но не менее ясно, что рост преступности в связи с ростом иммиграции есть скорее следствие упомянутого кризиса, чем его причина, следствие незанятости молодежи, которая в меньшей степени, чем сверстники-французы, интегрирована в социальной и культурной жизни городов, куда судьба привела молодых греков, поляков, турок, арабов и т.д.

Добавим, что приток иностранцев, особенно молодых людей из культурно и экономически отсталых окраин мира в передовые страны, — вовсе не новое явление в истории Европы. Вообще оценка нынешней ситуации невозможна без учета прошлого. Замечено, например, что люди, которые сейчас выступают под лозунгом "Франция — для французов", четверть века назад с тем же пылом провозглашали лозунг "французского Алжира". Думали ли они о том, что ружье всегда дает отдачу и 25 лет спустя 70-миллионное (вместе с Алжиром) население Французской республики будет включать в себя 20 миллионов арабов?

Дело, таким образом, идет уже не о пришельцах, но о сосуществовании национальных (и религиозных) общин внутри одного государства. И здесь взгляд приковывается к еще одной стране, имя которой уже много лет не сходит с газетных полос, — к Ольстеру (Северной Ирландии). В середине сентября премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер и ее коллега в Эйре (Ирландской республике) Фицджеральд подписали соглашение, которое, однако, не встретило одобрения у общественности, да и не удовлетворило самих партнеров. Впрочем, этот факт лишь отражает непримиримость позиций правительств обоих государств.

Вот уже добрых полстолетия Зеленый остров разделен на две части. Северная часть принадлежит британской короне. История эта уходит корнями в далекое прошлое, которое здесь незачем пересказывать. Достаточно сказать, что распри в Ольстере, носящие характер настоящей религиозной войны, длятся уже более пятидесяти лет.

Население всей провинции насчитывает 1 миллион 600 тыс. человек и в настоящее время состоит на две трети из протестантов, на одну треть из католиков. Дело, конечно, не только в

вероисповедании. Протестанты, как правило, — потомки английских и шотландских поселенцев; католики — этнические ирландцы. От своих предков протестанты унаследовали доминирующее положение в экономике и политике. Таким образом, брожение среди католиков и акты насилия можно рассматривать и как проявление борьбы менее привилегированной части населения с более привилегированной. Такова по крайней мере точка зрения радикального республиканского крыла в Ольстере и его острия — террористической Ирландской республиканской армии (ИРА). Тут теологические заботы явно отступают на задний план. Конечно, нельзя представлять себе всю Северную Ирландию как два ошетинившихся друг против друга военных лагеря: немало католиков испытывают отвращение к ирландскому терроризму, так же как многие протестанты не питают никакой любви к пастору-экстремисту Пэйсли. Однако в целом католическая община — за то, чтобы Ольстер перешел в юрисдикцию правительства Эйре в Дублине. Протестанты, в свою очередь, опасаются, что потеряв покровительство Великобритании, они лишатся и многого другого. Соглашение Тэтчер-Фицджеральда не решило главную проблему. Но, быть может, оно подготовило рубеж для следующего и решающего шага — образования англо-ирландского кондоминиума.

Проблема сосуществования протестантской (англизоязычной) и католической (франкоязычной) общин существует и по другую сторону океана — в канадской провинции Квебек. Но здесь удалось, кажется, найти приемлемое решение. Десять остальных провинций Канады населены главным образом людьми, говорящими по-английски. Зато в Квебеке, где сосредоточены канадские французы, дело дошло до того, что возникла и быстро пошла в гору партия, требующая независимости от Канады. Однако 2 декабря партия независимых потерпела поражение на выборах в региональное правительство Квебека (это произошло в большой мере благодаря разумной политике центрального правительства, сделавшего уступки франкоязычному населению провинции), лидера партии Ле-века сменил более умеренный Джонсон. Пришедшие к власти в Квебеке либералы готовы блюсти национальные интересы французов, не ставя, однако, под сомнение сохранение Квебека как интегральной части Канады.

Самые различные политические коллизии в

разных странах мира принимают облик проблемы, которой мы сегодня коснулись, – так называемой национальной самоидентифицируемости (identite). Такова, в частности, ситуация Египта. Кемп-Дэвидские соглашения 1978 г. изолировали Египет в арабском и шире – исламском мире. Начиная с первых месяцев нынешнего года Египет выходит из этой изоляции. Наметилось сближение с Иорданией, еще большее – с Ираком и, наконец, с главой палестинцев Арафатом. Президент Мубарак даже вступил в сотрудничество с королем Хусейном с целью выработать формулу мирного урегулирования на Ближнем Востоке, о чем мы уже писали. Последующие события нарушили этот план. С другой стороны, инцидент с теплоходом "Акиле Лауро" поссорил Мубарак с палестинцами. Наконец, произошел захват египетского "Боинга", летевшего из Афин, и штурм самолета на Мальте, предпринятый египетским отрядом. Мубарак поздравил солдат, но итог атаки против террористов ужасен: более пятидесяти пассажиров убито. Теперь многие склонны возложить ответственность за кровавую бойню на лидера государства, пришедшего к власти при весьма драматических обстоятельствах (убийство Садата) и с самого начала стремившегося любой ценой предотвратить националистический взрыв в своей стране. В Египте 50 миллионов жителей. Ежегодно население увеличивается на полтора миллиона. Нильская долина, кормившая еще подданных фараонов, представляет собой узкую полоску плодородной земли, которая составляет вместе с дельтой Нила одну двадцатую часть территории страны. На район Большого Каира приходится 12 миллионов человек. Все прочее – пустыня. Не приходится удивляться тому, что половина всего египетского импорта – это продукты питания. При этом страна покупает намного больше, чем продает.

Ресурсы страны тают. Египет поставляет оружие воюющему Ираку и ничего не получает взамен. Пять процентов семейств присваивают себе четверть всего национального дохода, а чуть ли не сорок процентов населения живет ниже так называемого порога бедности. Некоторым подспорьем для египетской экономики служат переводы, поступающие в страну от трех миллионов египтян, главным образом инженеров и квалифицированных рабочих, которые заняты за границей – в нефтедобывающих арабских

странах. Внутриполитический кризис рискует лишить их (и страну) этих доходов. Насер хотел объединить вокруг Египта и во главе с самим собой весь арабский мир. Садат поставил во главу угла собственно национальные интересы Египта. Сейчас противники Мубарака вдохновляются примером полковника Каддафи и аятоллы Хомейни и мечтают о том, чтобы превратить Египет в твердыню ортодоксального мусульманства; так они понимают вопрос о национальном самосознании.

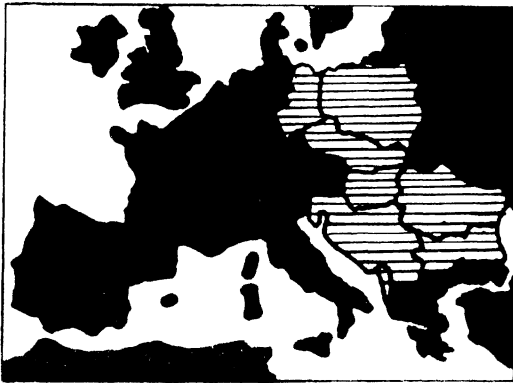
Все эти невеселые размышления едва не отвлекли нас от главного события истекшего месяца – встречи Рейгана и Горбачева в Женеве. Шуму было много, но сейчас задаешь себе вопрос: действительно ли эти три дня – 19, 20 и 21 ноября – изменили политический климат? Итог переговоров, насколько можно о нем сейчас судить, напоминает скорее перечень добрых намерений, – последуют ли за ними дела? Обе стороны "признали необходимость улучшения советско-американских отношений и международной ситуации в целом". И еще: "они согласны, что в ядерной войне не может быть победителя, и она не должна произойти."

Некоторые, возможно, ожидали чудес от этой встречи, первой встречи в верхах после шестилетнего настроенного отчуждения. Можно ли было рассчитывать, что вопрос о разоружении будет волшебным образом разрешен? Вопрос так и не решился. В коммюнике говорится, что беседа полубогов была "откровенной". На дипломатическом языке это, собственно означает, что каждый остался при своем мнении. Впрочем, следующая фраза ставит точки над "и": "остаются серьезные расхождения по ряду важных проблем". Выходит, даром встречались? Тем не менее редакторы коммюнике о переговорах называют их "полезными", говорится, что они будут возобновлены в 1986 г., для чего советский руководитель приедет в США.

Дав волю скептицизму и естественному разочарованию, признаем все же важность этой концовки. В самом деле, кто мог бы еще недавно представить себе, что Рейган пожмет руку лидеру страны, которую он (не без некоторых оснований) назвал империей зла? Кто мог ожидать, что кремлевский вождь поедет на встречу с лидером государства, в котором советская идеология и пропаганда склонны видеть воплощение самых коварных сил современного мира? Те-

перь, как говорит русская поговорка, остается немного: начать да кончить. Начать с разоружения или хотя бы ограничения вооружений. Решить (на Западе), будет ли осуществлена программа, называемая "стратегической оборонной инициативой". По-видимому, главной целью свидания в Женеве были не столько конкретные договоренности, сколько возобновление нарушенных контактов. Создать климат, в котором специалисты могли бы вести чисто деловые переговоры. О том, будут ли эти переговоры плодотворны, гадать рано. ●

Г. Ферон



РУМЫНСКИЕ ПИРАМИДЫ

В центре Бухареста взорвано и скрыто бульдозерами более десяти церквей, представлявших большой исторический и архитектурный интерес, не менее трех синагог и целый ряд гражданских зданий — памятников архитектуры. На их месте собираются построить новые грандиозные здания ЦК компартии Румынии и Совета Министров. К партийно-правительственному комплексу можно будет приблизиться по не менее грандиозному Бульвару победы социализма шириной 90 м и длиной более 1,5 км. Вдоль него будут построены другие величественные здания. Бульвар украсят памятники, фонтаны, ряды деревьев.

В числе разрушенных церквей — церковь Альба Поштрувану, где в 1594 г. был коронован национальный герой Румынии Михай Смелый; старая и новая церкви Спиреа; церковь Изворул Тамадурил с чудотворным источником; церковь Успения XVIII в.; церковь Контрочени XVIII в. Разрушены историческая синагога Мальбим, нео-

классическое здание больницы XIX в. на центральной площади Пьяца Унирии.

Масштабы разрушений, предусмотренные проектом, еще неясны. Румынская пресса сообщила о проекте строительства, не упоминая о потерях, которые оно принесет. Решение о сносе было объявлено задним числом, когда работы уже начались. Никакого обсуждения проекта, естественно, не было. Сами работы по сносу проводятся преимущественно по ночам за специально возведенными вокруг объектов заборами. Фотографировать разрушаемые здания запрещено. О сносе домов жителям сообщают лишь за сутки.

По-видимому, будет снесен и ряд архитектурных памятников, расположенных в отдалении от центра. В их числе монастырь Вакарешти (XVIII в.), где в первые годы коммунистической власти располагалась тюрьма госбезопасности. Будут снесены здания монастыря Михай Водэ, а церковь, входящую в этот монастырский комплекс (XVI в.), перенесут в подготовленное для нее место, — для этого разрушают другую церковь, всего лишь XVII в.

"Идея сооружения столичного центра принадлежит, конечно, товарищу Чаушеску, — говорит Петре Врачу, главный архитектор городской плановой комиссии. — Архитектура будет нести на себе отпечаток нашего времени. Это оригинальная попытка выразить в архитектуре новый дух, но также и напомнить о старинных румынских традициях". Вождь хочет создать памятник тому, что печать давно уже торжественно именуется "эрой Чаушеску". Для этого можно даже забыть о мерах экономии, давно объявленных во всех областях, о нищенском уровне жизни населения (см. "Страна и мир" № 6, 1985 г.).

Сообщения о разрушении и перестройке старинных городских центров поступают и из других городов Румынии, больших и малых. Жители ряда деревень также были уведомлены, что их поселения будут снесены, чтобы создать больше "обрабатываемых земель".

Чаушеску хочет наложить несмываемый отпечаток не только на Бухарест, но и на всю страну.

МУТЬ НА ГОЛУБОМ ДУНАЕ

Согласно порядку, установленному в СЭВ с 1971 г., государства — члены блока обязаны координировать свои планы. Для Чехословакии и Венгрии выполнение нового скоординированно-

го пятилетнего плана, начинающегося в 1986 г., сопряжено с трудностями не столько экономического, сколько политического характера. Источником межгосударственных проблем – Дунайский гидроэнергетический комплекс, строительство которого намечено чехословацко-венгерским соглашением 1977 г.

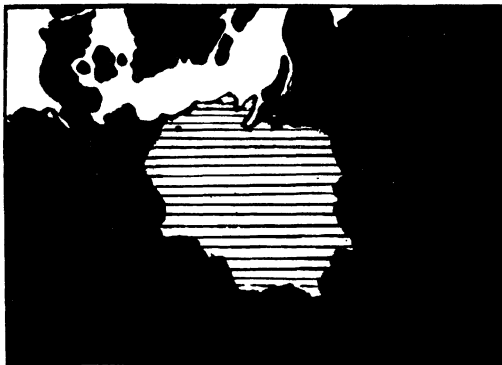
Цель проекта – улучшить условия судоходства на мелководном участке реки от Братиславы (Чехословакия) до Эстергома (Венгрия), защитить от паводков прибрежную равнину и обеспечить дополнительную подачу электроэнергии в сети обеих стран в пиковые часы. Чехословацкая сторона должна для этого построить обводный канал длиной около 25 км и крупный водный резервуар к юго-востоку от Братиславы. Вода из него должна будет подаваться на электростанцию в Габчиково по мере возрастания потребности в энергии. В 200 км ниже по течению, в Надмарош (Венгрия), запланировано построить опорную плотину и ГЭС.

Правительство Я.Капара потратило немало усилий, чтобы оттянуть конкретное решение о начале работ. Для этого у него имелись веские причины. В прошлом году несколько тысяч венгров подписали письмо, содержащее серьезные возражения против проекта. Авторы отмечали, что выполнение проекта поставит под удар снабжение страны (особенно Будапешта) питьевой водой, принесет ущерб сельскому хозяйству и туризму. Известно, что красота окружающих мест, называемых в туристских справочниках излучиной Дуная, привлекает тысячи туристов, в том числе – иностранных, приносящих валюту. Ущерб от осуществления проекта намного превысит возможные выгоды.

Мнение венгерских "подписантов" подтверждается докладом будапештской академии наук, где указывается, что электроэнергия, которую Венгрия получит после завершения строительства, составит лишь 2% энергетических нужд страны. Средства же, которые потребуются на осуществление огромной стройки, с большей пользой можно использовать на мероприятия по экономии энергии.

Чехословацкая сторона, которой стройка сулит более существенные выгоды, уже с энтузиазмом ведет работы на своем участке. Венгры пытаются ссылаться на отсутствие средств, на экологические проблемы, создаваемые строительством. Но выполнять подписанное соглашение, по-види-

мому придется. Впрочем, еще не все потеряно: время завершения проекта уже откладывалось несколько раз, а теперь оно намечено на 1995 г. Так что у противников проекта еще есть время сказать свое слово. ●



ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ

В середине сентября Совет бывших заключенных при одном из варшавских костелов призвал к проведению с 3 по 10 октября Недели политического заключенного – кампании общественного давления на власти. Две цели стояли перед организаторами: во-первых, борьба за освобождение политзаключенных, во-вторых – введение в законодательство понятия статуса политического заключенного. Призыв поддержали Лех Валенса и Временная координационная комиссия "Солидарности" (ВКК). Они призвали общественность устраивать молебны за политзаключенных, заботиться об их семьях, собирать средства в помощь узникам и их семьям, обращаться к властям с требованиями об освобождении арестованных и обеспечении их законных прав.

В ходе недели было собрано около 20 тысяч подписей под Воззванием-77 – обращением 77 видных деятелей польской науки, литературы и искусства с призывом к введению статуса политического заключенного, улучшению условий в тюрьмах, освобождению узников совести, приостановке волны репрессий. Тысячи людей посетили мероприятия недели: во Вроцлаве – цикл лекций и спектакль о процессе Фрасынюка под названием "Приговор над Августом", в Кракове – выставку фотографий, марок и сувениров из тюрем и лагерей, в Варшаве – выставку плакатов из разных стран на тему узников совести. Разбрасывались листовки, на стенах расклеива-

лись плакаты. Особым успехом пользовались плакаты, выпущенные Комитетом защиты законности: один, по макету напоминавший предвыборные плакаты правительства, содержал фамилии всех политзаключенных, на втором были фотографии внутренних помещений тюрьмы. В Познани в пользу семей узников продавались фотографии местных политзаключенных с краткой информацией о них. Все эти мероприятия проводились при поддержке церкви, а нередко — прямо в помещениях костелов. К освобождению политических заключенных призвала конференция польских епископов, проходившая 8 октября. С Неделей выразили солидарность 39 американских конгрессменов, обратившихся к правительству с призывом об амнистии и о прекращении нарушения прав человека. В Кракове за самодельными решетками пылали тысячи свечей: горящая свеча за решеткой была избрана символом Недели политзаключенного в этом городе.

Борьбу подхватили узники тюрьмы. В Браневе, Стшеллине и Катовицах были проведены политические голодовки в местных тюрьмах. В Варшаве провел голодовку видный деятель подполья Мацей Полеский. Одновременно он возбудил иск об оскорблении против министра внутренних дел Кищака, который назвал заключенного иностранным агентом.

Хотя представитель правительства по связи с прессой назвал Неделю политзаключенного диверсией против амнистии, власти не приостановили заранее намеченного освобождения деятелей оппозиции (хотя именно этим они угрожали организаторам Недели). На начало декабря выпущен 161 узник. До начала освобождения в стране по данным властей было 360 политических заключенных, по данным оппозиции — 440.

* * *

В ноябре—декабре власти уволили с руководящих постов (но не с работы) свыше 70 ученых и преподавателей вузов, занимавших должности ректоров, проректоров, деканов и замдеканов факультетов, заведующих кафедрами и лабораториями. Увольнения основывались на измененном несколько месяцев назад законодательстве о высших учебных заведениях. Уволен, в частности, ректор Варшавского политехникума проф. Владислав Финдензейн — один из немногих рек-

торов, выбранных демократическим путем еще в период "Солидарности" и избежавших увольнения сразу после военного переворота. Снят также проф. Ф. Качмарек — специалист по лазерам, занявший должность ректора Познаньского университета год назад. То же произошло и с проф. Каролем Тейлором — ректором Гданьского университета. По имеющимся сведениям чистки охватили в основном вузы Варшавы, Гданьска, Вроцлава и Познани, но есть сообщения об увольнениях в Кракове, Ополе, Радоме и Торуні. Действия властей вызвали волнения среди студентов и преподавателей. В бурной протестной встрече с ректором Варшавского политехникума участвовало 1500 студентов. Предвидя такую реакцию, власти отменили давно готовившийся и широко разрекламированный Конгресс польской науки. Опасаются, что проведенная чистка — лишь начало кампании против оппозиции в научных и студенческих кругах, к которым власти до сих пор относились сравнительно терпимо.

* * *

На ноябрьской встрече представителей 17 западных стран — кредиторов Польши ("парижского клуба") было решено отсрочить выплату Польшей долгов 1985 года в сумме 1300 млн. долларов. Этот долг будет выплачиваться в течение последующих десяти лет, причем первый взнос можно будет внести по соглашению с соответствующим кредитором через три — пять лет. Соглашение касается лишь основного капитала, а не процентов, которые Польша также не в состоянии платить вследствие низкого сальдо платежного баланса страны с западными партнерами (в нынешнем году оно будет значительно меньше, чем в прошлом). Таким образом, несмотря на продление прежних кредитов долг страны продолжает расти. По официальным прогнозам — на взгляд многих слишком оптимистическим — остановка роста долгов может наступить не ранее середины будущего десятилетия. К тому времени задолженность страны может достигнуть не менее чем до 35 млрд. долларов.

Правительство решило возобновить переговоры о создании церковного фонда помощи сельскому хозяйству. Казалось, что переговоры прерваны окончательно, однако, как считают многие, делу помог Рокфеллер, который согласился

дать средства на создание аналогичного правительственного фонда лишь при условии, что подобный фонд будет разрешено создать и церкви.

В. Кушинский



ИРАК: СМЕНА ОРИЕНТИРОВ

Пять лет назад, когда иракский диктатор — президент, председатель Революционного совета, генеральный секретарь правящей партии Баас, главнокомандующий вооруженными силами, "дорогой учитель", "вождь", "вдохновитель и организатор наших побед" — Саддам Хусейн решил начать войну с Ираном, он по праву считался самым экстремистским из арабских лидеров. Это по его инициативе в 1979 году на арабской конференции в верхах, проходившей в Багдаде, был создан "Фронт отказа" от кемп-дэвидских соглашений, в который вошли также Сирия, Ливия, Южный Йемен, Алжир и ООП. "Фронт" принял решение о полном бойкоте Египта, формально действующее до сих пор. Саддам Хусейн заявил тогда, что Египет, заключив мирный договор с Израилем, предал арабский мир.

На недавней всеарабской встрече в Марокко это решение не было пересмотрено (для отмены бойкота требуется согласие всех членов Лиги арабских стран), но стало ясно, что расстановка сил в арабском мире изменилась. Теперь в радикальный лагерь входят Сирия, Ливия, Южный Йемен, Ливан и Алжир, бойкотировавшие последнюю встречу в верхах, а противостоят им, прежде всего, Египет, Иордания и Ирак.

Переход Ирака в лагерь вчерашних врагов вызван длительной и бесперспективной войной с Ираном. Она-то и вынудила иракского диктатора изменить внешнеполитическую ориентацию и

обратиться за помощью к вчерашним противникам.

Приказ Саддама Хусейна перейти границу застал иранцев врасплох. Первое время они оказывали лишь слабое сопротивление и отступали с огромными потерями. Разгром Хомейни казался неизбежным. Но иранский режим сумел справиться с внутренней оппозицией и организовать сопротивление нашествию Ирака. Восстания в стране не произошло, армия не разбежалась. Выяснилось, что от чисток она пострадала меньше, чем предполагали, и ее моральный дух достаточно высок. Более того, стало ясно, что тегеранский режим и сам нуждается в войне — она укрепляет "исламскую революцию", придает ей всенародный характер. Хомейни умело использовал вековую вражду персов с презренными арабами.

Но хотя военная авантюра Саддама Хусейна провалилась, добиться решительной победы не может ни одна сторона. В ход идут все новые и новые людские резервы, противники трубят об успехах. Однако гордиться им нечем. В военном аспекте война — самая длительная и разрушительная после Второй мировой — напоминает Первую мировую: после нескольких недель активных действий она превратилась в позиционную окопную.

Ирак пытался придать конфликту характер национальной всеарабской войны против чуждого народа, этнического врага. Но расчет не удался — ни одна арабская страна не оказала Ираку действенной помощи. Саудовская Аравия и эмираты Персидского залива дали Ираку деньги, но направить свои войска на фронт отказались. Даже "братская" Иордания пошла лишь на то, чтобы принимать военные грузы в своем порту Акаба и доставлять их по суше к линии фронта. Ясно, что она, как и другие арабские режимы, не столько симпатизирует иракскому диктатору, сколько боится хомейнизма. Единственной надеждой Ирака остался Египет, которому возобновление отношений с Багдадом могло помочь выйти из состояния изоляции в арабском мире.

Новые мелодии прозвучали в Багдаде уже в 1982 г.: Саддам Хусейн сказал тогда, что изоляция Египта крайне опасна для арабской нации. А его рупор, заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Тарик Азиз, особенно резко осуждавший Анвара Садата, заявил в печати и по телевидению, что "Кемп-Дэвид — это внутреннее дело Египта и вовсе не должен ме-

шать связям Каира с другими арабскими странами”.

В ответ Египет объявил, что его солдаты готовы защищать арабские интересы в рядах иракской армии. Мубарак рад был показать арабским странам, что без поддержки Египта ни одна из них не выстоит.

Вряд ли это понравилось самолюбивому Саддаму Хусейну. Но у него не было выхода. Острая нужда в египетской помощи вынудила его перейти к тактике ”стыдливого отступления”. Уже в июле 1983 г. в Каире принимали ”высокого гостя” Тарика Азиза. Затем египетский министр иностранных дел Камаль Хасан Али прибыл в Багдад. Наконец на тройственную встречу с Саддамом Хусейном и королем Иордании в иракскую столицу с официальным визитом пожаловал сам Хосни Мубарак.

Формально дипломатические отношения между двумя странами до сих пор не восстановлены. Однако иракские оппозиционеры в Лондоне утверждают, что между Ираком и Египтом подписан секретный договор о сотрудничестве и взаимопомощи. Египет обещал Ираку военную помощь, а Ирак Египту – политическую: в восстановлении его отношений с арабским миром и признании его международных обязательств, то есть тех же кемп-дэвидских соглашений. Теперь Ирак открыто критикует тех, кто противится возвращению Египта в Лигу арабских стран.

В Каире растет число иракских дипломатов. Укрепляются торговые, научные и культурные связи. После четырехлетнего перерыва возобновила полеты в Багдад египетская авиакомпания ”Иджипт эйр”. Египет продал Ираку снятые с вооружения советские самолеты ”Сухой-7” и другое советское оружие, снаряжение и запасные части на миллиард долларов, что изрядно пополнило иракский арсенал. Пятнадцать тысяч египетских добровольцев служат в иракской армии, некоторые – в боевых частях. С разрешения египетского правительства их завербовали в самом Ираке из числа двух миллионов египтян, прибывших туда на заработки.

Иракско-египетское содружество построено на сугубо утилитарных соображениях: Ираку нужно оружие, Египту – признание. Но этот вынужденный обстоятельствами союз изменил расстановку сил в арабском мире. Сирия закрыла проходящий через ее территорию иракский нефтепровод. Ирак требует безоговорочного вывода

сирийских войск из Ливана и вместе с Египтом поддерживает осторожные попытки иорданского короля Хусейна найти мирное решение ближневосточного конфликта.

Конечно, Ирак перешел в лагерь ”умеренных” арабских стран, сотрудничающих с США, не потому, что его руководители вдруг полюбили западный мир. В изнурительной войне с Ираном Ирак потерял не только сто тысяч убитыми и втрое больше ранеными, но и стомиллиардные валютные резервы, которые ему удалось скопить во время нефтяного бума. А это значит, что из заказчика он стал должником.

Через Каир и Амман началось медленное и постепенное сближение Багдада с Вашингтоном, закончившееся – на данном этапе – возобновлением дипломатических отношений, разорванных в начале Шестидневной войны 1967 г. Это давно сделали Египет, Сирия и Иордания, Ираку же потребовалось для этого 16 лет.

Еще не так давно Ирак был самым активным врагом Израиля. Инициатор и участник всех антиизраильских войн, вдохновитель палестинских террористических актов, он теперь перестал играть активную роль в конфликте. Не так давно Саддам Хусейн заявил, что хотя сейчас он не верит ”в возможность сосуществования с агрессивным и экспансионистским государством”, ”ни один руководящий арабский деятель не включает в свою политическую программу пункт об уничтожении Израиля”.

Разумеется, такого рода декларациям не следует придавать слишком большого значения. Просто Ираку позарез необходима американская поддержка и для продолжения войны, и для будущего мира. Чтобы продолжать войну ему нужен миллиард долларов в месяц и много оружия. Саудовская Аравия уже не горит желанием швырять миллиарды, а оружие в таких количествах есть только у сверхдержав. Знает Саддам Хусейн и то, что американское общественное мнение и Конгресс очень чувствительны к поставкам оружия арабским странам, находящимся в состоянии войны с Израилем. Что касается мира, то поддержка США имела бы для Ирака неоценимое значение – ведь именно он был инициатором этой злосчастной войны.

В глобальном плане выход Ирака из ”Фронта отказа” может иметь далеко идущие последствия. Новая ось Египет-Ирак-Иордания привлечательна для многих арабских стран, руководи-

мых политиками-прагматиками, а это ослабило бы враждебный Западу просоветский блок и способствовало бы развитию мирного процесса на Ближнем Востоке. ●

С. Черток

ТРЕУГОЛЬНИК ЗАКЛЯТЫХ ДРУЗЕЙ

Отношения между СССР и Ираном проходили через периоды заморозков и оттепелей. Казалось, что с приходом к власти Хомейни температура упадет до абсолютного нуля. Выяснилось, однако, что поддерживать одновременно и антизападную и антикоммунистическую кампанию хомейнистскому режиму чересчур накладно. Иран нуждался если не в друге, то в союзнике, если не в открытом, то хотя бы тайном.

Советский Союз также был заинтересован в оказании помощи Хомейни. При всей антикоммунистической риторике последнего он прежде всего — мощная антизападная сила в этом регионе. От исламской революции интересы Запада пострадали куда больше, чем интересы советские.

Как ни странно, стратегические позиции СССР с приходом к власти Хомейни оказались почти не затронутыми. Начиная с 1981 г. иранское правительство неоднократно подтверждало право СССР на ввод войск в Иран в случае, если "третья страна будет угрожать Ирану военным вторжением или использовать его территорию для угрозы южной границе СССР или иным советским интересам". Эта замечательная формула статьи 6 советско-персидского договора 1921 г. по существу "отменяла отмену" прежних русско-персидских соглашений, которые правительство Ленина называло неравноправными.

Ирано-иракская война пошатнула положение Хомейни не только потому, что всякая изнурительная затяжная война ослабляет позиции правителя: Хомейни вынужден был приостановить чистку армии. Между тем Советский Союз всегда рассматривал — и справедливо — бывшую шахскую армию как единственно серьезную прозападную силу в Иране, могущую бросить вызов режиму Хомейни.

Советские руководители понимали, что Хомейни охотно продолжал бы чистку бывших шахских военных кадров, если бы удалось создать альтернативную армию — например, в рамках частей "стражей исламской революции". Кроме

того, политически очень важно было поставить воюющий Иран в зависимость от советских поставок оружия и военного снаряжения.

Между тем Хомейни сам продвинул дело вперед. Его тайные обращения к советским руководителям о военной помощи, предпринятые в период подготовки "революции", после начала ирано-иракской войны стали еще более настойчивыми.

В 1980 г. Советский Союз начал поставлять Ирану вооружение. Как отметил бывший помощник президента США по вопросам национальной безопасности Р.Макфарлейн (см. "Страна и мир" № 11, 1985 г.), основные поставки производятся через Ливию, а также через Сирию и Северную Корею и лишь в малой степени — непосредственно. Началось с поставок легкого оружия, средств связи, но вскоре приступили и к поставкам тяжелой артиллерии и ракетных установок. В 1984 г. были поставлены танки и ракеты земля-земля, те самые, которые, как указал Р.Макфарлейн, бьют по столице дружественного СССР Ирака. В 1982 г. из Северной Кореи в Иран через советскую территорию стали поступать самолеты МиГ-21. В 1983 г. иранские пилоты начали в Северной Корее тренировку на МиГ-23, хотя поставки этих самолетов должны развернуться лишь в 1986 г. В середине 1982 г. сирийцы (при очевидном участии советских специалистов) поставили Ирану самолеты Ту-126, используемые для электронной разведки и командно-контрольных операций.

По советско-иранскому секретному соглашению 1981 г. советские инструкторы в Иране занялись подготовкой офицеров армии, а также "предоставлением необходимого технического содействия в подготовке иранских специалистов и в использовании военного оборудования и техники, поставляемой Советским Союзом". Ежегодно 300 иранских офицеров направляются во Фрунзе, Киев и Ленинград. Среди них — 200 летчиков и по 50 — танкистов и артиллеристов. Иранские офицеры проходят обучение также под руководством советских инструкторов в Сирии, летчики — в ГДР и Корее. В подготовке частей "стражей исламской революции" участвуют также 5—6 тыс. инструкторов из Организации освобождения Палестины, работающие под непосредственным контролем СССР, ГДР и Чехословакии.

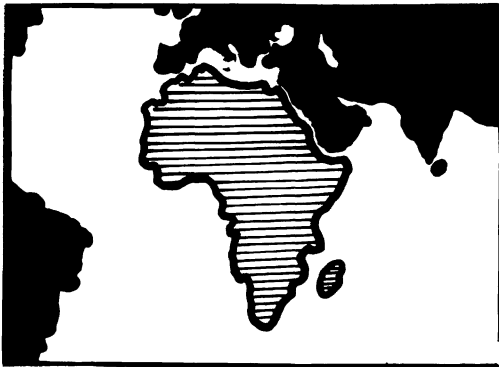
В апреле замминистра иностранных дел Ира-

на Ардебиле встретился в Москве с генерал-полковником Сергейчиком, заместителем начальника госкомитета по внешним экономическим связям (ГКЭС). Обсуждались долгосрочные планы строительства военных сооружений в Иране при содействии Советского Союза.

Помощь СССР Ирану приносит Советскому Союзу не только политические выгоды. По сообщениям японской и западной прессы, первой непосредственной платой за такую помощь было предоставление советским специалистам возможность изучить американские самолеты F-14 (Tomcat), F-4 (Fantom), имевшиеся на вооружении иранской армии еще до переворота Хомейни. "Фантомы" даже гоняли в Советский Союз для испытаний. Советские эксперты получили также доступ к станциям радиопрослушивания,

установленным ЦРУ на севере Ирана.

Итак, к зиме 1985/86 г. на иранско-иракском фронте проходят полевые испытания самолеты, ракеты и танки советского, корейского и восточноевропейского производства, причем "испытания" проводят обе воюющие стороны. Советские самолеты и ракеты активно уничтожают не только солдат, но и мирное население городов Ирака и Ирана. То тлеет, то разгорается война в Персидском заливе — самое кровавое столкновение со времен Второй мировой войны. Число жертв этой бессмысленной бойни перевалило за миллион человек. Руке, которая подбрасывает в костер угли, весьма важно заблокировать одну из жизненно-важных артерий мирового хозяйства — путь снабжения западной экономики нефтью.



АФРИКАНСКИЙ АФГАНИСТАН

Вот уже 10 лет в Анголе, бывшей португальской колонии идет гражданская война, и конца ей пока не видно. Война началась с самого момента провозглашения республики, точнее — еще до провозглашения.

После "революции гвоздик" в Португалии правительство генерала Спинолы, проводя программу деколонизации, подписало соглашение с тремя основными группировками ангольских повстанцев, ведших борьбу за независимость: МПЛА, УНИТА и ФНЛА.

МПЛА, Народное движение за освобождение Анголы — организация, созданная на базе небольших прокоммунистических групп, возникших в среде интеллигенции в столице страны Луанде в начале 50-х гг. Они получили поддержку от находившейся тогда в подполье компартии Порту-

галии, а через нее — от Москвы, где сидело тогда руководство КПП. Первый председатель МПЛА Марио Андраде и сменивший его Агостиньо Нето (он умер от рака в Москве в 1979 г. в возрасте 54 лет) были довольно известными поэтами. Во время антиколониальной войны МПЛА старалась поддерживать свой коалиционный характер, хотя идеологические разногласия раздирали ее уже тогда.

ФНЛА, Народный фронт за освобождение Анголы, руководимый Холденом Роберто, начал восстание против португальского господства еще в 1961 г. Его основная опора — племена баконго в Северной Анголе. В 1964 г. из ФНЛА вышел один из его руководителей д-р Жонас Савимби, основавший третью крупную повстанческую организацию — УНИТА, Национальный союз за полное освобождение Анголы. УНИТА опирается на одно из крупнейших племен юга страны — овимбунду. Немалую поддержку УНИТА находит среди выходцев из северного анклава Анголы — территории Кабинда, наиболее промышленного района страны, центра добычи и переработки нефти. Руководитель УНИТА Жонас Савимби (род. в 1934 г.) изучал медицину в лисабонском университете и получил степень доктора права и политических наук в Швейцарии. Во время войны с Португалией Савимби не отсиживался за границей: в самое тяжелое для повстанческой армии время (1968–1975 гг.) он не покидал Анголы. Из всех трех повстанческих организаций действия УНИТА были наиболее эффек-

тивными и болезненными для португальцев. Выступления МПЛА и ФНЛА заканчивались зачастую тяжелыми поражениями и отходом войск и штабов на зарубежные базы.

Во время войны за независимость разногласия между тремя организациями, хотя и достаточно глубокие, все же не проявлялись слишком открыто (только силы Роберто Холдена позволяли себе подчас дикие выходы против соратников по борьбе). Поэтому португальские власти надеялись, что все три организации смогут создать коалиционное правительство независимой Анголы. В этом и состоял смысл подписанного в январе 1975 г. соглашения.

Но уже в мае вспыхнули столкновения между партнерами по намечавшейся коалиции, точнее между МПЛА с одной стороны и УНИТА-ФНЛА — с другой. МПЛА стремилась ко дню провозглашения независимости — 11 ноября 1975 г. — любой ценой захватить и удержать столицу Луанду. Этой цели МПЛА удалось добиться, и 11 ноября эта организация в одностороннем порядке провозгласила создание Народной республики Анголы. Президентом страны был объявлен Агостиньо Нето. В ответ на это УНИТА и ФНЛА объявили о создании на юге страны Народной демократической республики Анголы со столицей в Гуамбо. Президентом был объявлен Холден Роберто, премьер-министром — член руководства УНИТА Жозе Нделе. Это двойное провозглашение закрепило состояние гражданской войны.

Гражданская война с самого начала была не вполне гражданской. Еще до провозглашения независимости в страну на помощь МПЛА начали прибывать кубинские войска, а позднее — советники из СССР. Именно с помощью кубинцев МПЛА удалось "к сроку" вытеснить своих соперников из Луанды. В декабре 1975 г. в Анголе было уже 11400 кубинских солдат, 350 советских бронетранспортеров, 890 безоткатных полевых орудий, 13 зенитных орудий, самолеты МиГ-19. Число советских советников тогда достигло 170. С тех пор эти цифры постоянно растут.

К 1979 г. ФНЛА практически сошел с политической и военной сцены. Президент Заира Мобуту, опасаясь ангольских атак на пограничные районы своей страны, в особенности на Катангу (Шаба), прекратил поддержку ФНЛА. Холден

Роберто в 1980 г. покинул страну и попросил политического убежища во Франции. Борьбу против МПЛА продолжал лишь Ж. Савимби.

В течение первого года Савимби удерживал некоторые города. Затем один за другим пали Ново-Редондо, Лобиту, Бенгуэла, Мосамедиш. Наконец в феврале 1976 г. пала столица Народной демократической республики — Гуамбо. УНИТА объявила, что она возвращается к тактике партизанской войны.

После короткого организационного кризиса УНИТА возобновила борьбу, теперь преимущественно в сельской местности. С тех пор УНИТА довольно стабильно контролирует более трети территории страны. Положение в юго-западной Анголе напоминает Афганистан: в сельской местности господствуют повстанцы УНИТА, в городах сидят обложенные со всех сторон правительственные и кубинские гарнизоны, снабжаемые главным образом по воздуху.

В октябре 1985 г. правительственные войска сделали самую крупную за всю 10-летнюю историю ангольской войны попытку разгромить повстанцев. Основной удар был нанесен в направлении района Мавинга и города Жамба, где находится штаб-квартира УНИТА. Наступление это было остановлено. Правительственные войска потеряли убитыми 2300 человек, войска УНИТА — 410 убитыми и 822 ранеными. Бойцы УНИТА захватили 151 военный грузовик, сбили 16 вертолетов и 5 истребителей МиГ-21.

Пилот одного из сбитых МиГов, 22-летний Франсиско Матамба был захвачен в плен. Матамба, бегло говорящий по-русски (он три года проходил военную подготовку в СССР), сообщил, что многие истребители ангольских ВВС (МиГ-21, Су-22) и вертолеты Ми-25 пилотируются кубинцами и советскими летчиками.

Сейчас Савимби ждет новых атак на штаб-квартиру. "Русские — как слоны, — говорит Савимби, придерживающийся китайской доктрины ведения партизанской войны. — Они вновь и вновь идут все по тому же пути".

Какова расстановка военных сил в Анголе в настоящее время?

УНИТА оценивает свои силы примерно в 60 тыс. солдат-добровольцев, из них 26 тыс. входят в регулярные части, говоря условно, и 34 тыс. — в партизанские. Первые ведут операции против правительственных войск на границах освобож-

денного района. Они состоят из регулярных батальонов численностью от 900 до 1500 бойцов, более подвижных нерегулярных батальонов численностью в 300–500 человек и специальных подразделений (не более 45 человек). Регулярным батальонам придана артиллерия, в том числе 122-мм гаубицы. ДТ-30, 76-мм пушки типа ЗИС-3/М1942 и 57-мм пушки, 75 и 82-мм безоткатные орудия, 81, 82 и 120-мм мортиры, а также ракеты класса "земля–земля" типа "Град" и ракеты калибра 122 мм. ПВО повстанцев имеет на вооружении ракеты "земля–воздух" типа САМ-7, 14,5-мм зенитные пулеметы, спаренные 23-мм пулеметы, а также 20-мм стрелковые зенитные пулеметы "испано-суиза", изготавливаемые по лицензии в Югославии (знает ли уважаемая британская фирма, куда идет оружие производимое с ее маркой?).

Партизанские отряды (численностью 150–180 человек) действуют в районах, контролируемых МПЛА. Партизанские части легко вооружены (основное оружие – это советский автомат АК-47 и его модификации с марками Венгрии, Румынии и Китая, а также легкие пулеметы, оставшиеся еще со времен португальцев, и советские тяжелые пулеметы и гранатометы, типа тех, что применяются в Афганистане). Советское оружие достается повстанцам в качестве трофеев. Партизаны не только ведут военные действия – они также распространяют пропагандистские материалы, организуют группы сопротивления, готовят почву для операций против правительственных войск.

Базы повстанцев хорошо организованы, многие оборудованы электропроекторами. Долговременные бетонные сооружения не строятся – базы должны быть мобильными. Чаще всего они внешне напоминают обычные африканские деревни, состоящие из хижин с соломенными крышами – это помогает маскировке. Наиболее крупная база находится в Жамба – временной "столице" Савимби и в поселке Ликива – обе в юго-восточной части Анголы.

Большое впечатление производит система снабжения войск УНИТА. Каждый день Ликиву покидают колонны грузовиков со снаряжением, направляющиеся к фронтам. Снабжением войск заняты 6 тысяч бойцов. Части УНИТА передвигаются на грузовиках и джипах западного и восточноевропейского производства, общей численностью около 650 единиц. Советские трофей-

ные "Уралы" (их у УНИТА около 50) приходится переоборудовать – для ангольского климата они не годятся и в мастерских в Ликиве на них заменяют моторы. Горючее части УНИТА получают в основном из Южной Африки.

Добровольцы УНИТА проходят первичную трехмесячную подготовку, специальные курсы продолжаются до шести месяцев. Курсы ведутся на португальском языке – племенной состав добровольцев слишком пестрый, и португальский в Анголе – это *lingua franca*.

В отличие от добровольческих сил УНИТА правительственная армия организована по принципу обязательной военной службы. Она насчитывает примерно 80 тыс. человек и делится на три основные группы – собственно армия (ФАПЛА, Народные вооруженные силы освобождения Анголы), территориальные войска (ОДП, Организация народной обороны) и ТГФА, части пограничной охраны, тренируемые кубинскими инструкторами и размещенные по всем десяти военным округам страны.

Кубинский экспедиционный корпус (ФАР, Революционные вооруженные силы) насчитывает 25 тыс. человек, а также многочисленный вспомогательный персонал, в значительной степени военизированный и обученный для ведения войны. С учетом вспомогательных групп число находящихся в стране кубинцев оценивается в 36 тыс. В Анголе сейчас расквартировано 15 полков ФАР. Полный кубинский полк насчитывает 2 тыс. бойцов, батальон – 665, рота – 220 человек.

В Анголе действуют также 1,5 тысячи советских инструкторов, не составляющих, однако, воинского подразделения. 3 тысячи военных специалистов из ГДР работают в разведке, на железных дорогах и в системе связи. 3600 португальцев, рекрутированных при помощи левого адмирала Роса Каутиньо, заняты тренировкой командос либо работают как техники. Пять тысяч членов СВАПО – повстанческой организации из Намибии, два-три батальона террористов южноафриканского АНК (Африканский национальный конгресс ЮАР), каждый численностью в 200–300 человек, тоже расквартированы в Анголе и взаимодействуют с войсками МПЛА.

Все эти силы богато вооружены. В их распоряжении 120 самолетов МиГ-21, 23 и 25, 10 истребителей Су-22, свыше 50 транспортных самолетов Ан, около 100 вертолетов Ми-8, 17 и 25, свыше 400 танков Т-34 и Т-54 (отмечено также

присутствие танков Т-62), бронетранспортеры, около 550 стволов полевой артиллерии. На вооружении правительственных войск находятся также ракеты "земля-воздух" (около 710 ракет СА-7), а также ракеты и ракетные системы (СА-2, 3, 6, 8, 9 и 13), радарные системы, почти 2 тыс. стволов зенитной артиллерии разных типов.

У войск МПЛА имеются 4 главных базы снабжения, 5 баз ВВС, 5 центров тренировки пилотов, 8 военных школ и 16 так называемых "Центров революционного обучения" для призывников.

Как по численности, так и по вооружению и боевой подготовке перевес правительственных войск над повстанцами очевиден. Тем не менее вот уже более 10 лет разгромить УНИТА не удастся. Партизаны не только прочно контролируют юго-восточную треть страны, но и проводят операции по всей ее территории, кроме небольшого участка вдоль побережья на юге (см. карту). Однако и им не удается добиться своей цели — полного поражения МПЛА.

МПЛА — правящая партия Анголы — провозгласила своей идейной основой марксизм-ленинизм. В 1977 г. на съезде партии к ее названию были добавлены еще две буквы ПТ (Партия труда). Ангола вступила на путь строительства социализма.

Гражданская война и социалистические эксперименты в сельском хозяйстве и других отраслях привели к ожидаемым результатам. Из Анголы пока еще не поступают сообщения о голоде, но товарное производство сельскохозяйственной продукции явно сокращается. Несмотря на атаки правительственных войск, снабжение в районах, занятых УНИТА, несравненно лучше, чем в среднем по всей стране.

Продовольствие распределяется по карточкам, но явно в недостаточном количестве. Естественно, процветает черный рынок, без которого население едва ли вообще могло бы существовать. Валюта обесценена: официальный курс кванзы — 30 за доллар, но на черном рынке доллар продается за 1500 кванз. На зарплату не проживешь, и поэтому широко распространена практика доплат рабочим продукцией собственного предприятия. Так, например, рабочий фабрики по выпуску пластмассовых изделий к свадьбе получил "премию" — 10 тысяч полиэтиленовых мешков. Их он выгодно продал на черном рынке.

Ангола сходит со сцены хозяйственной жизни



как производитель и экспортер нефти, алмазов, кофе, превращается в захолустье, подобное Кубе. Закрываются порты (например, Порту-Амбоин) — как из-за нерентабельности, так и из-за того, что портовое оборудование приходит в негодность.

В ожидании экономической катастрофы президент Анголы Жозе Эдуардо душ Сантуш вынужден смягчить свою бескомпромиссную антизападную позицию — только помощь Запада может спасти ангольскую экономику. В последнее время президент предпринял ряд шагов по уменьшению зависимости страны от Москвы и Гаваны.

Так, начались было (потом прерванные) переговоры с ЮАР, в частности об условиях вывода кубинских войск и о прекращении поддержки повстанцев со стороны ЮАР. Душ Сантуш впервые за свое шестилетнее президентство посетил западные столицы: Рим, Мадрид и Париж. Совершил он визит в Габон и Берег Слоновой Кости, сделаны шаги по нормализации отношений с Марокко. По замечанию местного дипломата, "Ангола впервые открывает себя Африке".

Весной Ангола после долгих колебаний присоединилась к конвенции Ломе, регулирующей распределение помощи Европейского экономического сообщества. В результате западная помощь Анголе может резко возрасти, но и Ангола должна будет выполнить определенные условия, в частности девальвировать валюту. ●

МИССИЯ В МОСКВУ

Выдержки из отчета о визите датской делегации в Советский Союз

Предисловие Б. Вайля

Почти ежедневно в советских газетах появляются сообщения о встречах с какой-нибудь иностранной делегацией – правительственной, парламентской или партийной. Несколько ничего не значащих строк: "В ходе беседы были затронуты вопросы, представляющие взаимный...". Мы ничего не знаем об обстановке, о деталях переговоров. Но вот – кажется, впервые – у нас появилась возможность познакомить читателя с отчетом о таких переговорах. Речь идет о поездке делегации датской социал-демократической партии в Москву 16–22 октября 1984 года. Автор отчета – участник делегации Поуль Нильсон.

Датская пресса называет этот документ секретным. По-русски правильнее было бы назвать его документом для служебного пользования, хотя во всем этом деле есть любопытные оттенки.

Нет ничего странного в том, что отчеты правительственных и партийных делегаций об их переговорах в Москве (Пекине, Вашингтоне и т.д.) поступают в министерство иностранных дел. Широкая же публика узнает о переговорах из газет, которые дают краткое изложение итогов.

И вдруг в июне 1985 г. отрывки из документа появились на страницах двух датских газет "Берлингске тиденне" и "Юлландс постен". В руководстве социал-демократической партии это вызвало возмущение, а один из членов делегации – Лассе Будтц – даже обвинил министерство иностранных дел в том, что оно организовало утечку информации, "не подлежащей оглашению".

О причинах скандала, разразившегося по этому поводу, читатель сможет судить по выдержкам из отчета. А пока отметим два момента. Во-первых, отчет интересен тем, что дает представление о границе, отделяющей советскую пропаганду от советской политики. Во-вторых, он демонстрирует весьма важную особенность политики некоторых западных правительств и партий: их готовность идти на уступки СССР.

Формально датская делегация обсуждала в Москве вопрос о создании на севере Европы безъядерной зоны. Сама по себе эта идея не нова: Советский Союз выдвинул ее почти 30 лет назад. В последние годы ее поддержали социал-демократические партии северных стран, которые пользуются здесь огромным влиянием. Загвоздка, однако, в том, что ни у одной из скандинавских стран нет ядерного оружия. Во всем этом регионе таким оружием располагает только Советский Союз. О создании какой же зоны идет речь?

Скандинавские сторонники этой идеи добиваются, чтобы безъядерный статус Северной Европы был гарантирован обеими сверхдержавами – СССР и США. Обе державы должны объявить, что они никогда не применяют ядерное оружие в этом районе.

Для Соединенных Штатов и НАТО создание такой зоны было бы связано с множеством проблем – как принципиальных (разрыв единой системы обороны), так и технических. Напротив, для Советского Союза, чьи ракетные базы находятся на Кольском полуострове и в Прибалтике, подобное "равновесие сил" очень удобно, ибо гарантировало бы ему безопасность этих баз и возможность их использования в наиболее подходящее время.

Все это настолько очевидно, что даже самые заядлые сторонники безъядерной зоны понимают: при нынешней ситуации этот план не пройдет. Чтобы как-то сбалансировать обстановку, СССР должен в свою очередь сделать "жест" – например, убрать из прилегающих к Скандинавии районов тактические ядерные ракеты. Замечательно, что по мысли социал-демократов, ракеты стратегического назначения могут там оставаться, поскольку они нацелены не на Скандинавию, а на США и на другие страны. Естественно, что социал-демократы и другие сторонники безъядерной зоны хотели бы получить от СССР официальное подтверждение его миролюбия, то есть согласие вывести тактическое ядерное оружие с Кольского полуострова и других окрестных районов.

Но тут-то и начинаются трудности. Горячо одобряя идею "в принципе", добиваясь от других конкретных действий, Советский Союз упорно уклоняется от обсуждения собственных практических действий.

Понятно, что подобная политика, в общем примитивная, ставила социал-демократов в неловкое положение, и они не однажды обращались к советским руководителям за разъяснениями. Однако прямого ответа они так и не получили. С туманными заявлениями выступали Брежнев и Черненко, время от времени появлялись противоречивые "разъяснения" чиновников рангом пониже. Все они сводились к тому, что СССР — при определенных условиях — будет "готов обсудить возможность мероприятий на своей территории". В 1984 году в Москве была издана (по-английски) книга Л. Воронкова "Северной Европе — безъядерный статус". Из нее скандинавские миротворцы узнали, что Балтийское море — район особый и что включение его в безъядерную зону затронуло бы интересы не только северных стран, но и Польши, ГДР, ФРГ... Сторонники безъядерной зоны резонно восприняли это так, что Советский Союз не намерен убирать свое ядерное оружие ни из Прибалтики, ни с кораблей Балтийского флота даже в случае установления безъядерного статуса. С целью развеять эти сомнения датские социал-демократы и отправились в Москву. Документ, который мы публикуем в сокращении, показывает, что из этого вышло.

В Москве гости занимались не только политикой. Они, например, навестили отказника, бывшего политического ссыльного Виктора Браиловского. Правда, прямого влияния на судьбу Браиловского и его семьи этот визит пока не имел. Но можно надеяться, что власти хотя бы оставят его в покое.

Социал-демократы могли бы поднять вопрос о судьбе академика А. Д. Сахарова или просто осведомиться о его здоровье. Из отчета следует, что они этого не сделали. Ни словом не обмолвились они и о преследовании пацифистов в СССР. Видимо, решившись на посещение Браиловского и вежливо отклонив предложение возложить венок к мавзолею Ленина, они исчерпали лимит "инакомыслия".

Это был второй визит партийной делегации в Москву. Первый состоялся в феврале 1979 г. по приглашению Института мировой экономики и международных отношений. На сей раз приглашение исходило от Центрального Комитета КПСС. Поездка намечалась раньше, но по датской инициативе была перенесена из-за происшествия с подводной лодкой в Карлсруне.¹ С датской стороны участвуют Лассе Будтц, Кьель Олесен и Поуль Нильсон — те же, кто ездил в Москву в прошлый раз.

17 октября 1984 г. — встреча у члена Политбюро Б. Пономарева² в его кабинете в здании Центрального Комитета. Кроме Пономарева, с советской стороны участвовали члены ЦК Арбатов (директор Института США и Канады), Шапошников (заместитель заведующего Международным отделом ЦК), Косолапов (редактор идеологического журнала КПСС), Савко (давний работник Международного отдела ЦК, занимающийся Данией), а также наш переводчик на протяжении всего визита Анатолий Цеканский.

Пономарев приветствовал нас. Он выглядел здоровым и активно участвовал в обмене мнений, хотя было заметно, что когда разговор касается наиболее щекотливых вопросов, он представляет отвечать Арбатову, — а это значит, что именно тот выражает позицию ЦК. Вообще, если говорить о личностях, у нас сложилось впечатление, что позиции Арбатова очень сильны. Он явно больше, чем директор научного института, он — один из тех, кто принимает важные решения и официально представляет партию.

Пономарев сказал, что в СССР высоко оценивают вклад датской социал-демократии в борьбу против новых ракет в Европе и решения, которые были проведены в датском парламенте и на последнем съезде социал-демократической партии. Эти взгляды совпадают со взглядами КПСС.

Л. Будтц поблагодарил за приглашение делегации и подчеркнул, что мы приехали сюда потому, что мы хотим преодолеть международную напряженность и стремимся к диалогу. Он передал привет от председателя партии Анкера Йоргенсена. Дания занимает стратегически важное положение в районе Балтийского моря, и мы полностью сознаем эту ответственность. Социал-демократическая партия Дании тесно сотрудничает с братскими партиями. Л. Будтц рассказывал о северо-европейской комиссии по безопасности, которая работает уже 15 лет. Сейчас мы занимаемся вопросом о безъядерной зоне на севере Европы...

¹ Речь идет о советской подводной лодке, обнаруженной в шведских территориальных водах в октябре 1981 г. О военном потенциале СССР в зоне Балтийского моря см. "Страна и мир" № 5, 1984. — Ред.

² Ошибка составителя отчета: Б.Н. Пономарев — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. — Ред.

Будтц подчеркнул, что СДПД не видит альтернативы нашему членству в НАТО, но, с другой стороны, для нас НАТО — не самоцель. СДПД предпочла бы договор о безопасности между Востоком и Западом, однако в данный момент это неосуществимо. СДПД выступает за то, чтобы Дания проводила собственную внешнюю политику, об этом свидетельствуют девять резолюций датского парламента в пользу политики разрядки. Партия готова сотрудничать со всеми, кто хочет того же, что и мы, — как в Дании, так и на международной арене...

Самое важное в нашей ситуации — необходимость предъявлять требования и Востоку, и Западу. СДПД не понимает, почему обе стороны продолжают вооружаться, — такое развитие событий, согласно анализу СДПД, нецелесообразно даже с военной точки зрения. Зачем ядерным державам столько оружия, если они и без того в состоянии уничтожить друг друга несколько раз? СДПД критикует и СССР, и США. Борьба за безъядерную зону в Северной Европе будет способствовать созданию в мире лучшего климата и носит символическое значение, ибо ни у кого в Северной Европе нет ядерного оружия и никто не собирается его приобретать... Северная безъядерная зона должна непременно включить и Балтийское море, иначе она теряет смысл. Мы изучили советские предложения по удалению ядерного оружия из примыкающих районов, но политику СССР в данном вопросе трудно понять. Делегация надеется, что в ходе переговоров в проблему удастся внести ясность. Интервью Арбатова датским газетам породило некоторый оптимизм, но книга Льва Воронкова "Северной Европе — безъядерный статус" никак не способствовала укреплению надежды. Скорее — наоборот.

Тут Пономарев заметил, что книгу Воронкова не следует рассматривать как выражение официальной политики СССР.

Будтц ответил, что книга вызвала большой интерес; важно выяснить действительную позицию СССР в отношении безъядерной зоны... Если бы СССР заявил, что он не заинтересован в безъядерной зоне, это создало бы ряд проблем, и еще больше — если бы оказалось, что он не намерен включать в эту зону Балтийское море...

В длинном выступлении Пономарев говорил о том, что ситуация в мире остается очень острой, гонка вооружений продолжается. Западные правительства кричат о советской угрозе, но ее не существует. СССР всегда отвечает лишь на развитие новых типов оружия в США... Пономарев сказал, что СССР стремится к переговорам с США, чтобы достичь конкретных результатов, но он не допустит американского превосходства. На вопрос К. Олесена, обладают ли США превосходством уже сейчас, Пономарев ответил отрицательно. И в ядерном, и в обычном оружии существует равновесие, и СССР хочет его сохранить.

Антивоенное движение никогда раньше не поднималось на такую высоту. КПСС готова предоставить СДПД все документы о деятельности этого движения. Тут П. Нильсон вставил, что, как известно, СДПД сама является частью этого движения...

О конференции в Стокгольме Пономарев сказал, что СССР выдвинул там конкретные предложения, но западные участники не предложили ничего нового. Все их идеи сводились к тому, чтобы получить возможность вести разведку. Будтц и Нильсон заметили, что это совершенно неправильная трактовка вопроса, ибо меры, о которых идет речь, направлены на создание атмосферы доверия и касаются обеих сторон. Пономарев подчеркнул: главное — сокращение вооружений. А переговоры в Вене длятся вот уже 15 лет и не приносят результатов.

СССР, продолжал он, поддерживает идею создания безъядерных зон. Недавно Черненко заявил, что такие зоны могли бы укрепить мир и безопасность. Эти условия уже принесли положительные результаты. СССР поддерживает и безъядерную зону на севере Европы, и безъядерную зону на Балканском полуострове, и предложение о безъядерном "коридоре", который, с точки зрения СССР, должен быть расширен до 300 км в каждую сторону. СССР готов стать гарантом таких зон и взвесить, какие меры в этом направлении можно было бы осуществить на его собственной территории, а также рассмотреть вопрос о безъядерной зоне в Балтийском море. В таком случае в обсуждении должны участвовать все государства Балтийского моря. Надо подчеркнуть, что речь идет об одностороннем разоружении, так как ни у Норвегии, ни у Дании нет ядерного оружия...

Олесен сказал, что мы во внешнеполитической комиссии СДПД тщательно следим за сигналами из СССР. Он предпочел бы сразу перейти к сути дела. У Норвегии, Швеции, Финляндии и Дании ядерного оружия нет, в то время как у СССР в данном районе есть такое оружие. Вопрос, следовательно, в том, насколько серьезно СССР относится к этой проблеме. Как-то одна финская газета дала интервью с Брежневым, где он намекал, что некоторые районы СССР могли бы войти в безъядерную зону. С тех пор были и другие, но очень слабые намеки. Сейчас Пономарев говорит, что СССР готов взвесить возможность включения своих северных областей в безъядерную зону. Но что реально может предложить СССР?

Пономарев ответил: как известно, конкретные переговоры о безъядерной зоне в Северной Европе и о том, какие районы СССР могли бы туда войти, до сих пор не велись. Когда они начнутся, тогда эта тема и будет обсуждаться. Такова официальная позиция.

Арбатов сказал, что СССР серьезно относится к идее безъядерной зоны. Но только после того, как члены НАТО возьмут на себя обязательство не получать ядерного оружия, соответствующие вопросы встанут и перед СССР. По поводу того, что конкретно мог бы предложить СССР, Пономарев уже говорил. Вообще выдвинуто уже достаточно предложений, чтобы можно было начать переговоры. Но ряд стран еще не высказался положительно о самой идее, а в странах Северной Европы ведется пропагандистская война против Советского Союза.

Олесен ответил, что начиная с мая 1981 г., этот вопрос постоянно обсуждался на заседаниях министров иностранных дел стран Северной Европы. Только норвежское правительство не соглашается на дальнейшие шаги. Вообще же ситуация такова, что у стран Северной Европы нет ядерного оружия, и поэтому вопрос заключается в том, согласен ли СССР убрать все тактическое ядерное оружие с Балтийского моря, с Кольского полуострова и других примыкающих территорий. СДПД согласна не касаться проблем стратегического оружия, но на данный вопрос она хотела бы получить ясный ответ: да или нет.

Арбатов пожелал уточнить: идет ли речь о том, чтобы СССР убрал тактическое ядерное оружие с Кольского полуострова, Балтийского моря и примыкающих территорий? Да, сказал Олесен. Арбатов поинтересовался, понимает ли общественность скандинавских стран, что уступки не принято делать до того, как переговоры начались.

Олесен заметил, что главное, это — о чем будут вестись переговоры; иными словами, готов ли СССР убрать тактическое ядерное оружие из региона.

Получается, вставил Пономарев, что странам Северной Европы можно ничего не предпринимать, тогда как СССР должен действовать. Будтц сказал, что это неверно, ибо скандинавские страны готовы взять на себя обязательство не допускать размещения у себя ядерного оружия и в военное время...

Пономарев напомнил, что СССР обязался не применять ядерного оружия против стран, у которых такого оружия нет. Он понимает, что делегации нелегко будет отвечать на вопросы журналистов о безъядерной зоне. А вопрос о том, что можно убрать с Кольского полуострова, СССР будет обсуждать только в ходе серьезных переговоров на правительственном уровне. Но в любом случае должен соблюдаться принцип равной безопасности, — только на такой основе СССР готов вести переговоры.

Олесен заключил, что делегация так и не получила заверений, о которых можно было бы сообщить журналистам... Между тем вопрос о тактическом ядерном оружии требует однозначного ответа. Это то же, что ответить на вопрос: беременна женщина или нет? Нельзя быть беременной только наполовину.

Пономарев снова отмежеввался от книги Воронкова и суммировал то, что СДПД могла бы сказать прессе и общественности по поводу позиции СССР. Во-первых, повторить слова Черненко. Во-вторых, — коммюнике о беседе с премьер-министром Финляндии Сорсой. В-третьих, принципиальная позиция СССР в отношении безъядерных зон. Кольский же полуостров, проход судов через Балтийское море и т. д. — все это вопросы, касающиеся только СССР. Наконец, можно сослаться на советское обещание не применять ядерного оружия первыми и против стран, у которых его нет.

Пономарев спросил, не могла ли бы Дания поддержать заявление шести выдающихся политических деятелей (Пальме, И. Ганди и др.). Будтц ответил, что лидер датских

социал-демократов Анкер Йоргенсен уже несколько раз публично высказался в его поддержку. Но Пономарев хотел знать, не могла бы СДПД заставить поддержать это заявление и датское правительство. Будтц ответил, что у власти находится консервативное правительство. Однако большинство в парламенте поддержало резолюцию СДПД о том, что Дания намерена добиваться, чтобы ядерное оружие не ввозилось в страну не только в мирное время, но и в случае кризисов и войны...

Пономарев заметил, что в СССР тщательно следили за развитием событий в Дании и что СДПД рассматривается как позитивный фактор в политике разрядки международной напряженности. Он выразил удовлетворение беседой...

18 октября утром делегация побывала у Виктора Браиловского. Уже при первом обсуждении в аэропорту программы нашего пребывания в СССР (долгий разговор с Арбатовым и Шапошниковым) мы дали понять хозяевам, что делегация хотела бы посетить Браиловского, у которого мы — по собственной инициативе — были в 1979 г. Реакция была довольно кислой, но так как мы настаивали, нам сказали, что посещение — наше личное дело. Не улучшило атмосферу и наше нежелание возложить венок к мавзолею Ленина. Однако хозяева смирились и с этим.

Наше посольство помогло найти адрес Браиловского, и делегация отправилась туда в сопровождении молодого переводчика (его имя Вадим), который был с нами почти все время, вместе с А. Цеканским. Д-р Браиловский, его жена, теща и сын — все были дома, когда мы приехали. Мы сразу узнали друг друга и были рады встрече. Он весной вернулся из ссылки. Браиловский дал понять, что разрешение вернуться в Москву, видимо, было результатом того, что мы им интересовались. Однако положение не изменилось: он и его семья хотят уехать в Израиль, где давно живет его отец и брат, но ему в этом отказывают. Кроме того, он хотел бы работать по специальности (математика), вместо того, чтобы добывать средства к существованию случайными заработками. Но шансов на это практически нет...

Мы вернулись к этому делу в частной беседе с нашими советскими хозяевами, подчеркнув, что нам непонятно — со всех точек зрения, — зачем СССР создает трудности для себя и ухудшает репутацию страны, отказывая гражданам в праве ее покинуть.

18 октября 1984 г., 11.00. Посещение Института государства и права. Нас приветствовал заведующий отделом, занимающимся правами человека. Олесен напомнил, что коллективизм и социализм связаны с равенством людей. Например, председатель СДПД и бывший премьер-министр живет в обыкновенной квартире в рабочем квартале Копенгагена. Как в СССР можно требовать от рабочих дисциплины, если члены ЦК и другие лица на верхах имеют явные преимущества по сравнению с простыми людьми?

Заведующий отделом ответил, что этот вопрос часто задают и друзья, и враги. Марксистское представление о равенстве исходит из того, что только при коммунизме, когда будет достигнуто полное изобилие, возможно полное равенство. При социализме — по-другому, ибо тут существует прямая связь между трудом и заработком. К тому же он не сомневается, что тот же Анкер Йоргенсен имел какие-то дополнительные преимущества.

Нильсон возразил: слабость советской позиции в том, что в обосновании кампании по укреплению дисциплины в социалистической стране они ссылаются на опыт капиталистических государств. Не помогло бы укреплению дисциплины появление Черненко в очереди, рядом со всеми остальными? Завотделом ответил, что люди этого не поймут, — это была бы демагогическая игра в демократию. Понятно, что у Черненко есть более важные дела. Народ подумает, что он не занимается своими обязанностями.

Олесен попросил подробнее рассказать о равенстве при коммунизме. В ответ было сказано, что зависимость между производительностью труда и зарплатой сохранится еще долго. На это Будтц заметил, что, напротив, социал-демократы в Дании борются за то, чтобы сгладить эти различия...

18 октября 1984 г., 15.00 — 17.15. Посещение Института США и Канады. Арбатов приветствовал нас в своем кабинете (между прочим, по сравнению с другими помещениями это очень уютная комната с громадными стопками бумаг и книг на письменном столе). В разговоре, кроме Арбатова, участвовали два замдиректора, а также генерал

Михайлов (более точной информации о нем мы не получили), так как делегация хотела встретиться с представителем вооруженных сил.

В короткой справке о деятельности института Арбатов подчеркнул, что институт занимается изучением всех проблем США, включая экономические и военные. Олесен снова вернулся к вопросу о безъядерной зоне. Вопрос стоит так: уберет ли СССР тактическое оружие? Михайлов ответил, что СССР готов дать гарантию, что оно не будет использовано против стран Северной Европы. Кроме того, СССР готов взвесить возможность каких-то мер и на своей территории. Однако пока что рано говорить о деталях, ибо еще нет и речи об официальных переговорах.

Нильсон заметил на это, что СССР должен конкретизировать свою позицию, если он хочет, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Олесен добавил: было бы нереалистично надеяться, что Дания и Норвегия предпримут односторонние шаги. Поэтому все зависит от того, согласится ли СССР убрать тактическое ядерное оружие из пограничных районов.

По мнению генерала Михайлова, самое важное для населения северных стран — возможность спать спокойно, зная, что СССР не нападет на них. СССР дает гарантии, и когда страны НАТО сделают то же, вопрос будет решен...

Арбатов уточнил, что СССР согласен гарантировать безъядерную зону, готов включить в нее Балтийское море и сделать что-нибудь на территории самого Союза. Но обсуждать детали он не может. Это будет решаться на высшем уровне во время переговоров...

18 октября 1984, 19.00—24.00. Ужин в гостинице. С советской стороны участвовали Шапошников, Савко, Владимир (фамилия неизвестна, но в ЦК он занимается Норвегией, так же как Савко — Данией), а также переводчик Цеканский.

В течение всего ужина советская сторона пыталась заставить делегацию прокомментировать проект коммюнике для прессы, который был передан делегации раньше. Мы напомнили свою позицию — о чем сообщили сразу по прибытии, — что это дело самих хозяев, ибо СДПД не собирается вырабатывать совместного заявления. Олесен добавил, что советские заявления о безъядерной зоне были недостаточно конкретными, чтобы использовать их для развития идеи создания такой зоны в Северной Европе...

19 октября 1984, утро. Встреча с Быковым, директором Института мировой экономики и международных отношений. Заседание происходило в его кабинете, сотрудники института в ней не участвовали (не было и Воронкова, автора нашумевшей книги).

Будтц спросил, можно ли в ближайшем будущем ожидать окончания военных действий в Афганистане. Быков сказал, что неправильно говорить "в Афганистане", ибо не менее важно и то, что происходит вокруг Афганистана. Речь идет о необъявленной войне, где используется западное оружие... Американцы хотят, чтобы СССР застрелял в Афганистане так же, как это случилось с Соединенным Штатами во Вьетнаме. Надо ясно сказать, что если СССР и покинет Афганистан, то район в любом случае должен рассматриваться как зона советского влияния...

19 октября 1984, 20.00. Ужин в посольстве. С советской стороны присутствуют Арбатов, Косолапов, Савко и Цеканский. Снова дискуссия о безъядерной зоне. Арбатов подчеркнул, что его прежние высказывания выражали официальную точку зрения...

Посещение Ленинграда 20—22 октября не способствовало углублению дискуссии о внешней политике... Позиция секретаря обкома партии по международным вопросам была достаточно стереотипной. Он не понимал нюансов и не допускал такого хода мысли, который мог бы привести к компромиссам. Это был явный контраст с теми немногими людьми в верхах, которым дозволено высказываться свободнее и кто знает больше, чем это необходимо на других уровнях системы. Видимо, следствием этого и является поразительная централизация принятия решений...

У делегации было очень мало возможностей общаться с обычными советскими гражданами. На балете в Ленинграде женщина, сидевшая рядом, говорила по-немецки; она дала понять, что самое ее большое желание — когда-нибудь съездить в отпуск за границу, "но ведь это невозможно". На вопрос, состоит ли она в КПСС, женщина ответила: "Да нет, я простой человек". Узнав, что мы живем в партийном отделе¹, она сказала,

¹ Так в тексте. — Ред.

что это очень хорошая гостиница, совершенно особая, и что она закрыта для простого народа (что, черт возьми, было правдой!).

На улице в Москве к Нильсону подошел старый человек, который спросил, не немцы ли мы. Анатолий Цеканский объяснил ему, откуда мы, — и затем рассказал, смеясь, что мужчина хотел нам сообщить, что во всем виноваты евреи, ибо это они совершили революцию и создали нынешний советский режим...

Будтц обнаружил, что в его чемодане два раза рылись (это было в гостинице в Москве)...

В понедельник вечером 22 октября ТАСС подготовил коммюнике для прессы о визите делегации социал-демократической партии Дании. Оно было составлено так, чтобы создать впечатление, будто коммюнике совместное, хотя, как уже говорилось, ничего подобного на самом деле не было. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ЖЕЛЕЗНЫЙ ФЕЛИКС, ВЫЛИТЫЙ ИЗ БРОНЗЫ

Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляют: 1. Установить звание — Генеральный Комиссар Государственной Безопасности. 2. Присвоить звание Генерального Комиссара Государственной Безопасности — Ягоде Генриху Григорьевичу...

Давно уже умер железный Феликс, эта героическая, из бронзы вылитая фигура. Умер и Менжинский, прекрасный тонкий товарищ, человек большой духовной культуры, знаток литературы. Но Дзержинский воспитал целую плеяду бойцов, до гроба верных партии. Вот Ягода — неутомимый воин революции, он развернулся и как первоклассный строитель: от совхозов и превосходных домов к огромным строительным работам, которые пролагают новые пути и дороги, соединяют громадными каналами великие моря. Вот рядом с Ягодой — Агранов, неутомимый работник ЧК, Прокофьев, Балицкий и другие товарищи...

"Известия", 27 ноября 1935 г.

ПАРТИЮ И ВОЖДЕЙ ОСТАВЬТЕ В ПОКОЕ

Приехали мы в Центральный комитет партии, разделись. Сидим, разговариваем вполголоса, так это все торжественно кругом. И вот в половине пятого открывается справа дверь, входит тов. Чернов. За ним идет товарищ Сталин и дальше товарищи Молотов, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Микоян, Андреев, Чубарь, Ежов и др. Что тут в зале началось! Все вскочили с мест, хлопают в ладоши, гремит ура. И на лицах у всех такая радость! Наконец-то увидели мы так близко нашего родного Сталина и его славных товарищей. С разных концов — приветствия, дружные, теплые, будто все одним голосом: "Да здравствует любимый наш товарищ Сталин!.." Товарищ Сталин сзади сидел, поднялся и пересел за стол президиума. Сидит, на нас смотрит, приветливо улыбается. И тут опять все встали. Мы товарищу Сталину и его соратникам аплодируем, а они нам.

Первым выступил тов. Капуста. Начал он говорить, и все сначала больше о партии, о товарище Сталине, которые обеспечили нам победу. Снова аплодисменты, снова приветствия. А товарищ Сталин так спокойно к нему обращается и говорит: "Вы вот партию и вождей оставьте в покое, расскажите лучше, как вы добились успеха".

Капуста по-русски говорит не особенно складно. Начал запинаться, подбирать слова. Тут товарищи Сталин и Ворошилов пришли ему на помощь: "Вы говорите по-украински, мы поймем". Сколько времени продолжались приветствия! То на Сталина взглянем, то вокруг себя... И так радостно у самих на сердце! Никогда не забыть этих минут! Никогда!

*Совещание передовых комбайнеров с членами ЦК и правительства
("Известия", 2 декабря 1935 г.)*

ВЕСТИ ИЗ СССР



Смерть очередного советского руководителя всегда вызывает радостное возбуждение: возникает надежда, возможность надежды, что хоть что-то изменится, появится впереди хоть какой-то просвет! На Западе ждут прагматика, "с которым можно иметь дело", который умерит советское военное и дипломатическое вмешательство во всех уголках земного шара. Внутри страны ждут мало-мальски приличного хозяина, который сможет хотя бы накормить страну. И там и здесь ждут, что гайки будут хоть немного отпущены и станет свободнее дышать. На языке политиков и юристов это значит – будут хоть в какой-то степени уважаться права человека.

Каждого нового лидера привычно оценивали: либерал он или нет? Даже от Андропова ждали либерализма. Однако чехарда руководителей, периодически возникающие надежды и разочарования притупили чувство ожидания. Кажется, от Горбачева уже никто, кроме самых безнадежных оптимистов, либерализма не ждал.

Очень скоро выяснилось, что пессимисты правы. После того, как было извлечено все, что возможно из способности бойко передвигаться без посторонней поддержки и из туалетов жены, наступило время оправдывать широкообещательные обещания встряхнуть страну от спячки. И тут-то и выяснилось, что к власти пришел очень посредственный человек, с кругозором захолустного секретаря райкома, без каких бы то ни было свежих идей. И в то же время – человек чрезвычайно честолюбивый, не желающий открыто признать свою посредственность, страдаемый комплексом неполноценности. Преодолеть свой комплекс он может лишь одним единственным путем: демонстрацией силы.

В экономике мускулы не очень покажешь, она успешно сопротивляется силовым приемам. Раз-

ве что можно перетрясти руководство экономикой, что немедленно и было сделано. Нельзя, конечно, требовать в этой области немедленных результатов, но прогнозы даже самого Горбачева, отраженные в новых программных документах, более чем скромны. Во внешней политике силу можно демонстрировать куда более эффективно – неважно, каковы будут конечные результаты. Отсюда "твердость" по отношению к США, отсюда воинственный тон при освещении в прессе и по радио афганской войны: пусть все знают, что к власти пришел человек, который не любит шутить. Потом такая политика ударит бумерангом по тому, кто ее проводит. Но ведь это потом...

Проще всего показать силу на "внутреннем фронте" – против тех, кто критикует режим изнутри, против инакомыслящих, диссидентов. Здесь противник пока еще достаточно слаб, а аппарат подавления – достаточно силен. Никаких уступок, никаких проявлений слабости. Решительный, уверенный в себе руководитель не позволит с собою шутить.

Горбачев у руля всего лишь с марта. Поток информации о положении в стране сильно ослабел: неподцензурная связь с Западом практически заглохла, контакты инакомыслящих с иностранными корреспондентами стали почти невозможными, сведения о судьбе участников оппозиционных движений пробиваются (если пробиваются вообще) с большим запозданием. Мы знаем лишь малую долю того, что происходит в стране.

И все же – вот очень неполный итог первых месяцев горбачевского правления (мы говорим только о новых арестах, оставляя в стороне вынесение приговоров, внесудебные преследования и др.). Этот список лучше любых слов характеризует "либерализм" Горбачева.

В самом начале нового правления в Вильнюсе арестованы католики Мураускас и Янулис, печатавшие религиозные картинки. Весной в Самаркандской области за распространение мусульманской литературы посадили Мардана Пулатова и Джамилю Камбарову.

В марте в Риге посадили в психбольницу бывшего политзаключенного Майгониса Равиныша. В Москве арестован писатель, бывший член КПСС порвавший с нею, Лев Тимофеев. В Эстонии — Энн Веепалу, пытавшийся вырваться из СССР. В Харькове — еврейский активист, добивавшийся выезда в Израиль Евгений Айзенберг. В Днепропетровской области — баптист Степан Бычков. В лагере в Горьковской области повторно арестован политзаключенный Самуил Эпштейн.

В апреле арестовали эстонского пастора Гарри Мьтсника — за проповеди. Посадили в психбольницу в Москве Николая Крючкова — за настоячивые требования эмиграции. Попали за решетку четверо баптистов — Иван Толстопяттов из Тамбова, Михаил Горянин из Красноярского края, Василий Гриценко из-под Киева и Павел Разорвин из Перми.

В мае в лагере второй уже раз арестована политзаключенная Галина Максимова. В Тарусе в Калужской области взяли Владимира Балахонова, только что отбывшего в политическом лагере 12 лет. Арестовали эстонского правозащитника Роберта Вайтмаа и латышского пастора Мориса Людвикса. Под Алма-Атой арестован баптист пресвитер Иван Штеффен.

Летом в Оренбургской области посадили баптистку Сусанну Герцен, в Армении — члена секты Харе Кришна Арика Акоюяна. Другой кришнаит, Сергей Касьян, тоже из Армении, попал в психбольницу.

Июнь начался новым арестом в Киеве Алексея Мурженко, лишь недавно вернувшегося домой после 14 лет лагерей особого режима. На Украине же, в Черниговской области арестовали многолетнего политзаключенного Петра Рубана, который еще отбывал срок высылки по предыдущему приговору. В лагере в Иркутской области опять арестовали политзаключенного Мераба Коставу, члена Грузинской Хельсинкской группы. Два других, новых члена этой группы Тенгиз Гудава и Эммануил Тваладзе, арестованы в Тбилиси. В Москве взяли известного правозащитника Кирилла Попова, в Горьком — еврейского активиста, преподавателя иврита Леонида Вольвовского, а в Ленинграде — его коллегу Роальда

Зеличенка. Во Львовской области арестован священник-униат Михаил Винницкий, в Закарпатской — сын Галины Максимовой, арестованной на месяц ранее, Александр — как и мать, бывший политзэк. И конечно, баптисты: в Ворошиловградской области братья Александр, Анатолий и Петр Андриец, в Тульской области — Павел Голощапов, в Омске — Николай Савченко, в Белгородской области — Николай Ткаченко.

В июле в психбольницу насильственно были госпитализированы московский правозащитник Владимир Рябоконь и бывший политзаключенный из Куйбышева Анатолий Черкасов. В Грузии арестовали кришнаитов Якова Диджевадзе и Рафаэля Янашвили. В Москве попал за решетку член неофициальной группы борцов за мир Владимир Бродский. В Польше арестовали советских граждан Юрия и Вячеслава Богдзевичей — отца и сына из Волгограда — за встречи с членами НТС. За вход в посольство Франции арестован рабочий Олег Алифанов. В Донецке схватили баптиста Владимира Тулопу, в Крыму — Ульяну Германюк, члена Совета родственников узников-баптистов, во Владимирской области — Валентина Наприенко.

В августе повторно в лагере арестован политзаключенный москвич Владимир Альбрехт. Во Львове — епископ пятидесятников Василий Боечко, в Эстонии — лютеранин Тийт Пядам. В Белоруссии схватили баптистов Михаила Реутова и Игоря Балашова.

В сентябре в Ленинграде арестован бывший политзаключенный, коллекционер неконформистской живописи Георгий Михайлов. В Литве принудительно доставили в психбольницу кришнаита Саулоса Дагиса.

В октябре в Ростовской области за решетку попал Сергей Бороздин, долго добивавшийся эмиграции по религиозным мотивам. В третий раз арестовали баптиста Ивана Плетта, родом из Душанбе. В Куйбышевской области арестован его единоведец Яков Крекер. В Молдавии разгромили типографию баптистского издательства "Христианин" и схватили шестерых, в том числе юных девушек Любу Иващенко и Наташу Шевченко.

В ноябре арестован член Грузинской Хельсинкской группы Эдуард Гудава — брат ранее арестованного Тенгиза. Сведения о ноябрьских (а уж тем тем более о декабрьских) арестах только начинают поступать.

Правозащитники и желающие эмигрировать,

католики и кришнаиты, баптисты и пятидесятники, члены Хельсинкских групп и участники мирного движения — спектр "внутренних врагов" не сужается и при Горбачеве.

Впрочем, кое в чем подход Горбачева и его окружения к проблеме прав человека отличается от подхода его предшественников: изменился тон и аргументация советской контрпропаганды. Нельзя сказать, что они совсем новы. Время от времени и раньше советские пропагандисты прибегали к тактике, выраженной в известном анекдоте: "а у вас негров линчуют". Но все же главный тезис их был таков: "зато в Советском Союзе обеспечены социально-экономические права".

Сейчас, когда на исходе седьмого десятилетия советской власти все силы брошены на выполнение Продовольственной программы, попросту говоря, на то, чтобы людей накормить, тезис о социально-экономических правах звучит не очень убедительно. И вот, как по команде (точнее, именно по команде), советскую прессу, как никогда ранее, заполняет волна сообщений о диссидентах и лагерях, психбольницах и национальной дискриминации... в странах Запада.

Западное общественное мнение серьезно обеспокоено судьбой бессудно сосланного в Горький А. Сахарова. В противовес этому советская пресса развернула шумную кампанию в поддержку американского индейца Леонарда Пелтиера, заключенного за убийство двух агентов ФБР. Упор делается на ужасные условия в тюрьме, где тот содержится.

Два года добивался А. Сахаров и его друзья во всем мире разрешения его жене Елене Боннэр выехать за границу для лечения (ей грозит слепота, у нее серьезное заболевание сердца). Советские журналисты недавно начали подробно сообщать о боксере Рубене Картере, недавно освобожденном из тюрьмы, которому в тюрьме повредили глаз и которому-де не разрешают поехать в Канаду для лечения.

На Западе пишут о судьбе изгнанных из Крыма татар, которым и по сей день не дают вернуться на родину. Советская пресса отвечает рассказами о "геноциде американских индейцев".

Прекращена эмиграция в Израиль, евреи, изучающие иудаизм и иврит, попадают в лагерь. Советская пресса протестует против антисемитизма в США. "На XIX съезде компартии США — сообщает московское радио, — говорилось, что существует дискриминация евреев на работе, при

съеме квартиры, в образовании". Депутаты Верховного Совета СССР шлют конгрессменам письма протеста.

Запад протестует против преследований верующих в СССР (вспомним приведенный выше список). Советские газеты вступаются в защиту двенадцати священников из Аризоны, которых судят за организацию нелегальной иммиграции в США из Центральной Америки. Даже Синод Русской православной церкви послал президенту Рейгану протест от имени священства и верующих.

Мир возмущен советской практикой использования психиатрии против инакомыслящих. В СССР пишут о "похищении" под воздействием психотропных средств советского дипломата (офицера КГБ) Виталия Юрченко.

Цензура писем и прослушивание телефонов — вещь хорошо известная в СССР каждому, кто пытается связаться с другом или коллегой на Западе. Радио Москвы информирует своих слушателей о том, что "граждане США, общающиеся с иностранным правительством без официального разрешения, наказываются штрафом в 5 тысяч долларов или 3-годовалым тюремным приговором".

Мир борется за освобождение советских политзаключенных, которых в нашей стране насчитывается несколько тысяч. Радио Москвы наделяет США 250 тысячами политзаключенных, "Правда" сообщает, что США переживает "тюремный бум".

Аналогичных параллельных примеров можно было бы привести еще множество. Можно без всякого труда показать лживость, подчас совершенно фантастическую, советских контрпропагандных обвинений (вроде 250 тыс. политзаключенных, тюрьмы за письма иностранным правительствам или невозможности для американца поехать в Канаду). Вряд ли в этом есть нужда. Советский читатель давно привык читать между строк. От него не ускользнет то, что новая тактика пропаганды внутренне противоречива. Ее опровергают другие советские же пропагандисты, выполняющие другие "социальные заказы".

Читая об антисемитизме в США советский человек вспоминает об утверждениях отечественных газет о том, что могущественные сионисты контролируют американские средства массовой информации. Он обращает внимание на то, что

Леонард Пелтнер звонит из тюрьмы по телефону друзьям и дает интервью советскому корреспонденту. От него не укроется, что "информация" о четверти миллиона американских политзеков опубликована в американских же коммунистических газетах и беспрепятственно распространяется (и за это, значит, не сажают?!). И так далее, и тому подобное.

Давно сказано: "Можно долго обманывать немногих, можно недолго обманывать многих, но нельзя долго обманывать всех". ●

А. Б.

ЕЛЕНА БОННЭР НА ЗАПАДЕ

2 декабря Елена Боннэр, как и ожидалось, прилетела из Москвы в Рим. Наконец-то увенчалась успехом двухлетняя борьба А. Сахарова за то, чтобы его жене было разрешено выехать временно на Запад для лечения: Е. Боннэр, инвалид Великой Отечественной войны, слепнет, у нее серьезное заболевание сердца.

Условием выезда Е. Боннэр на Запад было ее молчание, отказ от встреч с прессой. Одно это говорит о том, каково приходится в ссылке А. Сахарову не меньше, чем самые подробные детали — значит, есть что скрывать! Елена Боннэр неукоснительно соблюдает наложенный на нее запрет — она лишь обронила фразу, что обеспокоена болезнью мужа.

Не в характере Е. Боннэр принимать условия КГБ — касайся это только ее, она никогда бы не пошла на такие уступки. Но КГБ угрожало не ей лично — если она нарушит обет молчания, ей не будет разрешено вернуться обратно, и А. Сахаров в своей горьковской ссылке останется в полном одиночестве, обреченный на глухую гибель. Допустить это Е. Боннэр, конечно, не может.

Известно о А. Сахарове лишь то, что сказал он сам во время трех телефонных разговоров с родственниками в Бостоне — разговоров, которые ему были разрешены: 4, 20 и 28 ноября. Выяснилось, что с 16 апреля по 23 ноября А. Сахаров голодал, добиваясь для Е. Боннэр разрешения на выезд. Лишь с 11 по 27 июля он сделал перерыв в голодовке в ожидании ответа на свое письмо М. Горбачеву. Ответа не последовало, и голодовка была возобновлена. Все это время А. Сахарова искусственно кормили — самым грубым образом, зажимая нос и вводя зонд в пищевод.

Во время одного из таких "сеансов кормления" А. Сахаров перенес удар.

Выяснилось, что видеофильм о А. Сахарове, выпущенный через В. Луи на Запад в июле этого года, — фальшивка. Фильм, показывающий А. Сахарова здоровым и хорошо питающимся, был выпущен на Запад 29 июля, когда А. Сахаров уже голодал снова. Снят фильм был много раньше, но датировка была изменена. Фальшивкой оказались и большинство телеграмм, посланных Е. Боннэр друзьям и близким — даже фототелеграммы. Они оказались искусным монтажом посланных ранее и перехваченных телеграмм.

Теперь, когда А. Сахаров вновь окажется в изоляции, в глухом молчании — уже нельзя будет верить ни одному "свидетельству" КГБ — кроме собственных слов самого А. Сахарова или Е. Боннэр.



А. Сахаров после голодовки

В Италии Е. Боннэр побывала в Сиене у своего лечащего врача-офтальмолога. Было сделано обследование, после чего врач должен решить, необходима ли операция. Е. Боннэр приняли частным образом премьер-министр Италии Беттино Кракси и папа Иоанн-Павел II. 7 декабря она вылетела к родным в Бостон (США), где ей будет сделана операция на сердце.

Выезд Е. Боннэр на Запад — большой успех всех, кто не жалел усилий в борьбе за спасение этой героической семьи. Но этот жест советских властей ни в малейшей степени не свидетельствует о каких-то сдвигах в вопросе о правах человека в СССР.

Не могут права человека обеспечиваться или не обеспечиваться в зависимости от ситуационных политических нужд (например, для лаки-

ровки собственного образа перед встречей на высшем уровне). Не может справедливость и закон существовать или не существовать в зависимости от желания или степени либеральности очередного правителя. Сегодня он "хочет" уважить права человека, завтра ему это надоест. В самой системе нет никакого внутреннего механизма, который гарантировал бы гражданам, что от рождения принадлежащие им права ни в коем случае не могут быть отняты.

Пока такие гарантии не будут созданы, даже добрые дела властей останутся лишь прихотью барина. Такой режим, такое государство бесконечно далеко от правового государства, каким должна быть крупнейшая в мире держава. Такое государство всегда останется угрозой не только своим собственным гражданам, но и всему миру. ●



Е. Боннэр в самолете по пути в Рим

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ СССР ПРЕКРАЩЕНА

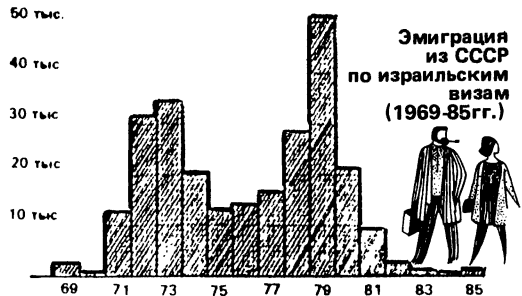
Право на эмиграцию принадлежит к числу основных прав, уважать которые Советский Союз обязан в соответствии с подписанными им международными соглашениями. СССР подписал и ратифицировал Международный Пакт о гражданских и политических правах, статья 12 (пункт 2) в которой прямо и недвусмысленно провозглашается: "Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную". Этот Пакт вступил в силу в 1976 г. и имеет на территории Советского Союза силу закона.

На практике, однако, закон этот в полной мере никогда не соблюдался в нашей стране. И до подписания Пакта, и после него, говоря об эмиграции из СССР, советские власти всегда имели в виду прежде всего еврейскую эмиграцию (точнее, выезд по израильским визам) и в меньшей степени — эмиграцию немцев и армян. Людям, не принадлежащим к этим

категориям, выезд всегда был крайне затруднен, если не невозможен. Исключения были редки и каждый раз проблема решалась индивидуально, в основном для лиц, от которых власти сами хотели избавиться. В таких случаях людей даже принуждали к эмиграции против их собственной воли — так было со многими активными диссидентами.

До 1969 г. эмиграция была фактически на минимальном уровне. За 20 лет после создания государства Израиль, в 1948–1967 гг. по израильским визам из СССР выехало всего 6934 человека. В 1968 г. — всего 231 человек. Затем начался рост, продолжавшийся до 1973 г., когда начался спад — вплоть до 1975 г. В 1976 г., год вступления Пакта о гражданских и социальных правах в силу, количество выехавших из СССР вновь начало расти.

Пик эмиграции из СССР по израильским визам был достигнут в 1979 г., когда Советский Союз покинули 51333 человек. После этого цифры пошли резко вниз — уже в следующем году число выехавших сократилось на 30 тыс., потом еще на 12, а затем упало до пренебрежимо малых величин — как до 1969 г. За первые 11 месяцев 1985 г. выехало всего 1044 человека.



Как сказано в одном из закрытых писем, рассылавшихся по советским учреждениям, "метод разрешения внутренних конфликтов путем дозволения эмиграции оказался политически ошибочным". Пактами и правами человека в таком случае, конечно, можно пренебречь.

С приходом М.Горбачева к власти оживились надежды, поползли слухи о новой волне эмиграции, о предстоящем выезде из страны десятков, если не сотен тысяч евреев. 11 ноября московское радио охладило надежды оптимистов, назвав эти слухи "измышлениями, имеющими целью повредить отношениям СССР с арабскими государствами". ●

Комментирец Р. Бахтатов



ХОТЯТ ЛИ РУССКИЕ...

I.

Всегда ли хочет упасть тот, кто падает. — Гангстеры и хунхузы. — Таинственный механизм музыкальной шкатулки. — Справедливая записка. — Борьба мифов. — Мир через пятьдесят лет. — Колесных дел мастера. — Стук в дверь. — Притворяются или верят? — Писатель и война.

Надо, наверно, быть поэтом, чтобы с легкостью ответить на такой вопрос. Неужто русские хотят войны? С одной стороны, конечно, нет, не хотят. Но с другой... С другой?

Древние греки, люди умные и многоопытные, советуют не торопиться. Походить, подумать. Учесть все "за" и "против". Общий вопрос заменить частным, сложный — простым. Скажем, так. Всегда ли хочет упасть тот, кто падает? Или, конкретнее: хотели ли русские войны в Афганистане?

Понятно, речь идет о тех русских (и нерусских), от которых это зависело. Народ ведет войну, но начинает ее не он. Так вот, я думаю, что даже те, кто эту войну начал, совсем ее не хотели. Нежелание было настолько сильным, что на протяжении пяти с половиной лет (до конца июня 1985 года) нас уверяли, что ничего такого в Афганистане не происходит. Рутинные полицейские операции против недобитых феодалов и местных уголовников. Советский же ограниченный контингент просто наблюдает, чтобы посторонние уголовники — американские гангстеры и эти китайские... хунхузы — в чужие дела не лезли.

Механизм кремлевской музыкальной шкатулки непостижим. Можно только гадать, почему вдруг хватающая за душу мелодия "У самовара я и моя Маша" сменилась тревожно-мужественным вальсом "На сопках Манчжурии". Первые такты нового мотива прозвучали в "Комсомольской правде" 28 июня 1985 года.

Произошло это при любопытных обстоятельствах. На вечере в клубе московского автозавода собкор "Комсомолки" по Афганистану Владимир Снегирев получил из зала подозрительную записку: "В "Комсомольской правде" редко публикуются репортажи о службе наших воинов в Афганистане. А нам хотелось бы знать об этом как можно больше."

Из практики известно: не все записки читают вслух, некоторые — про себя. Однако эту прочли и даже ответили не так, как знаменитое радио ("Отвечаем: на глупые вопросы не отвечаем"), а серьезно и уважительно. "Справедливая записка, — сказал тов. Снегирев, который, между прочим, не только корреспондент газеты, но и аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС. — Я думаю, что выражу общее мнение: конечно же таких материалов должно быть больше. Наши ребята в Афганистане выполняют очень ответственную интернациональную миссию, на их долю выпадают очень серьезные испытания, и хорошо, если мы с вами будем помнить об этом каждый день."

И представьте: высказал-таки общее мнение! С этого дня материалы о службе наших воинов стали регулярно печататься во всех центральных газетах, а "Красная звезда" даже ввела особую рубрику: "Место службы — Афганистан".

Наш журнал уже однажды анализировал этот феномен ("Страна и Мир" № 9, 1985). Дело, очевидно, в том, что в ходе войны столкнулись два мифа: миф об отдельных "отщепенцах" и миф о непобедимости советской армии ("Но от тайги до британских

морей Красная армия всех сильнее”). Естественно, что предпочтение было отдано главному мифу.

Но суть не столько в количестве публикаций, сколько в их сути. На наших глазах совершались метаморфозы. Отдельные головорезы превращались в банды и орды; уголовники — в ”идейных противников свободы”, случайные стычки — в затяжные и тяжелые бои. А ”Советская Россия” однажды договорилась до того, что в Афганистане идет гражданская война.

Новая установка, однако, вызывает новые вопросы. И прежде всего: почему в качестве места подвига выбран Афганистан? Неужто в нашей огромной стране не осталось неиспользованных площадей для подвига?

Впрочем, это как раз мелочь. А вот гражданская война — это серьезно. Настолько серьезно, что заставляет по-новому оценить роль ограниченного контингента. До сих пор, насколько нам известно, Советский Союз лишь однажды участвовал в чужой гражданской войне. В испанской. Но во-первых, было это давно — во времена недоброй памяти культа личности. Во-вторых, там он выступал на стороне законно избранного правительства. В-третьих, формально в боях участвовали добровольцы. Наконец, в-четвертых, делалось все это под покровом тайны. Порой полезно оглянуться назад, чтобы понять, как изменился за пятьдесят лет наш мир.

Будем объективны. Нет, русские не хотели войны в Афганистане. Они хотели тихо и мирно занять страну. Конечно, при этом пришлось бы ее слегка почистить. Как водится. Ночной негромкий стук в дверь. Машина с привлекательной надписью ”Хлеб” или ”Мясо”. Уютный кабинет следователя. А дальше уж как повезет: кому-то подвал, кому-то исправительно-трудовые.

Зачем это все? А низачем. Просто подошла очередь. Разумеется, формальных причин не было. Афганская армия в лучшие времена не превышала 90 000. Все афганские правители с начала тридцатых годов: и Надир-шах, и его сын Мухаммед Захир-шах, и последний — президент Мухаммед Дауд — проводили по отношению к СССР политику более чем дружественную, об этом можно прочесть в любом советском учебнике истории.

Нет, дело не в угрозе священным рубежам. Дело в Колесе истории. Оно, это колесо, не может стоять на месте, от этого оно ржавеет. Колесо должно катиться — таково его прискорбное свойство. И, конечно, кого-то давить.

Мне возразят, что это анахронизм, что времена колесной философии ушли в прошлое. Если бы... Совсем недавно центральные газеты, комментируя требование американского государственного секретаря Дж.Шульца о выводе советских войск из Афганистана, возмущались: Шульц пытается повернуть вспять колесо истории!

Верят ли в это советские вожди или притворяются? Это очень важно. Хорошо, если притворяются. А если верят? Не проливает ли это некоторый добавочный свет на тот главный вопрос?...

Афганцы, темный народ, про колесо они не знали. Так что, если кто и начал эту бессмысленную, исторически обреченную войну, то начали ее афганцы. Беда, однако, в том, что колесо буксует. Шесть лет длится война в Афганистане, шесть лет ограниченный контингент (от 115 до 150 тысяч человек) с самолетами, вертолетами, ракетами, танками мыкается с проклятыми душманами, неся, как только что признал советский представитель в Женеве, ”все большие потери”.

Шесть лет — это много. И в прошлом, и в нынешнем году Генеральная Ассамблея ООН, раньше такая хорошая, такая послушная, абсолютным большинством голосов потребовала вывода ограниченного контингента. По слухам, даже в самой стране не все ладно: где-то прошли демонстрации, где-то в машины с гробами швыряли камни. Пусть это слухи. Но письма я читал своими глазами: ”Андрея взяли в армию. Страшно волновались, куда пошлют.” И дальше вздох облегчения: ”В Германию”, ”под Якутск”, ”на Камчатку”...

Но самое важное — нет у этой войны названия, нет всеохватывающего, все объясняющего клише. Столько лет готовили народ к обороне, отражению чужого нашествия, к новой Отечественной. Назвать так вторжение в Афганистан язык все-таки не поворачивается, а без общего шаблона выходит разноголосица, отсебятина.

Тот же Владимир Снегирев напечатал недавно в "Собеседнике" очерк о погибшем в Афганистане друге. Друг, бывший завож Витебского обкома комсомола, поехал туда, чтобы помочь друзьям наладить комсомольскую работу. Ну там, сбор членских взносов, молодежный прожектор, борьба с алкоголизмом. И погиб — убили душманы. Конечно, жалко, — друг.

Несколько озадачивает название очерка: "Чтоб землю в Герате крестьянам отдать..." Герат, — очевидно, вместо Гренады. Однако светловский хохол пел про Гренаду давно, в годы революции. Тогда люди во многое верили. А потом были годы коллективизации, когда землю — и не в Гренаде, а на Украине — не отдавали, а отбирали у крестьян, а их самих уничтожали как класс. Собственно, до сих пор и не выяснено, что это было: могучий рывок коммунизма или тяжкие последствия культа личности. И вдруг "землю в Герате..." Не потому ли афганские крестьяне и сражаются насмерть, что не хотят, чтобы их как класс...? Нет, журналистскими очерками и беглыми репортажами, где отечественные георгии-победоносцы крушат китайско-американского дракона уже не обойдешься. Нужна новая идеология, идеология атакующего социализма, живая, гибкая, динамичная, короче, нужен писатель.

Но если войне нужен писатель, то и писателю нужна война. Не всякому, конечно, но одному во всяком случае — Александру Проханову. В литературу он вошел как певец сильного человека на Севере. Угрюмо стиснув челюсти, герой Проханова покорял людей и природу. Но люди нынче пошли хлипкие, бегут, от покоренной природы мало что осталось. А сильный человек Проханов без сильных ощущений не может. И тут — надо же, такая находка: в мирное время — война. Книги о войне Проханов еще напишет — это он обещал нам твердо. А пока он набрасывает торопливые записки. Он их так и назвал — "Записки на броне". Ради такого случая верный друг и наставник писателей "Литературная газета" не пожалела места: огромный очерк Александра Проханова напечатан в двух номерах — 28 августа и 18 сентября.

II.

По касательной. — Петля на шее вождя. — Приглашение из обоза. — Время, вперед! — Вековечное, державное дело. — Кроме позора. — Могли же и выиграть? — За Конотоп — в Герате. — По полюсам и экватору. — Во имя глобального равновесия. — Одна живем.

Сразу же скажем: "Записки" интересны. И тем, что в них есть, и тем, чего в них нет. Например, ни о каких империалистических захватчиках Проханов не упоминает — сегодня даже ребенку ясно, что ни американских, ни китайских, ни пакистанских солдат в Афганистане нет. Единственные иностранцы (если не считать, конечно, советских войск) — группа операторов из Франции. Неужели для борьбы с кинооператорами в страну и направлен советский ограниченный контингент?

Даже об иностранном оружии писатель упоминает мимоходом. "Чужое оружие", "китайские тяжелые пулеметы". Согласитесь, не слишком густо для *такой* войны...

И о конкретных причинах вторжения Проханов говорит вяло и неохотно, как бы по касательной: "Мы ввели контингент по просьбе дружественной сопредельной страны, атакованной из-за границы ее и одновременно нашим противником. Формула, объясняющая наше временное военное присутствие в Афганистане: выполнение интернациональной союзнической миссии и защита наших южных рубежей".

В этом пассаже отчетливо выявляются два различных пласта. Первый — о просьбе "дружественной страны" — откровенно формален. Проханов не может не знать того, о чем знает весь мир. Единственные войска, атакующие Афганистан "из-за границы", — войска советские, других там не было и нет. Хорошо известна история "просьбы". После "Апрельской революции" (переворота 1978 года) власть захватила группа коммунистов во главе с Тараки. Сразу же развернулись массовые преследования — купцов, крестьян, верующих. Вспыхнуло восстание. Мнения в коммунистическом лагере разделились: одни выступали за смягчение курса, другие — за ужесточение. Победила вторая, соперничающая группа — Хафизуллы Амина. Амин приказал задушить вождя Апрельской революции и усилил террор.

Восстание разгоралось. Отряды пограничных племен повели наступление на Кабул. Понимая, что дни его сочтены, Амин стал делать осторожные пассы в сторону американцев. Жестокость ему прощали (важнейшая составная часть социалистического гуманизма), пассы — нет.

Советские войска ворвались в Афганистан и убили Амина. А кто же просил о помощи? Просьба была. Поступила она из советского обоза — именно там находился будущий глава независимого Афганистана Бабрак Кармаль.

Совсем по-иному выглядят доводы Проханова насчет "наших противников" и "наших рубежей". Об угрозе этим рубежам мы уже говорили. Нет, речь тут идет о другом, даже вовсе и не об Афганистане. Цель Проханова (а значит, советской пропаганды) — неизмеримо серьезнее: обосновать право Советского Союза вмешиваться в конфликты, направлять по своему усмотрению ограниченные (или неограниченные) контингенты в любую точку земного шара, где он усмотрит противника или обнаружит угрозу своим священным рубежам.

Ради этой, действительно серьезной, действительно страшной цели и написан, в сущности, очерк А. Проханова. Перед нами достаточно внятная философия советского империализма.

Как раз с Афганистаном — проще всего, страна эта *сопредельная*. В отношении таких стран советские друзья давно присвоили себе право решать, какое оным надлежит иметь правительство. Логика ясна. Захватив Афганистан, СССР с удивлением и тревогой узнал бы, что теперь он граничит с Пакистаном. А поскольку режим в этой стране, отныне ставшей сопредельной, ему определенно не нравится, пришлось бы подумать о безопасности новой границы.

Но даже этой ползучей логики Проханову недостаточно: наше стремительное время требует иных темпов. Весь пафос его очерка в том, что интересы Советского Союза глобальны, а значит, не ограничены ничем — ни рубежами, ни договорами.

Доказательство этого тезиса строится в нескольких аспектах. Аспект первый — *исторический*. словно бы между прочим нам сообщают, что солдат, воюющий в Афганистане, "делает *вековечное, державное* дело". Дабы мы не пропустили намек, нам разъясняют, что в нынешних офицерах жив тот же дух, что "в Денисе Давыдове и в Скобелеве". Ну, Денис Давыдов — из другой компании. А вот Михаил Дмитриевич Скобелев, "белый генерал", покоритель Туркестана, это да, это то, что нужно. Не случайно в очерке все больше действуют прапорщики и усталые офицеры. Преемственность.

Впрочем, и советская история не забыта. В ней ведь тоже были славные страницы — бои на чужой земле. У Халхин-Гола, в Испании. Поскольку у нынешнего гражданина могут возникнуть сомнения — так ли уж было нужно гибнуть в тех краях, — автор объясняет: да, необходимо. "Они, те могилы... удержали японскую Квантунскую армию от вторжения. Сберегли народу тысячи жизней. Сберегли Москве сибирские дивизии..."

Казалось бы, про злосчастную испанскую авантюру и этого не скажешь. Ничего она не сберегла, кроме позора. Ведь советские "добровольцы" там не только и не столько воевали, сколько расстреливали неугодных: анархистов, троцкистов, либералов.

Проханова подобные мелочи не смущают. Да, тогда мы проиграли. Но могли же и выиграть. "Если бы в сорок первом году Испания была сильным и дружественным нам государством, связанным с нами узами братства, помнящим нашу помощь..." Представьте, что было бы тогда?! В общем "в Испании, под Гвадалахарой и Мадридом, мы сражались и за Брест, и за Киев, и за Волгу". Надо ли удивляться, что за Конотоп мы сегодня сражаемся в Герате?

Но это прошлое. Так было раньше, до Второй мировой войны, когда "еще не существовало ядерной бомбы, ракет, атомных субмарин. Когда в воюющем мире оставались целые "зоны покоя", не захваченные сражением".

Сейчас обстановка иная. "Сегодня, — мрачно вещает автор, — театры военных действий мгновенно сливаются. Враг готовит удар по Отечеству одновременно со всех концов света." Идет перечисление: Европа, Средиземное море и Персидский залив, Индийский океан, через Северный полюс, Тихий океан и Атлантика.

Надо ли удивляться, что "наша оборона глобальна, проходит по полюсам и экватору, по небесам и океанскому дну". О природе этой *обороны* можно судить по Афганистану. Чтобы все было окончательно ясно, Проханов вводит новое понятие — "равновесие глобального пространства". Нарушение равновесия есть "нарушение паритета, слом стратегического равенства".

Кто же, интересно, будет определять, совершилось ли нарушение? Глупый вопрос. Разумеется, Советский Союз.

Да, начинает войну правительство, но ведет ее все-таки народ. Потому исторический аспект сам по себе стоит дешево, если он не подкреплён *психологическим* — желанием сражаться и умирать во имя глобального равновесия.

Никаких логических доводов в оправдание такой смерти у Проханова нет. Но есть *художественные* — та особая атмосфера авантюры, риска, экзотики дальних стран, в которой смысл войны уже не важен, а смерть не страшна, — одна живем...

III.

Латунь для Афганистана. — Пересылка на тот свет. — Смерть называлась силикоз. — Черная дыра Джезказгана. — Иные земли, иные лица. — Это ведь тоже романтика. — Братство на языке УК. — Зловещее свойство памяти. — Тревожное видение.

"...И снова сухой афганский воздух, афганский свет, несущий в себе тончайшую медь и латунь. Эта смуглая желтизна на лицах, в прокаленных гончарных строениях, в лазури изразцов, в песчаных разливах пустынь. Кишлак под винтами, клетчатые нивы пшеницы, стволы "акаэсов" за плечами солдат, странички в твоём блокноте — все в тончайшей латунной пылице. Лица, на которых лежит чуть заметный металлический отсвет военной латуни."

Латуни много. Так много, что начинает мерещиться: пока ты спал, на смену века железа пробрался никем не замеченный латунный век. Мы уже знаем, что в очерке нашлось место и другим, более серьёзным металлам. Латунь, военная латунь — только для Афганистана.

Кое-что теперь становится понятным. Вечная нехватка меди на заводах — дефицитный металл. Перечеркнутые заявки на медь — материал строго фондируемый. Восторженные статьи о тех, кто сумел заменить алюминием драгоценную медь.

Вспоминаются давние лагерные времена. Против нашей зоны глухой забор: инвалидный лагерь Спасск, пересылка на тот свет. Людей сюда собирали со всего Казахстана, но главным поставщиком инвалидов для Спасска был Джезказган, крупнейшие в стране медные рудники. Мы знали нехитрую тамошнюю арифметику: столько-то недель работы под землей, столько-то потом — на земле. Больше недель работы, меньше —

жизни. Смерть называлась силикоз и имела простой резон: сухое бурение. Каменная пыль оседала в легких; дальнейшее известно. Мы удивлялись. Легче легкого было подвести воду и перейти на безопасное мокрое бурение. Не из соображений гуманности, упаси Бог, просто это было невероятно дорого: гнать все новых и новых людей в черную дыру Джезказгана. Да не в деньгах дело: стране нужна была медь. Это ее веселый отсвет играет теперь на лицах наших славных солдат.

Знаете, есть в этом даже некий шарм. "Кто бывал в Афганистане, — пишет Проханов, поймет это чувство после Москвы и Ташкента, фонтанов и скверов, вагонов метро, нарядной толпы, больших светлых окон, обыденных домашних дел — "служебных", "магазинных", "семейных", после всей родной суеты, бестолковщины, уверенности в завтрашнем дне, — поймет это чувство, которое появится, когда самолет, одолев хребты, пойдет снижаться в каменную чашу Кабульской долины, и возникнут иные земли, иные речи, иной счет времени, иные выражения лиц..."

Я оборву тут цитату, потому что дальше идет экзотика: рынки, мечети, ущелья, караванные пути. И, конечно, нечто особое — "афганское братство".

"...Отслужили, отработали в Афганистане, вернулись на родину, растворились в городах и селениях, в несметном народе, но как бы остались "ограниченным контингентом". Узнают друг друга с полуслова, по какой-то особой, неуловимой "афганской" повадке, взгляду, жесту, суждению. Этот опыт уже среди нас... Здесь, в Союзе, все ищу этот латунный отсвет на лицах. Нахожу безошибочно."

Все это написано писателем-профессионалом, знающим цену слову. И все это ужасающе неоригинально. И ответы, и афганское братство, и командир с сединой на висках, отправляющий в бой сынков-солдат, и фольклор, напоминающий старинные солдатские и казачьи песни. Что-то от Тихонова, что-то от Симонова, а у истоков — Киплинг, которого советское литературоведение аттестовало не иначе, как бардом британского колониализма.

Он и был певцом — только великим. Потому что все у него глубже, тоньше, натуральнее. Писал он и об Афганистане: "Город Кабул на реке Кабул. Черная смерть..." Спрашивал, стоит ли чертов город через реку Кабул жизни друга. И отвечал: нет. Нашему советскому Киплингу сомнения чужды. Он прямо надрывается в крике: "Стоит! Стоит! Стоит!"

Однако и у Проханова все не так просто. Что это, например, за "афганское братство"? Оказывается, люди, побывавшие там, многое поняли. "Многому научились. Исчезли иные иллюзии. Накопилось знание. Не только военное. Не его имею в виду." Похоже, тем, кто оттуда вернулся и гуляет в нарядной толпе Тверского бульвара, варит сталь в Запорожье, сеет хлеб в Казахстане, здесь, в стране зрелого социализма, не все нравится. Тем более, что там, в мире торжищ, кишлаков и мечетей, они хлебнули приключений, безнаказанности, даже известной свободы, — всего, чего они начисто лишены в Москве, Сызрани, Сыктывкаре. Романтика колониализма — это ведь тоже романтика. Особенно на грязно-сером фоне скуки, коммунальных квартир, лозунгов, вечных нехваток, очередей.

Однако мы тоже кое-что знаем об афганском братстве. Об офицерах, которые пьют и грабят, об издевательствах старослужащих над новичками, о наркотиках, самоубийствах, о сдаче в плен, о попытках найти убежище в иностранных посольствах. К примеру, издевательства над первогодками приобрели такой размах, что покойный Епишев, начальник главного политического управления советской армии, принужден был сказать о подобной практике публично, а соответствующая статья уголовного кодекса пополнилась пунктом, регулирующим "братские отношения" в армии.

Все это так. И тем не менее мы не можем не учитывать злое свойство памяти: забывать плохое. Пройдет много лет, страшные эпизоды забудутся, и, может быть, кто-то и в самом деле будет вспоминать Афганистан с сожалением. В разбое ведь тоже есть

своя прелесть. К ним, к этим людям, и обращается автор "Записок на броне". Именно их он уверяет, что тут, в чужих горах, возникло иное видение. Мира — в целом. Народа — в целом. Родины — в целом. Тревожное, надо сказать, видение. Опасное.

IV.

Третий аспект проблемы. — Кровь: своя и чужая. — По обе стороны границы. — Субъект истории в бронезилете. — Читайте К.Симонова. — Разъятое время. — Малый контрапункт в большом контексте. — Наш паровоз, вперед лети! — Остановиться, оглянуться.

Романтика не мешает Проханову быть реалистом. Отсюда еще один, *практический* аспект проблемы. Со времени окончания Второй мировой войны прошло сорок лет. Сорок лет мирной жизни — это, понятно, здорово. Но... "Но офицеры, старшие командиры, дослужившиеся до высоких званий, много ли они стоят в невоюющей армии? Она, армия, летает, плавает, следит глазами радаров, учится использовать невиданную технику, разыгрывает варианты возможных сражений. В общем, делала она немало, а не делала одного: не лила кровь, ни свою, ни чужую."

Теперь досадное упущение исправлено. Они, командиры, иные с академическим стажем, только здесь в Гиндукуше, становились военными. Да ради одного этого — чтобы увидеть кровь, чтобы стать до конца военными — стоило воевать!

Кровавая калькуляция настолько занимает Проханова, что противник — тот самый душман, что вызвал, говоря его же словами, "яростное, предельное столкновение страстей, идеалов... судеб", интересуется инженера человеческих душ на удивление мало.

Кто такой Ахмед Шах, что послал в ущелье Саланг до тысячи стрелков? И что это за люди, идущие в ущелье, чтобы воевать с вооруженной до зубов армией? И кто, наконец, составляет базу этих душманов? По ту сторону границы — ясно, французские кинооператоры; а по эту — в самом Афганистане?

На такого рода неприятные вопросы наш автор отвечает в своей излюбленной манере — по касательной. "Зеленая зона — базовый район для душманов, где они пополняют запасы продовольствия. Как? Обиравая крестьян. Здесь они и укрупняют поредевшие после боев банды, насильно рекрутируя в них молодежь".

Вот с этими-то насильственно рекрутированными и ведет "яростную, грозную борьбу" могучая советская армия? В районах, сплошь заселенных обобранными крестьянами? Убедительно.

Проханов оговаривается: "Кто бывал в Афганистане, поймет". Ясно, однако, что поймет и тот, кто в Афганистане не бывал. При таком неравенстве сил выдержать шестилетнюю войну может только один противник — народ.

Автор трогательно описывает советского солдата, занятого "размышлениями на высшие темы, связанные со смыслом жизни, с родной историей, в которой ему выпало действовать, одетому в бронезилет."

Очень может быть, все так и есть. Но размышляя над родной историей, которую ему доводится творить на чужой земле в бронезилете, солдату трудно не вспомнить железную формулу Константина Симонова:

Мне жаль, солдат. Но раз ты прибыл
Чужой порядок насаждать,
Ты стал врагом. И кто б ты ни был,
Пощады ты не вправе ждать.

И все-таки, скажут мне, Афганистан — частность, всего лишь краткий эпизод в долгой истории нашей страны. Рано или поздно война кончится, и снова наступит мирная жизнь. Александр Проханов так не думает. А значит, так не думают и те, кто печатал, визировал и "литовал" его очерк.

”...У меня такое чувство, что Афганистан рассек, разъял наше время надвое. Оставил позади благодатную жизнь, гарантированное личное и общественное благо, гарантированный мир. Отделил собой грозные дни и годы, связанные с острой опасностью, борьбой, обороной, личной жертвой, с отказом от личного блага в пользу государственной общей идеи, с коллективным чувством отпора и обостренным гражданственным сознанием.”

Так как же, хотят ли русские войны? Я не знал этого раньше, не знаю и сейчас, заканчивая этот комментарий. Но мне ясно, что не Афганистан разъял наше время надвое; это сделали те, кто рассек живое тело Афганистана. И если они обещают себе (и нам) дни и годы, связанные с острой опасностью, борьбой, жертвами, вряд ли это сулит нам мир.

Когда-нибудь я опишу этот бой, обещает Проханов, если пойму, куда этот бой поместить, в соседстве с чем, в каком, как говорят, контрапункте... Автор скромничает. Сам по себе бой описывать, конечно, стыдно: слишком неравны силы. Но в контексте большой войны этот маленький бой мог бы стать контрапунктом — по контрасту. Так оно начиналось — с тускловатого металлического блеска латуни. А потом был стального цвета уран и вовсе бесцветный водород, который и не металл вовсе. Этакий эффектный курбет на тему причина—следствие...

Я вовсе не хочу сказать, что очерк Александра Проханова — манифест нового курса советского руководства. Я думаю, что курс еще не выработан. идет анализ моделей, прикидка и примерка. Но сам факт появления очерка свидетельствует, что модель, когда историю придется делать в бронезилете (а писать о ней — на броне), по меньшей мере, не исключается.

В другом очерке, о котором я упоминал, — в очерке В.Снегирева, герой поет не только ”Гренаду”, но и еще одну песню: ”Наш паровоз, лети вперед — в Кабуле остановка”. Хорошая, по-моему, песня — я ее тоже пел. Остановка, конечно, незапланированная, непредвиденная. Но полезная. Самый подходящий момент остановиться, оглянуться. Правильно сказал в июльском докладе Михаил Сергеевич Горбачев: ”Времени на раскачку не осталось. Оно исчерпано прошлым.” ●



Боевые действия в Афганистане.
Кадр из советского телевизионного фильма



ИЗВЕСТИЯ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА КОНТРАБАНДЫ

СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Напечатанная в номере за 23 июля статья "Рай... для комиссионки" замечательна: это первый за много лет материал о контрабанде — не в Пуэрто-Рико, а в Советском Союзе. Вдобавок речь идет не о злоумышленнике, пытавшемся перепрыгнуть границу на одной ноге (много ли при этом унесешь?), а о команде целого судна, об "организованной контрабанде и спекуляции в особо крупных размерах". Оказывается, эти преступные действия, возглавляемые первым помощником (помполитом) теплохода "Тараклия", были хорошо известны в Новороссийске и пользовались широкой общественной поддержкой: "На зависть многим коллегам, у командования "Тараклии" не было проблем ни с постановкой к причалу, ни с бункером (топливом), ни с текущим ремонтом... И рейсы почему-то попадались все выгодные, с заходами в итальянские или испанские порты".

Что же экспортировала из Италии и Испании команда теплохода? Был случай — стереомагнитолу японского производства. Ну, допустим. Но это не главный товар. Главное — куртки, джинсы, майки, кроссовки, мохер, обувь. Читатель несколько разочарован. Вещи-то самые заурядные. Зачем их тащить через границу? Мало того, что все это выпускается советскими предприятиями, оно еще и стоит в СССР дешевле, чем в Италии или Испании.

Тут выясняется поразительная подробность. Все эти вещи продавались втридорога. И не столько даже на черном рынке, сколько через сеть комиссионных — государственных! — магазинов. Иначе говоря, сами власти официально признали, что качество советских товаров "народного потребления" настолько низко, что итальянские или испанские тряпки (тоже, надо думать, не высшего сорта) по справедливости стоят много дороже. Прозаическая деталь — но может быть, самая интересная во всей этой жуткой истории с контрабандой. ●



Орган управления
Союза писателей
СССР

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 56-й

1985 г.



СЕМЬДЕСЯТ

МИНУС ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ

Сначала о детях. Какой школьник в наш просвещенный век не знает, что если от меньшего числа отнять большее, разность будет величиной отрицательной? Но взрослые имеют прискорбную привычку все усложнять. Несколько примеров подобного поведения приводит "Литературная газета" в номере от 9 октября: статья "Опавшие яблоки".

Василий Курулюк был когда-то председателем молдавского совхоза. Ныне — заключенный. Как случился этот вираж судьбы? "Он и месяца председателем не проработал, когда ему спустили так называемые контрольные цифры. Но как контролировать несбыточное? Ведь только по мясу ему дали цифру 570 тонн, а у него всего скота, с курами впридачу, наберется тонн 70. Поехал в райцентр... Во всех кабинетах побывал. Везде отвечали: "Выполняй!"

Про отрицательные числа Курулюк, очевидно, не знал — в его школьные годы их не проходили. Что было делать? Ему посоветовали: делай как все. А все попросту скупали скот у населения и сдавали государству под маркой колхозного.

Конечно, за мясо надо было платить (как и за молоко, которое тоже пришлось добывать тем же способом). Чтобы платить, нужны деньги. В подробности входить не будем, — они занимают 45 томов уголовного дела. Так или иначе, об этой истории знало ни много ни мало две тысячи чело-

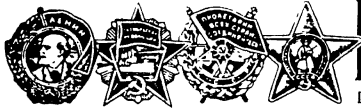
век. Из двух тысяч никто не пожаловался. Видимо, тоже не проходили отрицательных чисел. Перед судом, правда, предстало всего семеро — вместе с председателем все главные специалисты колхоза. Колхозники просили отдать им всех семерых на поруки. Суд подумал и отказал.

Курулюку “всунули” десять лет; разумеется, с конфискацией имущества. Конфисковывать в общем-то было нечего: не было у него ни машины, ни кубышки, ни даже собственного дома. Жил скромно, работал от зари до зари без выходных. Семья, правда, осталась.

А вот другой пример, еще один потерпевший аварию председатель колхоза: Петр Кириллович Прока. Курулюк проработал два года, а Прока — двадцать два. Кандидат наук, четыре ордена. И тоже, бедняга, сел. За что? Да в общем за то же. Есть, впрочем, дополнительныеотягчающие обстоятельства: кормил свиней хлебом, кур — манной крупой. Но цель та же самая — выполнить план. Журналист поинтересовался: пробовал ли Петр Кириллович отказаться от контрольных цифр? Пробовал. За 22 года ни разу не удалось.

Мораль этих упражнений на отрицательные числа ясна и читателям, и, разумеется, газете, но чтобы как-нибудь ее замаскировать, журналист пишет что-то невразумительное об одном из руководителей района, разумеется, тоже бывшем. Уголовная хроника? Нет; как говорит следователь у Достоевского, тут не Миколка. Вместе с Курулюком и Прокой на скамье подсудимых сидел некто невидимый, но известный всем — сидела система, которая вся сверху донизу основана на очковитательстве. Так что дело-то, оказывается, не уголовное, а политическое. ●

НЕЧЕСТНЫЙ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР



КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАН МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР

Хорошо идут дела в Советском райвоенкомате города Владивостока. Вот только доклад заместителя секретаря парторганизации В.Коньшина об итогах работы не отличился “глубоким анализом и принципиальностью в оценках”. Об этом печальном факте, который портит всю картину, сообщила “Красная звезда” в номере от 15 ноября.

Можно предположить, что дойдя до этого места, читатель зевнул и отложил в сторону боевой орган министерства обороны. Мало ли таких “не отличающихся” докладов делается на просторах нашей родины, и не только где-то там, но и с самых высоких трибун?

Между тем статью “Нужны не слова, а действия” стоит дочитать до конца. В ней, как в песне, есть свой сюжет, и как в анекдоте, самое интересное — конец. Оказывается, в работе военкомата было немало недостатков: равнодушие к людям, слабая связь с военруками школ... Газета отмечает и еще один деликатный момент. Военкомат отправлял в армию молодых людей, освобожденных от призыва, и наоборот, освобождал тех, кого полагалось призвать.

В качестве примера назван сын слепого инвалида Отечественной войны В.Гуис. Имевшего отсрочку сына инвалида вызвали в военкомат и, не дав даже рассчитаться на работе и сняться с комсомольского учета, остригли наголо и этапировали на краевой сборный пункт. Другой пример, противоположный, — В.Сарайкин, которому дважды “выписывался военный билет, но его владелец так и не оказался в армейском строю”. Или, скажем, В.Быковский, которого “вот уже второй год кто-то в военкомате заботливо оберегает от призыва”, О.Быков, спешно возвращенный домой с призывного пункта “без всяких оснований”, и многие другие.

Не станем гадать, какими путями молодым людям удалось отбояриться от выполнения священного долга, — кого спасла вульгарная взятка, кого — негромкий звонок сверху. Журналист сообщает, что в дело вмешалась военная прокуратура; превосходно. Так им и надо. Но дальше выражается опасение, что вряд ли это поможет. В военкомате создана “обстановка круговой поруки”, и представьте себе, не только в районном. Краевой военный комиссар генерал-майор В.Струков, которому пожаловался упомянутый выше инвалид, заверил, что меры приняты, — и обманул.

В чем дело? Изю всех городов Советского Союза Владивосток, кажется, дальше всех от Кабула. Не потому ли он и выбран в качестве иллюстрации? Чтобы, не дай Бог, не подсказать ненароком читателю, что между работой военкомата на Дальнем Востоке и благородной миссией советского ограниченного контингента в Афганистане есть прямая связь. ●

БЕСПАМЯТСТВО

ПАМЯТЬ, способность помнить, не забывая прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом.

Толковый словарь Даля

Сначала пропали крабы. Очень хорошо помню: штабеля банок с этим деликатесом громоздились в витринах самых затрапезных "Гастрономов". Впрочем, за деликатес их тогда никто не держал, хотя и для закуси брали неохотно, предпочитая привычные "Бычки в томате".

Потом крабы как-то сразу исчезли, а их место в витринах магазинов занял "Кальмар натуральный в собственном соку". Банки эти лежали без движения довольно долго: головоногие почему-то не вызывали доверия у моих сограждан. А когда их все-таки распробовали, было уже поздно: кальмары пропали так же бесследно, как и крабы.

И, наконец, шпроты. Еще совсем недавно их навязывали "в нагрузку" к очередному дефициту. А теперь банки с этими копчеными рыбешками сами стали дефицитом; увидеть их можно лишь в так называемых "продуктовых заказах", да и то редко.

Пожилые гурманы иногда предаются эгегическим воспоминаниям о временах поистине легендарных: когда-то, рассказывают они, еще до того, как безвозвратно канули в прошлое банки с крабами, было в магазинах полное изобилие. Ну, не такое, конечно, как до семнадцатого, но все-таки. И черно-красная икра, и семга с лососиной, и угри всякие с миногами, и мясное разное, такое, чему сейчас и названий не осталось...

И мы верим. И не потому, что такие уж мы доверчивые. Как раз наоборот: за последние годы научились мы криво ухмыляться и выражать всяческие сомнения. Правда, про себя. А вот тут верим. Потому как по собственному опыту знаем: самая надежная наша память — желудочная. Что же касается всего прочего, то тут память нас сильно подводит. Полагаться на нее мы никак не можем. Впрочем, и ей на нас полагаться тоже не стоит: подведем.

*

Странные штуки творятся порой с нашей памятью. Я говорю не о далеком прошлом: тут мы и вовсе как в тумане пребываем. Правда, одна дорожка в этом тумане нам все-таки оставлена — марксистско-ленинская. Неотвратимо ведет она нас из прошлого в настоящее и будущее. И других тропинок (других возможностей) у нас попросту нет. А и были бы — кому ж придет в голову их отыскивать? Вот к примеру, короткий разговор, который произошел у меня с моим соседом, не слишком молодым, однако весьма энергичным членом КПСС сталинского призыва. Вскоре после введения "ограниченного контингента" советских войск в Афганистан, он остановил меня около дома и горячась стал уверять меня в том, какое это, в сущности, правильное, мудрое, а главное — дальновидное решение. "Ведь если бы мы не вошли в Афганистан, — кричал он на меня, — там сейчас уже были бы американцы!"

— При чем тут американцы? — робко возразил я. — Они же на другом конце света...
Времени на размышление ему не понадобилось.

— Ну, тогда китайцы! — уверенно сказал он.

Так что не о далеком прошлом пойдет тут речь: слишком туманно оно для нас. И не о будущем: ясное оно до неправдоподобия. А вот то, что происходило с нами совсем недавно и что от этого недавнего прошлого остается у нас в памяти и как трансформируется, — это, на мой взгляд, и есть самое интересное.

*

День смерти Сталина запомнился мне благодаря моему отцу. Мы жили в редком по тем (да и нынешним) временам комфорте — в отдельной двухкомнатной квартире: отец был тогда в начале своей карьеры молодым, подающим большие надежды ученым. Его "скуная мужская слеза" не была данью соседям по коммуналке. Он плакал совершенно искренне перед двумя самыми близкими ему людьми: перед моей матерью и мной.

Спустя много лет, когда был ниспровергнут не только Сталин, но и его ниспровергатель, я как-то спросил отца:

— Папа, а помнишь, как ты плакал, услышав по радио сообщение о смерти Сталина?

— Не помню, — ответил он. — Этого не могло быть.

И я ему верю: он действительно не помнил.

А спустя еще несколько лет у нас состоялся последний мучительный разговор. В который уж раз я упрасивал отца подписать необходимую для ОВИРа бумагу, объясняя, что у меня, а значит, и у моих жены и сына, в этой стране нет будущего. Но аргументы мои были бессильны: он защищал свое благополучие, остатки своей карьеры. Разговор, как и все предыдущие, ни к чему не вел, мы оба это понимали.

— Если уедешь, небось клеветать будешь, — говорил он.

— Ну почему обязательно клеветать... — вяло отбивался я. Вяло, потому что это мы с ним уже проходили.

Но вдруг в его словах прозвучало что-то новое:

— А ты помнишь, — спросил он, значительно помахивая указательным пальцем, — что сделал Тарас Бульба со своим сыном?

Мне стало смешно. С возрастом еврейские черты в лице моего отца проступали все более явственно, и сейчас он, при всей своей респектабельности, удивительно походил на старика-еврея содесского Привоза. Старик этот навсегда застрял в моей детской памяти.

Еврейский Тарас Бульба! Где тот Шолом-Алейхем, что опишет тебя?

— А ты помнишь, — ответил я, открывая дверь его кабинета, — чем кончил Тарас Бульба?

С тех пор мы не виделись. И я знаю, что он напрочь забыл обо мне и о своем внуке, моем сыне — так же, как забыл о своих слезах по поводу смерти Сталина.

Поначалу, правда, лавры Тараса Бульбы все-таки не давали ему покоя. Ибо он отправился с визитом в КГБ, покаялся в том, что не сумел воспитать из меня истинного патриота и клятвенно пообещал: никакого документа для ОВИРа он никогда мне не подпишет. И, судя по всему, сумел-таки убедить власти поддерживающие в своей лояльности.

А я какое-то время злился и вынашивал планы фантастической мести — вроде прокалывания всех четырех шин его машины. Но потом вдруг понял, что мой бедный папа здесь ни при чем. Не виноват он. А просто — такова уж наша страшноватая действительность: культ не культ, а чего не случается. Истину эту мой отец не то чтобы запомнил — такого опыта у него никогда не было, — а просто вывел, подобно математической формуле.

И будучи однажды выведенной, формула эта всякий раз оказывается сильнее вековых наслоений культуры и вошедшей в пословицу еврейской любви к детям.

*

Но это, так сказать, частный случай. Если для моего поколения — родившихся в 40-х — слова "культ личности" еще могут означать сгинувших в лагерях старших родственников (а таких наберется, пожалуй, поболее, чем моих же сограждан, погибших в годы Второй мировой войны), то уже для моего сына это словосочетание лишено всякого смысла. Единожды мелькнувшее в нескольких строчках школьного учебника, посвященных почти тридцатилетней истории советского государства, оно не вызовет даже любопытства, желания задать вопрос: что же это такое — культ личности?

Пожалуй, виноваты в этом мы сами. И прежде всего те из нас (оставшиеся в живых, конечно), у кого на шкуре остались следы от когтей "культы". Чем объяснить наше молчание? Въевшимся в нас страхом? Или, как говорил мне в Бутырской тюрьме один весьма неглупый сокамерник, свойственным каждому человеку подсознательным желанием как можно скорее вычеркнуть из памяти все плохое? Именно поэтому, уверял он, мы сразу же, выйдя из тюрьмы, о ней забываем и стараемся никогда более не вспоминать.

Не знаю, как он, а вот я ничего не забыл. А один мой приятель, из тех, кто подобно мне навсегда запомнил запах тюремной камеры, не раз говорил мне, что второй "ходки" (ареста) он не перенесет. И когда угроза нового срока стала реальной, он застрелился.

Но, вероятно, таких немного, а подавляющее большинство действительно не может, не желает, отказывается помнить. Разве мало тех, кто, пройдя через тюрьму и лагерь, остался верен слову и делу Сталина? Потому-то и не вызывает удивления очевидная тенденция вновь провозгласить Сталина отцом народов. Тенденция эта ныне внятно звучит в газетных статьях, отчетливо просматривается в телепередачах, в документальных и художественных фильмах.

А почему, собственно, нет? Ведь память наша молчит, а Сталин не лучше и не хуже прочих. Ну, — сколько там? — 40, 50, 60 миллионов репрессированных; точные цифры хранятся в архивах, нам не доступных. Не сам же, не своими руками осуществлял Сталин эти репрессии! Указания, положим, он давал, но самые общие. А миллионом больше, миллионом меньше — значения для него не имело. Для него это были мелочи.

Чьими же руками все это делалось? Долго искать не приходится: нашими. Сотни тысяч, миллионы одних советских людей осуществляли насилие над сотнями тысяч, миллионами других. То же было и в Германии, однако, переняв у нас систему тотальной жестокости, Гитлер просчитался в главном: его подвела уверенность в том, что у немцев короткая память. Может быть, на объявленное тысячелетие рейха ее бы и не хватило, но десятка лет оказалось более чем достаточно. До сих пор — по прошествии сорока лет — немцы презирают и преследуют тех, других, но тоже — немцев, кто помогал Гитлеру в качестве рядовых исполнителей. До сих пор мучает немцев комплекс вины, мучает память, причем молодые терзаются памятью отцов и дедов. И эти терзания, эта ответственность за себя и своих предков — самая убедительная гарантия того, что нацизм в Германии не повторится. А если и повторится (история знает подобные примеры), то уж во всяком случае не скоро.

*

А у нас — безликий и безымянный "культ личности". И ответственность за него нести некому. Ибо без нашего активного соучастия не было бы ни культа, ни самой личности. Поэтому нынешняя реабилитация Сталина неизбежна: в ней — наша реабилитация самих себя. Да и культ личности Вождя и Учителя — это, собственно, наш культ самих себя. Не случайно ведь всегда соседствуют два самых популярных у нас плаката: на одном "Слава великому Такому-то!" на другом — "Слава великому советскому народу!" Именно поэтому для нас не слишком важно, кто конкретно стоит на пьедестале. Просто не можем мы допустить, чтобы он пустовал.

Покойный Владлен Травинский (мне уже доводилось писать о нем), прекрасный журналист, многолетний корреспондент "Литературки", как-то рассказывал мне о том, как в начале 60-х годов он плыл по Волго-Донскому каналу на так называемом "агиттеплоходе". Теплоход был битком набит писателями, артистами и прочими деятелями искусств. Одна из запланированных стоянок пришлась неподалеку от того места, где еще совсем недавно высился нелепо-огромный монумент Иосифа Виссарионовича. В те короткие годы, когда многолетняя деятельность Вождя на благо советского государства получила волонтаристскую оценку, — от чего, впрочем, ни авторитет Вождя, ни авторитет государства практически не пострадали, — монумент по хрущевскому повелению был взорван. Остался от него лишь высеченный в скале мощный постамент. Вот к нему-то, во время стоянки теплохода, и устремился Евгений Викторович Вучетич, пятикратный лауреат премии имени Вождя, автор многочисленных монументов, в том числе вышеупомянутого, к тому времени взорванного. С Вучетичем увязался Травинский, как он объяснял мне, его интересовала реакция художника при виде уничтоженного детища, которому было отдано немало времени и сил. Однако унылым Вучетич не выглядел. Он деловито рассказывал возле постамента, считал шаги, потом, поглядывая вверх, что-то вполголоса вычислял. Наконец, громко заключил:

— Да-да, прекрасно будет смотреться!

— Что будет смотреться, Евгений Викторович? — с неподдельным интересом спросил Травинский.

— Как что? — возмущенно переспросил Вучетич. — Неужели вы сами не видите: идеальное место для памятника Никите Сергеевичу!

*

"Когда очевидцы молчат, рождаются легенды", — написал Эренбург. Как ни странно, он имел в виду не себя и не нас, а французов, сотворивших легенду о взятии Бастилии. Конечно, Илья Григорьевич не создавал эпических произведений о штурме Зимнего дворца, в которых "каждую лестницу, каждый выступ брали, перешагивая через юнкеров". Он-то ведь наверняка знал, что защищать Зимний было некому, а несколько погибших красногвардейцев — результат давки в воротах перед Дворцовой площадью. Тем не менее его можно смело отнести к активнейшим творцам мифа, именуемого "историей советского государства": не случайно Эренбург трижды был удостоен высочайшего благоволения, называвшегося Сталинской премией. И созданные впоследствии "Оттепель" и "Люди, годы, жизнь" отнюдь не затмили сияния лауреатских медалей.

А очевидцы все еще помалкивают. Правда, свидетелей "начала начал" практически уже не осталось. Вероятно, именно этим можно объяснить результаты примитивного опроса, который я как-то провел из любопытства: из двадцати человек — людей различного возраста, но вполне "приличного" образования, — которым я задал вопрос: "Кто был организатором Красной Армии?", правильно не ответил ни один.

Конечно, дела эти давние. Хотя, между прочим, не столь давние, как взятие Бастилии для французов. Но и на очевидцев близких нам по времени событий полагаться нельзя. История переделывается ежедневно, на наших глазах, а мы этого просто не замечаем. Или не хотим замечать. И это наше равнодушие, наше незнание своего недавнего прошлого вполне устраивает стоящих (или лучше сказать — сидящих) у кормила власти. И не просто устраивает: разъедающая нас злокачественная амнезия целенаправленно ими поддерживается и потому прогрессирует.

Недавно по учебной программе центрального телевидения, в передаче об А.И.Куприне, актер Михаил Глузский читал "Гамбринус". Читал превосходно, но, как бы это мягче выразиться, неполно. В его исполнении все те места в рассказе, где речь идет о еврейском происхождении главного героя — Сашки-музыканта из одесского кабачка

”Гамбринус”, — именно эти места оказались выпущенными. И щемящий рассказ Куприна, обращенный против русских антисемитов, пройдя через цензуру советского телевидения, превратился в банальную историю об ”ужасах царского режима”. Потому как по нынешним временам осуждению подлежит лишь западный антисемитизм. А отечественный может быть разве только дореволюционным. Впрочем, и дореволюционного лучше не касаться: во избежание ненужных аналогий.

Может быть, я привел не слишком удачный пример: в конце концов, ”Гамбринус”, пока еще не оскопленный, можно прочесть в собрании сочинений и сборниках рассказов Куприна. Однако кто же будет читать? Мы ведь только романы Юлиана Семенова читаем. На то и расчет.

*

Впрочем, примеров того, как и кем поддерживается в нас забывчивость, более чем достаточно.

Вот, скажем, незначительная, но любопытная история с советским металлическим рублем. Он появился в 1961 году: с одной стороны — герб, с другой — ”1 рубль” и дата. Следующий был отштампован три года спустя и отличался от первого только годом выпуска. Потом пошли всевозможные юбилейные. Сейчас образцов металлических рублей в общей сложности около двух десятков, и все они до сих пор находятся в обращении. Все, кроме первого. Уже несколько лет как первый исчез, — нумизматы платят за него до ста обычных, бумажных рублей. А ведь он всего на три года старше своего собрата, выпущенного в 1964 году. Этот последний все еще исправно функционирует. Неужели за три лишних года родоначальник династии пришел в такую уж окончательную негодность?

Я полагаю, что дело тут совсем в ином. Первый металлический рубль был выпущен в связи с денежной реформой, проведенной в 1961 году Хрущевым. А следующий — в 1964 году, уже при Брежневе. Установка же, судя по всему, такова: даже косвенное упоминание об опальном волонтеристе должно быть выкорчевано из нашей памяти. И потому — исчез ”хрущевский рубль”, будто и не существовал никогда.

Ну, в случае с обменом денег все просто: и на прежние ничего нельзя было купить, и на нынешние. Поэтому мы и не помним — ни самой реформы, ни имени того, кто ее осуществлял. Однако бывают случаи, когда отделаться от воспоминаний гораздо труднее.

В 1981 году центральное телевидение показало зрителям обширную программу, посвященную двадцатилетию первого полета человека в космос. Особенно интересно-валя меня хроника. Когда-то эти кадры я уже видел, и не раз, и с нетерпением ждал их появления на экране. Вот Юрий Гагарин на тренажере, вот он вместе с Королевым, с друзьями, перед стартом... И наконец — памятная встреча Гагарина в аэропорту: идет он от самолета по ковровой дорожке, шнурок на одном ботинке развязался (до сих пор волнуемся: не упал бы), еще немного — и окажется он в объятиях... помните, чьих? Ну, вот сейчас...

В очередной раз подвела нас память. В показанной нам старой хронике попадает Гагарин в объятия... Леонида Ильича Брежнева!

Позвольте, позвольте... Хорошо ведь помню кадры той же самой хроники: встречал Хрущев. Целовал, энергично хлопал Гагарина по спине, сиял от счастья.

Ан нет. Та память — ложная. Не было этого. Гагарин был, встреча была, даже Брежнев был. А Хрущева — не было!

А вот интересно: в чьих объятиях окажется Юрий Гагарин во время следующего показа этой хроники?

Значит, на документальное свидетельство, каким — по определению — должны быть хроникальные кадры, мы полагаться не можем. Но и свидетельства очевидцев, если таковые отыскиваются, грешат умолчаниями или явной ложью. Особенно сильны в этом наши отечественные ”инженеры человеческих душ”. Примеры тому общеизвестны, однако мне трудно удержаться, чтобы не привести хотя бы один.

У Александра Дымшица, нашего придворного критика от литературы, была маленькая слабость: в перерывах между созданием основополагающих статей о принципах социалистического реализма любил он — в качестве отдыха, вероятно, или легкой разминки, чтобы перо не ржавело, — порассуждать о поэзии Мандельштама. При дворе к этой его слабости относились снисходительно, поскольку право на нее А. Дымшиц давно уже заслужил: его "отчеты" о творчестве некоторых советских писателей в свое время весьма способствовали очищению отечественной литературы от вредных влияний, течений и настроений. Впрочем, говорят, что обыкновенными доносами он тоже не брезговал. Словом, лапсердак его был украшен аксельбантом, и посему Дымшиц мог позволить себе кое-какие вольности — вроде увлечения поэзией Мандельштама.

Однако нельзя же рассуждать об особенностях поэзии, не говоря ни слова о жизни поэта: не зародилось бы сомнение в компетентности критика. А Дымшиц был человеком, безусловно, компетентным. С другой стороны, описание жизни Мандельштама вряд ли прибавит советским читателям бодрости, необходимой для трудовых свершений на благо социалистического отечества. Да и то сказать: ссылка, арест, лагерь и смерть, ни места, ни точной даты которой до сих пор не установлено. Слишком впечатляющая иллюстрация к рассказу о месте поэта и его поэзии в нашей действительности.

Выйти из такого положения А. Дымшицу было непросто. Но он с честью справился с этой задачей, еще раз подтвердив преимущество метода социалистического реализма. Осип Эмильевич Мандельштам, — писал Дымшиц в одной из своих статей, — был человеком весьма странным, чудаковатым и нелюдимым. А кроме того, очень любил путешествовать. Вот эти-то его черты, — продолжал Дымшиц, — и сыграли однажды с Мандельштамом злую шутку: как-то раз, никому ничего не сказав, ни с того ни с сего собрался он, да и уехал в Воронеж. А потом умер.

Ну, скажите: разве не заслуживает восхищения подобное жизнеописание? Нет, не зря получил А. Дымшиц свой аксельбант.

*

Аналогичная интерпретация аналогичных фактов свойственна большинству советских литераторов. Тайны из этого не делается; напротив — подобный метод во всеуслышание, с высоких трибун, объявляется единственно правильным. К примеру, совсем недавно состоялся в Москве объединенный пленум творческих союзов. Выступивший на нем лауреат всевозможных премий, народный поэт Башкирии Мустай Карим сформулировал основной принцип советского искусства следующим образом: "Важна не всякая правда, а истинная правда, которая возвышает советского человека".

Интересная мысль. Значит, правда, которая не возвышает советского человека, для нас не важна. Ибо если правда не возвышает, то она не истинная, то есть неправда, или, называя вещи своими именами, попросту ложь.

Вот так: то, что нас возвышает, — истинно, а все прочее — ложно.

Это и есть главный принцип социалистического реализма. В ходу он давно, тем не менее практическое его применение даже нас, ко всему привычных, ставит порой в тупик. Вот, скажем, с месяц назад появились в продаже огромные цветные фотопортреты нового генсека. Поначалу, когда он только-только на вахту заступил, пронесся было слухок о том, будто запретил он себя цитировать и портрет свой, астрономически разномноженный, на демонстрациях таскать. Дескать, Теоретиков и Отца-Оснотателя — сколько угодно, а меня и прочих здравствующих — погодить! И столько было в этом слухе ликования по поводу грандиозной победы нашей демократии, что поневоле сомнения закрадывались: а правда ли?

Скорее всего, не существовало никогда такого запрета. А если и существовал, так из окружения посоветовали: дескать, как же можно — чтоб без цитат и портретов? Никак нельзя, народ этого не поймет... Вот и пришлось распоряжение отменить: против народа не погреш.

Так что цитируют уже вовсю, а теперь еще и портрет. Современного покроя пиджак, рубашка без единой морщинки, изящный галстук (даже с некоторой претензией на легкомыслие — в полоску). И — лицо, о выражении которого я ничего не скажу, поскольку говорить тут не о чем. Хотя именно лицо я и разглядывал дольше всего, не веря своим глазам.

Михаила Сергеевича не раз уже показывали по телевидению, и, вероятно, не я один обратил внимание на запоминающуюся деталь: большое родимое пятно в правой верхней части лба нового генсека. По этому поводу злые языки вспомнили даже старинное выражение "Бог шельму метит". Однако себя я к злым языкам не отношу. Мне было гораздо приятней услышать коротенькую историю о том, как во время визита в Великобританию госпожа Тэтчер предложила Горбачеву воспользоваться услугами ее личного косметолога для быстрого и безболезненного удаления родимого пятна. И будто бы Горбачев, безо всякой бумаги, экспромтом, остроумно ответил, что он благодарит, но отказывается, поскольку его жена привыкла к этому пятну, а менять свои привычки она не любит.

Вероятно, и эта история выдумана. Но если и так, то выдумана она красиво. С удовольствием бы в нее поверил: лично мне, конечно, от горбачевского остроумия прибитка нету, а за державу приятно.

Вернемся, однако, к портрету. Дивное диво: на портрете никакого родимого пятна нет. У рядового советского человека подобное пятно вполне может присутствовать, но не у Генерального Секретаря. Не знаю уж почему. По-видимому, не возвышает оно генсека. А раз так, то все свидетельства о его наличии — ложь и происки. И никакие ссылки на то, что, мол, "сам же видел", не помогут. "Вот официальный портрет, — скажут. — Между прочим, фотография. И никакого пятна. Значит, нет его у Михаила Сергеевича. Это у вас телевизор барахлит".

Возможен и другой вариант отповеди, взывающий к моей снисходительности и пониманию. "Что вы, ей-Богу, из-за какого-то пятна шум подымаете. Ну, напорточил кто-то с портретом... Это же мелочь."

И я соглашусь: действительно, мелочь. Замечу только, что история с родимым пятном — лишь начало. Начало легенды.

Посмотрим, что будет дальше... ●

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Фидель Кастро имеет все шансы получить литературную премию и сравняться с покойным Л.И.Брежневым. Он подписал контракт с американским издательством Саймон и Шустер на публикацию трехтомника избранных произведений. Материала, слава Богу, хватит: кубинский вождь уже произвел на свет больше речей и интервью, чем Сталин, Рузвельт и Черчилль вместе взятые. Вопрос лишь в том, что отобрать для печати. В первый том войдут его речи в ООН и выступления по вопросу о выплате латиноамериканских долгов, во второй — мысли о религии и марксизме, в третий — мемуары (вот она, "Малая земля"...). Кроме славы, контракт принесет автору 2,5 миллиона долларов. Неясно, правда, удастся ли их получить: американское министерство финансов разрешило издательству подписать контракт только при условии, что деньги будут переведены на кубинский счет в США, заблокированный правительством.

Между прочим, — раз уж зашла об этом речь, — собрание своих произведений — речей, интервью и афоризмов — продал недавно одному американскому издателю еще один писатель: Михаил Горбачев. Гонорар — 1 миллион 800 тысяч долларов.

ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИИ, ИЛИ ИСТОРИЯ, СОТВОРЕННАЯ ПО ЗАМЕЧАНИЯМ

Тайна вещи кроется в ее происхождении.

Гегель

1. Открытие фронта

Принято считать, что процесс русификации истории начался в годы войны. Именно тогда, ощутив смертельную угрозу, Сталин отбросил идеологически выдержанный, но бесполезный классовый подход и обратился к теням своих великих русских предков. Все, однако, было не так просто.

Новый 1936 год дозволено было, впервые после революции, встречать с традиционной елкой. Официальное разрешение, содержащееся в речи секретаря ЦК ВКП(б) Постышева, прозвучало неожиданно: еще накануне сняли заведующих рынками, допустивших торговлю этими предметами культа.

Столь же неожиданным для непосвященных было открытие нового фронта. В понедельник 27 января шапка на второй странице обеих центральных газет — "Правды" и "Известий" — кричала: "На фронте исторической науки".

Газеты печатали написанные полутора годами ранее, в августе 1934 г. "Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу школьных учебников по истории СССР и новой истории". Рядом с замечаниями было помещено краткое сообщение "В Совнарком Союза СССР и ЦК ВКП(б)", содержащее восторги по поводу этого исторического документа, а также уведомление, что обе высокие инстанции решили опубликовать "Замечания" и "создать комиссию Совнаркома и ЦК ВКП(б) для просмотра и коренного улучшения, а в случае необходимости — и для переделки уже написанных учебников".

Публиковалось и постановление, подписанное В. Молотовым и И. Сталиным. В нем перечислялись поименно все десять членов комиссии. Завершал список Бухарин, гибель которого, как и большинства других ее членов (Радек, Бубнов, Бауман, Лукин, Затонский, Сванидзе, Ходжаев), можно полагать, была предрешена уже тогда. Их уничтожение, конечно, вовсе не было результатом того, что члены жюри, как пишет М. Геллер, "подвергли жесточайшей критике все указания, данные в "Замечаниях"¹. Достаточно ознакомиться с опубликованным 22 августа 1937 г. в "Правде" "Постановлением жюри", чтобы в этом убедиться. Указания, содержащиеся в "Замечаниях", были приняты к неукоснительному исполнению. Начиная с 1936 года националистическая составляющая вошла в золотой фонд советской идеологии вместе с идеей классовой борьбы.

Но вернемся к "Замечаниям". Одновременно с публикацией газеты посвятили им передовые и теоретические статьи: "Правда" — статью Радека, "Известия" — главного редактора газеты Бухарина.

Непосвященному не могло придти в голову, что полоса фронта пролегла как раз между двумя центральными органами, хором прославлявшими "дело величайшей важности". Скорее всего и сам Бухарин еще не подозревал в январе, что он-то и есть главный противник, против которого выстроится "фронт исторической науки".

1

См. М.Геллер и А.Некрич. Утопия у власти, 1982, ч. I, стр. 313. В то же время нельзя не согласиться с М. Геллером в другом: он прав, приравнивая "Замечания" к конституции 1936 г.

НА ФРОНТЕ ИСТОРИЧЕСКОМ

В Совнаркоме Союза ССР
и ЦК ВКП(б)

Замечания по поводу конспекта
учебника по «Истории СССР»

1. В конспекте не подчеркнута антикапиталистическая роль русского царизма, вклуче с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»).

2. В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екате...

Постановление ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР

1. В целях улучшения, а в необходимых случаях и для пересдачи написанных уже учебников по истории, организовать комиссию в составе гг. Жданова (председатель), Радска, Савиных, Горина, Лукина, Лаврова, Быстровского, Загонского, Файзулы Ходжаева, Баумана, Зубова и Шударина.

Комиссия предоставляет право организовать группы для просмотра отдельных учебников, а также объявить конкурс на учебники выходящие в первую очередь должны быть просмотрены учебники по обязательному курсу истории СССР и по новой истории.

Председатель СНК Союза ССР **В. МОЛОТОВ.**
Секретарь ЦК ВКП(б) **И. СТАЛИН.**

26 января 1936 года.

Замечания о конспекте учебника «Новой истории»

В конспекте не подчеркнута антикапиталистическая роль русского царизма, вклуче с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»).

В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екате...

В конспекте не подчеркнута антикапиталистическая роль русского царизма, вклуче с русской буржуазией и помещиками («царизм — тюрьма народов»).

В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екате...

Более того, создается впечатление, что он стремится занять место на передовой в нававшейся войне против школы Покровского. Не случайно статья Бухарина носит подзаголовок: "О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М. Н. Покровского".

Но прошло всего три дня, и стало ясно, что не покойный друг Бухарина Покровский, а он сам — главный объект запланированной операции. В четверг 30 января передовая "Правды" уже клеймит неких "любителей словесных выкрутасов, мало смыслящих в ленинизме", которые осмелились утверждать, что "до революции обломовщина была самой универсальной чертой русского характера, а русский народ был нацией Обломовых".

В передовой от 1 февраля "Правда" продолжает наступление. "Исторической неправдой, — пишет газета, — вредной болтовней является утверждение, что до революции русский народ представлял собой нацию Обломовых". На сей раз все еще не названный Бухарин оказывается в одной компании с "продажными фашистскими профессорами, доказывающими, что "русские даже не люди", и с Гитлером, который заявил, что "...не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам".

Чтобы прочнее привязать Бухарина к фашизму, в числе германских элементов называются не только реальные исторические лица ("русские цари Романовы, затем все эти Ольденбурги, Ренненкампы, Фредериксы, фон Плева, Штюрмеры, Остен-Сакены и др."), но и "вошедший в русскую литературу тип немца-управляющего". Имеется в виду, понятно, Штольц, персонаж все того же "Обломова".

Имя главного героя этого романа, ставшее нарицательным после статей Добролюбова о Гончарове, действительно было упомянуто Бухариным в статье, посвященной смерти Ленина. Статья была напечатана в "Известиях" от 21 января (за шесть дней до публикации "Замечаний") и называлась "Наш вождь, наш отец, наш учитель". В каком же

контексте фигурирует "нация Обломовых" у Бухарина? Это выражение он использует, чтобы противопоставить "прежней раздробленной России" Советский Союз, "самую организованную страну в мире, с единой теорией, с единым руководством". О Ленине и партии большевиков он пишет как о силе, которая нужна была, чтобы из "аморфной малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата".

Смысл этого тезиса очевиден. Кроме того, разоблачители Бухарина не могли не знать, что выражение "нация Обломовых" — раскавыченная цитата из Ленина, который понятия "Обломов" и "обломовщина" использовал неоднократно. Так, в речи, произнесенной 22 марта 1922 г., он заявил: "Был такой тип русской жизни Обломов. Он был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, но и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист". Короче, весь народ.

Но не идеи "великого Ленина" вдохновляли — или смущали — врагов Бухарина. Им нужен был муляж врага, борьба с которым оправдала бы и внедрение националистической составляющей в официальную советскую идеологию, и планируемый вслед за этим "большой террор". Русский козырь был превосходным средством для прославления Сталина как истинного вождя русского народа и уничтожения антипатриота Бухарина. Таким образом, новая ипостась "врага" была призвана утвердить еще один лик вождя — лик охранителя русского народа и продолжателя его традиций.

Уже в первой антибухаринской передовой "Правды" разоблачения "любителя словесных выкрутасов" служат прологом к главному: "народ, давший миру таких гениев, как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин, — народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую социалистическую революцию, — такой народ называть "нацией Обломовых" может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит". Так под аккомпанемент гневных тирад против "этого человека" совершается превращение "чудесного грузина" в "гиганта человечества", подаренного миру русским народом.

Через номер, продолжая клеймить "историческую неправду" и "вредную болтовню" о нации Обломовых, "Правда" противопоставляет им "блестящее определение товарищем Сталиным русского революционного размаха". Связывая все еще неназванного автора этой "болтовни" с фашистскими профессорами и Гитлером, газета пишет, что "в клевете наших врагов огонь в первую очередь направляется на русский народ".

Ненависть к русским "Правда" объясняет их исторической миссией — тем, что "великий русский народ стал во главе исторического процесса, указывая пролетариату и трудящимся капиталистических стран путь освобождения от ига эксплуататоров". Далее с пафосом утверждается мессианско-цивилизаторская и патерналистская роль "великого русского народа", который впервые провозглашается "первым среди равных". ("Благодаря русской культуре, сыгравшей огромную роль в развитии многочисленных народов", СССР стал "могущественной страной... величайшим рассадником подлинно человеческой культуры и цивилизации". "Русские рабочие, русские трудящиеся могут гордиться тем, что именно на их долю выпала честь помочь трудящимся других национальностей стать подлинно свободными членами социалистического содружества народов и этим заслужить их величайшую любовь".)

На следующий день (2 февраля) Бухарин в передовой "Известий" пытается парировать нападки "Правды", противопоставляя ее формулировкам типовые концепции пролетарского интернационализма. Если в "Правде" РСФСР именуется "первой величиной в созвездии советских республик", то Бухарин называет ее "равной среди равных" в "братской семье", переводя оценочное определение "великая" в количественные: "круп-

нейшая и сильнейшая". Он не принимает новых формул: "царизм — тюрьма народов" и "царизм — жандарм Европы" и упорно пишет, что не царизм, а Россия перестала существовать как тюрьма народов, "как алчный и хищный насильник над национальной культурой и волей 180 народов". Эпитет "великий" он относит не к русскому, а ко всему советскому народу, который возникает как "великое содружество народов СССР, в котором нет ни угнетенных, ни господствующих". Правда, — и тут он как будто идет на уступку, — в этом "великом братстве народов русский народ занимает первое место, как первый среди равных. Но если теперь имя "русский" стало близким и братским именем передового отряда борцов за социализм, то еще недавно оно было равнозначимым имени жандарма, попа, карателя, купца-обиралы, было нарицательным именем политики, несущей голодную смерть, болезни, вымирание, гибель национальной культуры".

Хотя и в этом случае Бухарин лишь повторяет характеристики Ленина, его снова обвиняют в "глупой и вредной реакционной болтовне". Подобные формулировки, утверждает "Правда", "по сути дела отражают злостные клеветнические утверждения всякого рода националистов. В таком тоне о русских говорили петлюровцы, дашнаки, грузинские меньшевики-федералисты, муссаватисты, алаш-ординцы и т. п."

Эти обвинения, уже прямо адресованные Бухарину, содержатся в редакционной статье "Об одной гнилой концепции", занявшей обширный подвал "Правды" от 10 февраля. Слова Бухарина о "нации Обломовых" газета возводит в ранг "антиленинской исторической концепции, которая не имеет ничего общего с ленинизмом, с исторической действительностью, с марксистской диалектикой".

Автор "гнилой" концепции противопоставлен гениальным вождям трудящихся Ленину и Сталину, которых (еще раз повторяет "Правда") "дал миру наш великий народ". "Товарищ Сталин говорит о ленинизме как о высшем достижении русской культуры", о "русском революционном размахе, обеспечившем столько всемирно-исторических побед". Он "с исчерпывающей полнотой показывает, почему Россия стала очагом ленинизма, а вождь русских коммунистов Ленин — ее творцом". В то же время антагонист Сталина Бухарин "находится в непримиримом противоречии со всей историей нашей страны, нашей революции и нашей партии", партии, которая "всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии Иванов, не помнящих родства, пытающихся окрасить историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет". Бухарин, пишет "Правда", "вряд ли сумеет объяснить, как это "нация Обломовых" могла исторически развиваться в рамках огромного государства, занявшего 1/6 часть суши земного шара".

Статья требует разработки "подлинно научной истории народов СССР". О том, какое "огромнейшее значение придает такой истории партия, с исключительной силой напоминают недавно опубликованные (напомним: ровно за две недели до этой статьи. — Л. Д.) материалы "На историческом фронте" — замечания тов. Сталина, Кирова и Жданова". Следующая за этим угроза "разгромить все гнилые антиленинские клеветнические концепции, извращающие наше прошлое", подтверждает предположение об изначально антибухаринской направленности "Замечаний".

В пользу этой гипотезы говорит и синхронность событий. Напомним. Предаваемая анафеме статья Бухарина напечатана 21 января, а уже через шесть дней публикуются "Замечания" и все другие материалы. Непосредственно за этим следует серия антибухаринских выступлений.

Такое стремительное и целенаправленное развитие событий позволяет высказать еще одно предположение. Криминальная фраза о "нации Обломовых" могла быть спрогнозирована, как-то подсказана Бухарину. Наконец, в пользу этого допущения говорит и обычная для Сталина фарисейская практика — Бухарин включен в комиссию по подготовке учебников истории.

Тем же фарисейским стилем отмечена и статья "Правды", которая "по-товарище-

ски" рекомендует "тов. Бухарину исправить свою "концепцию" и выражает надежду, что он сделает это в кратчайший срок и с необходимой честностью".

Всего через четыре дня "Известия" печатают "Ответ на вопрос", хотя безапелляционные обвинения "Правды" менее всего можно рассматривать как вопрос. Бухарин с горечью пишет, что "выражение "нация Обломовых" д а л о п о в о д многочисленным органам печати заподозрить его в целой исторической концепции, по которой весь великорусский народ (до революции) трактуется, как ни на что не способная величина". Далее он сам осуждает приписываемую ему концепцию и уверяет, что не имеет к ней ни малейшего отношения. Теперь уже он сожалеет, что своим неверным утверждением дал основание "расширить постановку вопроса до приписывания ему вышеупомянутой "концепции".

Становится ясно, что Бухарин понимает, насколько серьезна направленная против него кампания и кто стоит за передовыми "Правды".

2. Демарш Бухарина

Мы уже говорили, что муляж "антипатриота" нужен был Сталину, чтобы утвердить себя самого в роли хранителя и продолжателя русской истории. С той же целью народ, породивший великую партию большевиков и гениев человечества Ленина и Сталина, был назван "первым среди равных" и представлен в роли мессии, занявшего место международного пролетариата.

Чем же ответил на все это убежденный (можно даже сказать, верующий) интернационалист Бухарин? Внимательное чтение "Известий" дает основание утверждать, что ответом Бухарина была публикация в четырех номерах (11, 12, 14 и 17 февраля) повести Бруно Ясенского "Нос". В самом деле, трудно поверить, что публикуя сразу после предпринятого Сталиным националистического броска антинационалистический, направленный против антисемитизма и расизма памфлет, автор и редактор не отдавали себе отчет в том, какую реакцию может вызвать эта повесть.

Главное действующее лицо "Носа", профессор сравнительного расоведения Отто Калленбрук написал ученый труд о влиянии формы семитического носа на психические черты еврейства. "Однако сам вождь, пишет Ясенский (хотя так в советской печати принято было называть лишь Ленина и Сталина, Гитлера именовали фюрером), перегруженный государственными делами, книги до сих пор не прочел. В имперском же министерстве народного просвещения и пропаганды соглашались рекомендовать ее в качестве обязательного пособия по расоведению для средних школ лишь при условии внесения в новое издание некоторых поправок".

Аналогия с только что опубликованными сталинскими "Замечаниями" об учебниках истории для средних школ кажется довольно прозрачной. Тем более, что эпизод с учебником никак не связан с сюжетом повести. Не исключено поэтому, что он вообще был вставлен в написанный раньше текст.

Впрочем, не только этот эпизод, но и вся повесть Ясенского построена так, что у читателя неизбежно возникают ассоциации с реалиями Страны Советов. Профессору Калленбруку в припадке помешательства мерещится, будто у него самого ярко выраженный семитический нос. Генеалогическое дерево, найденное в Тиргартене, который превращен в генеалогический сад, подтверждает еврейское происхождение основателя общества за улучшение германской расы. В момент просветления расовед обращается к жене: "Что бы ты сделала, если бы твой муж оказался евреем?" — "Ну конечно, я бы бросила его немедленно". — "И тебе ничуть не было бы жалко ни того, что у вас есть дети, ни тех долгих лет, которые вы прожили вместе?" — "С какой стати жалеть еврея!" — отвечает стойкая национал-социалистка. (Вспомним: отречение от жертв партийных чисток, особенно свирепых после убийства Кирова, — основная тема романа Бруно

Ясенского "Заговор равнодушных". Действие романа, целиком построенного на советско-германских параллелях, начинается 31 декабря 1934 года исключением из партии одного из главных героев.)

"Вилли, — спрашивает Калленбрук семилетнего сына, — что бы ты сделал, если бы вдруг твой отец оказался евреем?" — "Я бы позвал Фредди и Труды, — отвечает берлинский Павлик Морозов, — и мы бы заманили его во двор, а там мы бы его двинули по башке кочергой, а потом выбросили на помойку".

Близкий друг профессора, узнав ужасную правду, как и положено члену партии, думает прежде всего о партийных и государственных интересах. "Представьте, как обрадуются и какой вой поднимут враги национал-социалистической Германии, узнав, что один из виднейших теоретиков и идеологов расизма оказался... евреем. Вы понимаете сами, вы должны исчезнуть и исчезнуть без шума, — сообщает он Калленбруку установки партийного руководства. — Я мог бы вам одолжить свой револьвер, но слишком откровенное самоубийство наши враги не преминут бы тоже использовать для новых нападков на Третью империю. Разумнее всего, если вы сумеете придать вашей смерти безобидную окраску несчастного случая... Должен вас предупредить: в случае, если у вас не хватит мужества умереть самому, партия будет вынуждена вам в этом помочь".

Легко заметить, что сквозь немецкие декорации просвечивает окружающая писателя действительность. Та сталинская действительность, где политические убийства соратников (Фрунзе, Киров, Куйбышев) и политические самоубийства (Скрышник, Ломинадзе, Гамарник, Орджоникидзе, обстоятельства гибели которого Ясенский предвосхитил) уже вошли в практику "подаренного миру русским народом" вождя.

Аналогии тут, вообще говоря, настолько очевидны, что напрашивается вопрос: как отважились автор и редактор на такой ход? То ли оба не подозревали тогда о масштабах готовящегося "большого террора". То ли были уверены, что литературная слава и партийный авторитет (особенно после романа "Человек меняет кожу") Ясенского и положение Н. И. Бухарина в партии в любом случае гарантируют им неприкосновенность.

Допустима еще одна возможность. И Бухарин, и Ясенский, конечно, знали, что сталинское стремление развязать внутривластный террор наталкивается на сопротивление. По свидетельству Б. Николаевского, Бухарин даже летом 1936 г., несмотря на пессимистические прогнозы и дурные предчувствия, не терял надежд на осуществление той самой замечательной конституции, над которой он работал с воодушевлением. Может быть, подавая сигнал опасности, Бухарин и Ясенский считали, что еще удастся предотвратить фашизацию страны.

3. Ответ вождя

Без сомнения, Сталин не мог не обратить внимания на повесть Ясенского. Она должна была броситься в глаза уже потому, что художественные произведения, тем более крупные, в центральных газетах печатались весьма редко. Но с ответом он не торопился. Только в 1937 году состоялось публичное шельмование Ясенского. Вслед за тем он безвозвратно исчез в пучине Гулага.

Конечно, судьба Бухарина, который был последним препятствием для полного сталинского единовластия, была предрешена и без этого эпизода. Но клевета на русский народ числилась за ним в качестве особого преступления. Обвинительное заключение, содержащее перечень бухаринских грехов начиная с 1916 года, заканчивается 1936-м, когда Бухарин "обозвал русский народ нацией Обломовых". В обвинительной речи Вышинского Бухарин, именуемый помесью свиньи и лисицы, причислен к "блоку изменников", которым противостоит "блок советских патриотов, великих и несокрушимых в любви к своей родине и к великому Сталину".

Подобные выражения, разнесенные по всей стране советской прессой, закреплены в статьях советских энциклопедий. В седьмом томе МСЭ, сданном в печать 17 апреля 1938 года, через месяц после исполнения смертного приговора, "клеветник и антипатриот" Бухарин заклеен как наймит фашизма, который "по поручению фашистских хозяев добивался расчленения СССР" и стремился "открыть ворота советской крепости для германского, польского, английского и всяких других империалистических государств". Нечто подобное повторилось после войны, когда группа критиков-антипатриотов превратилась в действовавших по указке сионистов и американских империалистов врагов советского строя.

Обвинение Бухарина (как и разоблачение сионистов) было использовано для формального закрепления в советском пропагандистском обиходе доктрины русско-коммунистического мессианства. В цитированной выше энциклопедической статье "Национальный вопрос" повторяется появившаяся в начале антибухаринской кампании переформулировка интернационалистского принципа равенства, когда вместо равных народов появляется "великий русский народ" (ни к какому другому народу это определение не прилагалось), который "как первый среди равных своей беззаветной интернационалистической борьбой ведет народы СССР к полной победе коммунизма".

Опубликованная в девятом томе МСЭ (март 1941 г.) статья "Русские" начиналась с утверждения: "великий русский народ — первый среди равных". В опровержение "подлой клеветы на русскую нацию", которую "Иуда-Бухарин в своей звериной вражде... назвал нацией Обломовых", там снова приводится указание Сталина "на одно из замечательных качеств русского народа — на его революционный размах".

Одновременно, разоблачая злейших врагов народа — Троцкого и Бухарина, которые "силовились опорочить русскую культуру" и "облегчить империалистам расчленение СССР", советская энциклопедия патетически провозглашает главенство и мессианство русского народа, его приоритет во всех областях культуры и исторической деятельности. Он объявляется творцом "самой передовой культуры во всем великом разнообразии ее проявлений". Энциклопедия пишет о "народности русской литературы и русского искусства, их гениальной художественности", которые "привлекают к себе лучшие, самые передовые элементы всех народов", завершая таким образом первый этап борьбы с формализмом, начатой сразу после публикации "Замечаний".

В статье утверждается, что "растут и крепнут братские чувства дружбы и любви всех народов к русскому народу, к его героической истории, к его высоким революционным достоинствам и благородным качествам, к прекрасному языку, к его замечательной наиболее передовой культуре".

Чувства эти представлены там как результат по-новому — без колонизации и русификации — переписанной российской истории: "Много веков творил историю своей страны великий русский народ вместе с другими народами России и во главе их вел героическую победоносную борьбу против насилий и издевательств над его прекрасной родиной со стороны царей, помещиков и капиталистов..."

"Руководимый Лениным и Сталиным, русский народ... применил свои боевые качества — отвагу, выносливость, находчивость, храбрость, великодушие, непримиримость к врагу и решимость... для руководства всеми народами СССР в борьбе за построение первого в мире социалистического государства". "В борьбе за создание дружбы между народами СССР великий русский народ... "славен как вождь, как друг, как соратник других народов. Великий русский народ возглавляет борьбу всех народов советской земли за счастье человечества, за коммунизм".

Народ здесь персонифицируется и украшен теми же метафорами, что и обожествленный к тому времени Сталин. Как и Сталин, русский народ — друг народов и вождь, возглавляющий их борьбу за счастье всего человечества. И подобно тому как величие вождя утверждалось в борьбе с его антиподами, которые самим фактом своего противо-

стояния переходили в разряд самых низменных существ — гнусных изменников, подлых убийц, вредителей, диверсантов, шпионов и т. п., так и провозглашение величия русского народа тоже сопровождалось борьбой. Она велась с теми, кому приписывали для начала отрицание этого величия, затем они превратились в "клеветников", а далее в злейших — и уже не идеологических, а онтологических — врагов русского народа.

Так выглядел в энциклопедии первый набросок манихейской схемы русско-коммунистического мессианства. В этой схеме в качестве врага русского народа представлен потомственный русский дворянин и интеллигент Николай Иванович Бухарин, а бывший "славный грузин" Сталин оказывается защитником поруганных национальных чувств этого народа. Чем объясняется то, что именно Бухарин стал мишенью для нового идеологического оружия? Чтобы ответить, следовало бы подробно рассмотреть самую доктрину национально-коммунистического мессианства. Но это особая тема. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 30 ЛЕТ НАЗАД

ГОСТИ В АФГАНИСТАНЕ

Современный Афганистан как независимое государство возник благодаря мужественной и самоотверженной борьбе афганского народа за национальную независимость против колонизаторов. Правительство Афганистана уделяет большое внимание укреплению независимости страны. К этому направлена его экономическая и культурная программа. Во имя укрепления независимости страны правительство осуществляет подготовку и совершенствование вооруженных сил страны. Знакомься со столицей Афганистана, Булганин и Хрущев посетили кузницу офицерских кадров шахской афганской армии — Кабульское военное училище. Это училище готовит лейтенантов афганской армии для всех родов войск. Представители командования училища сообщили, что в училище могут поступить молодые люди, закончившие специальную военную школу типа кадетского корпуса со сроком обучения в двенадцать лет.

В тот же день состоялась беседа между председателем Совета Министров Булганиным и Членом Президиума Верховного Совета СССР Хрущевым и премьер-министром Афганистана Мухаммедом Даудом.

"Советские гости в Кабуле"
("Известия", 18 декабря 1955 г.)

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ТАНКИСТЫ-СТАХАНОВЦЫ ВЗЯЛИ ПРЕПЯТСТВИЕ В ОДИН С ПОЛОВИНОЙ РАЗА ВЫШЕ

В Ленинградском военном округе сегодня начались пятидневные соревнования лучших танкистов на пробег взводов, фигурное вождение, преодоление препятствий и боевую стрельбу. В соревнованиях участвуют: танкист Парчинский, установивший 11 декабря на легком танке рекорд при взятии вертикального препятствия, высота которого в 1 с половиной раза превосходит установленные нормы, механик-водитель Щеклеев, добившийся увеличения скорости танка в полтора раза, водитель Левинский, перекрывающий на 125 проц. нормы по преодолению препятствия и доведший экономию горючего до 47 процентов, и другие.

"Известия", 16 декабря 1935 г.

Роджер ШЕТТАК (Нью-Йорк)

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Полвека назад, в необычайно жаркие дни июня 1935 года, в Париже было проведено любопытное мероприятие. Во дворце Общества взаимопомощи на улице Сен-Виктор, 24, в Латинском квартале, толпа людей весьма различного рода и вида, от пролетариев до мандаринов, всего около трех тысяч человек, под наблюдением мускулистых блюстителей порядка, назначенных организаторами мероприятия, собралась на открытие Международного конгресса писателей в защиту культуры. Организаторами были французские писатели-коммунисты или "симпатизаны": Жан-Ришар Блок, Арагон, Андре Мальро.

В зале Мютюалите было душно. Не осталось ни одного свободного места — несмотря на необычно высокую входную плату. В возбужденной атмосфере ожидания чувствовалось, что речи будут подстать ходу событий. Начало этого года было ознаменовано плебисцитом в Сааре в пользу гитлеровской Германии, введением в Германии всеобщей воинской повинности и вторым протестом Эфиопии в Лиге Наций против вмешательства Муссолини в ее внутренние дела. В мае Лаваль, ставший премьер-министром, добился заключения франко-советского договора о дружбе и взаимопомощи, что немало озадачило французских коммунистов, ибо дружба была подкреплена неожиданным заявлением Сталина, одобрительно отозвавшегося о французской политике перевооружения, которая была до этого мишенью постоянных нападок коммунистов. В числе прочих соглашений, сопровождавших заключение пакта, Франция обязалась выслать из страны Льва Троцкого, жившего там уже более двух лет.

Сердца большинства присутствующих принадлежали Советскому Союзу, "оплоту мира и свободы". Слышали ли они об убийстве Кирова в Ленинграде, которое произошло всего лишь полгода назад, о судьбе 195 "участников заговора", расстрелянных по мановению свыше без суда и следствия? Может быть, и слышали. Но им казалось, что это не имеет отношения к тому, о чем здесь собирались митинговать.

Была пятница, 21 июня, девять часов вечера. Когда, наконец, с большим опозданием члены президиума расселись на возвышении, собравшиеся смогли увидеть лысую голову председателя — человека аскетической внешности, чем-то напоминавшего буддийского монаха. Он открыл заседание, прочитав в микрофон: "Литература никогда еще не была так полна жизненных сил. Никогда еще не писали и не публиковали так много, как в наше время, — во Франции, да и во всех цивилизованных странах. Почему же тогда мы слышим снова и снова, что наша культура в опасности?"

Человек, которому выпала честь открыть конгресс, был Андре Жид. Его можно было назвать живым воплощением нескольких десятилетий истории французской литературы. В девяностых годах он принадлежал к кружку Стефана Малларме. Его романы об импозантных одиночках, самозванцах и авантюристах — "Имморалист", "Приключения Лафкадио", "Подземелья Ватикана" — вдохновляли молодых приверженцев дадаизма и сюрреализма; "Фальшивомонетки" реформировали романную форму; "Лафкадио" переживал даже вторую молодость: его перепечатывала из номера в номер коммунистическая "Юманите". В двадцатые и тридцатые годы Андре Жид публично защищал гомосексуализм, что не мешало большинству слушателей считать его коммунистом.

Для добропорядочной буржуазной публики 66-летний Андре Жид был просто грязным стариком.

Рядом с ним сидел Анри Барбюс, пацифист и кумир "революционных сил" с момента появления его романа "Огонь". В год открытия конгресса он выпустил книгу "Сталин" — восторженный гимн людоеду.¹ Это был добрый и наивный до идиотизма человек. Далее места за столом президиума занимали Андре Мальро, в свои 34 года ставший уже легендой, — фигура во всех отношениях более значительная, чем Барбюс и даже чем Жид, — и Луи Арагон, который из сюрреалиста превратился в воинствующего коммуниста и патриота. Вслед за кратким приветственным словом Андре Жиды были зачитаны телеграммы Максима Горького и Ромена Роллана, поступившие из Москвы.

Начались выступления; первым произнес речь английский писатель и литературный критик Эдуард М. Форстер. Тихим голосом, сильно сутулясь, он говорил о связи и противостоянии викторианской традиции и свободы печати, о растущей опасности цензуры. Речь Форстера была началом того периода в его творческой и политической эволюции, который он позднее назвал "двумя приветствиями в адрес демократии". В словах Форстера о том, что если бы он был моложе и смелее, он стал бы коммунистом, ибо в коммунизме он видит надежду мира, было больше мечтательности, чем воинственной веры. Как бы то ни было, выступление Форстера грозило увлечь конгресс на ложный путь ненужных сомнений. Положение исправил следующий оратор — профессиональный полемист, которого можно было бы назвать также специалистом по упрощениям: Жюльен Бенда, автор нашумевшего публицистического труда "Предательство интеллигенции" (1927). Бенда утверждал, что на Западе духовная деятельность традиционно держится в стороне от экономики, от реальных — материальных — интересов людей и риторически вопрошал своих коммунистических коллег: можно ли всерьез говорить о непрерывной линии, ведущей от Монтеня к Ленину? Но оказалось, что несколько ораторов готовы ответить на этот вопрос. Западу принадлежит не только Монтень, но и Маркс; Бенда сознательно выбросил за борт половину европейской интеллектуальной традиции. В конце концов все успехи современной науки основаны на том самом позитивизме, который так презирает Бенда. И так далее.

Конгресс длился почти неделю. Заседания начинались в 3 часа дня и в 9 часов вечера. Были произнесены миллионы слов, выступления следовали одно за другим — от лаконичных приветствий до 45-минутной диатрибы Анри Барбюса, который, по-видимому, принял себя за импрессарио всего левого крыла европейской культуры. Конгресс представлял собой невиданный парад творческой интеллигенции, искренне верившей, что она борется с фашизмом, — от Поля Низана до Бертольта Брехта, от Генриха Манна и Анны Зегерс до Ильи Эренбурга, Сергея Третьякова и Бориса Пастернака. В чаду споров все больше подтяжек являлись на свет Божий, все больше пиджаков перекочевывали на спинки кресел. Речи на иностранных языках, сопровождаемые длинными переводами, — немецкий писатель Густав Реглер переводил речь Мальро на немецкий, Мальро переводил речь Г. Манна на французский — оставляли время для пива и кулуарных разговоров. Впрочем, энтузиазм не убывал. Реглер произнес пламенную речь о сопротивлении писателей, оставшихся в Германии, гитлеризму и драматическим жестом вручил Жиду и Барбюсу символические копии подпольных брошюр. "Их передают из рук в руки в Германии сейчас, в этот самый момент!" Очевидцы рассказывают, что в эту минуту все присутствующие поднялись и запели "Интернационал". Как оказалось, Реглер отклонился от заранее подготовленного текста. Иоганнес Бехер, у которого впереди была блестящая

1

Существует версия о том, что автором книги "Сталин" был живший в Москве немецкий писатель-коммунист Альфред Курелла (см. Л. Флейшман. Борис Пастернак в тридцатые годы, 1984, стр. 284). — Ред.

карьера, — он стал министром культуры ГДР, — был вне себя от гнева и зашипел на Реглера: "Из-за вас конгресс не может больше соблюдать видимость нейтральности". Но никого — или почти никого — эта нейтральность уже не заботила.

Можно ли утверждать, что Международный конгресс в защиту культуры 1935 года был чем-то более значительным, чем шумной, но мимолетной демонстрацией, происшествием, которое оставило едва заметную царапинку на поверхности истории? Представлял ли он сколько-нибудь реальные общественные и политические силы? В одном я вполне уверен: тридцатые годы ознаменовались затянувшимся кризисом, экономическим и политическим, и кризис этот поверг интеллектуалов и художников в состояние напряжения, порой доходившего до паники. Конгресс, как раскрытое окно, позволяет заглянуть в это десятилетие.

1935 год был центральным пунктом в десятилетии, которое началось с распространения американского экономического кризиса на Европу. Тогда же, в первом году рокового десятилетия, национал-социалистическая партия в Германии собрала на выборах шесть с половиной миллионов голосов. Тем не менее лидер немецких коммунистов Эрнст Тельман по-прежнему отвергал участие КПГ в едином фронте против Гитлера; главным врагом для него оставались буржуазия и социал-демократы. Вплоть до 1934 г. Коммунистический Интернационал призывал массы к вооруженной борьбе против буржуазной демократии и отказу от какого бы то ни было соглашения с некоммунистической левой. Завершением десятилетия был Мюнхен и все, что за ним последовало.

Казалось, назначение Гитлера канцлером в 1933 г. и пожар рейхстага должны были показать всем, у кого была голова на плечах, в каком направлении будут развиваться события. Но, как известно, этих событий оказалось недостаточно. В мае 1933 г. Андре Жид все еще мог писать в своем журнале: "Замечательная речь Гитлера на заседании рейхстага..." В ноябре 1936 года была провозглашена ось Берлин—Рим.

Так случилось, что в середине тридцатых годов Франция автоматически получила культурное лидерство в Европе. Париж стал центром событий главным образом потому, что Франция оставалась единственной страной, где коммунистическая партия вышла из третьего периода стратегии Коминтерна (до 1934 г.), сохранив не только свой основной состав, но и свой престиж. В Италии и Германии компартии были ликвидированы, частично ушли в подполье; кое-кто из видных деятелей эмигрировал. Но во Франции, чтобы пробудить бдительность, был нужен открытый конфликт. Фашизм мог казаться чем-то далеким и даже смешным до тех пор, пока он не показал себя на улицах Парижа.

Сложная совокупность событий, включая финансовый скандал, правительственный кризис и действия энергичного префекта полиции, привела к тому, что нередко интерпретировалось как попытка фашистского переворота в республике. Это произошло 6 февраля 1934 г. Теперь мы знаем, что фашистские группировки — "Боевые кресты" и "Французское действие" — все же не планировали свергнуть Третью республику. Как бы то ни было, пришлось вызвать солдат, чтобы утихомирить разбушевавшихся демонстрантов на площади Согласия. Несмотря на всю неразбериху (в толпе, вместе с профашистскими элементами, было немало и коммунистов), это единственное сражение гальванизировало Париж. Последовал ряд контрдемонстраций, митингов, воззваний к свободе и призывов изменить политику. Победил Народный фронт, к власти пришло правительство Леона Блюма. Середина десятилетия — промежуток от февраля 1934 г. до триумфа и падения Народного фронта в 1936 г. — время, когда все еще казалось возможным спасти европейскую культуру от тоталитаризма, не прибегая к войне, и даже ассимилировать советскую революцию.

Позиции Коминтерна весьма укрепились с тех пор, как в мае 1934 г. он радикально изменил свою тактику. После шести лет озлобленных атак против некоммунистической левой наступило примирение, пришел Народный фронт, началась политика "протянутой руки" по отношению к социалистам и даже к радикалам, организация прокоммунистических обществ, соблюдающих видимость нейтральности, и т. д. Французская компартия сорвалась со старта, не дожидаясь сигнала, в первую очередь благодаря успешной деятельности Барбюса. Коммунисты были готовы приветствовать всю французскую левую на широком фронте антифашизма. Любовь к революционной фразе, поверхностное знакомство с марксизмом и восхищение тем, что в их представлении совершалось в СССР, привело многих людей, далеких от коммунизма, к весьма безответственным заявлениям и действиям.

В ту пору у русских был поистине неограниченный политический и идеологический кредит: ведь только они сумели добиться победы дела революции в XX веке. Для французской левой в 1935 г. "революция" означала республиканскую традицию, ее нить тянулась от 1789 года через 1848 и Парижскую коммуны; революция означала Октябрь в России, означала весну и освобождение, алые флаги, юность. Это был хмельной напиток высокой крепости. Очень немногие были способны сохранить ясную голову и попытаться выяснить, что же все-таки произошло в Советской России за истекшие восемнадцать лет.

Едва ли не единственной организованной группой левых противников "русского эксперимента", считавших себя настоящими марксистами и демонстративно порвавшими с компартией, были сюрреалисты. (Сюрреализм, провозглашенный в 20-х годах Андре Бретоном, Луи Арагоном, Полем Элюаром и другими, довольно скоро вышел за пределы собственно художественной культуры, превратившись в революционно-политическое течение.) Но "сюрреалистическая революция" не могла конкурировать с советской. Постоянные протесты сюрреалистов по поводу того, что ФКП компрометирует дело революции, выглядели карикатурой на троцкистскую оппозицию (к которой они позднее и присоединились).

Фашизм, коммунизм и сюрреализм (к этим трем крайним движениям можно присоединить и воинствующий пацифизм) имели то общее, что они достигли наивысшего накала примерно в одно время. При этом они действовали и стремились увлечь за собой общество в диаметрально противоположных направлениях. Антифашизм и пацифизм очевидным образом противоречили друг другу. Растущие симпатии интеллектуалов к Советскому Союзу и коммунизму как раз в тот момент, когда Сталин своими чистками заковывал партию в наручники, компрометировали антифашистскую борьбу. Тем не менее целое поколение честных людей бурно протестовало против положения вещей в Германии и мирилось с аналогичным положением в СССР. Пацифистам и троцкистской оппозиции не оставалось иного выбора, как призвать чуму на оба дома. В итоге степень поляризации в настроениях французского общества дошла к 1935 году почти до такого же уровня, как на рубеже века, во время дела Дрейфуса.

Празднование дня взятия Бастилии в 1935 г. иллюстрирует эту ситуацию достаточно ярко. Организованные группы уже в мае начали спор о роли и месте в программе торжеств. Погода выдалась чудесная. Утром 14 июля состоялся парад. Около 600 самолетов пронеслось над головами парижан. Полиция старалась держаться в тени. Три процессии одна за другой продефилировали по городу, с шумом и громом, но не нарушив порядка. Во второй половине дня около полумиллиона коммунистов, социалистов, радикалов и членов всевозможных левых групп прошли от площади Бастилии до площади Народа. Перед статуей Бодена они подняли руки со сжатыми кулаками и поклонились не отступая ни на шаг. Красные флаги маячили над толпой вперемежку с трехцветными; впервые, по-видимому, среди большого скопления народа прозвучали оба гимна — "Интернационал" и "Марсельеза". Все свидетели говорят о пьянящем чувстве необычайного подъема,

которое они пережили в тот день. Фашизм *должен* был отступить перед столь впечатляющим возрождением революционных традиций. Но еще до наступления сумерек по Елисейским Полям прошли мерным шагом, с факелами, одетые в форму члены "Боевых крестов" — ультраправой организации полковника де ла Рока; их было сорок тысяч.

Единственный человек, который, по-видимому, мог ввести опасно сгушавшиеся события в определенное русло, не был ни фанатиком, ни демагогом. Леон Блюм начал свою карьеру в качестве первоклассного литературного и театрального критика, затем стал государственным деятелем — достаточно честным и мужественным. Но даже его честность не выдержала испытания гражданской войной в Испании. В том, что Франция в этот критический момент истории доверила свою судьбу литератору, можно усмотреть некую иронию; но можно считать этот факт и нормальным — типичным для высококультурной нации. Естественно, что Блюм был в числе гостей на Конгрессе писателей. Там он встретился ("нос к носу", по словам одной из газет) с Арагоном, тем самым Арагоном, который четыре года назад написал лихую антибуржуазную поэму, где была памятная строка: "Стреляйте в Леона Блюма". Наблюдавший эту встречу журналист писал: "Но никто не дрогнул. Коммунистический поэт-политик сердечно пожал руку социалистическому политику-поэту". В этом моментальном снимке — все десятилетие, как в фокусе. Народный фронт был рукопожатием среди дикости. Сегодня он изрядно романтизирован.

Все организаторы Конгресса, с которыми мне удалось поговорить, давали один и тот же ответ на вопрос о причине этой затеи: антифашизм. Однако официальное приглашение, разосланное писателям всего мира, звучало не столь определенно:

"Перед лицом опасностей, грозящих культуре в целом ряде стран, группа писателей взяла на себя инициативу созыва международного конгресса с целью обсудить вопрос о средствах защиты культуры. Они предлагают обсудить на конгрессе условия литературного творчества и взаимоотношения между писателем и читающей публикой". Никаких политических терминов текст приглашения не содержит.

Нечеткость формулировки была, без сомнения, тактическим приемом с целью заручиться симпатиями как можно большего числа писателей. Как это все началось? Ответ, по-видимому, прост. В августе 1934 г. в Москве состоялся Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Хотя там и прозвучало несколько независимых голосов (вскоре после съезда их заставили умолкнуть), гигантское помпезное сборище имело целью прежде всего партийно-государственную интеграцию литературы; на съезде была провозглашена официальная доктрина социалистического реализма, которую отныне предстояло воплотить в жизнь. В зале присутствовало довольно много иностранных писателей, в том числе Арагон, Жан-Ришар Блок, Поль Низан, Андре Мальро. Их восхищение новым рецептом литературы не было безоговорочным, но все они вернулись на родину с намерением организовать аналогичную массовку в Париже. Коминтерн, незадолго до этого перешедший на новые рельсы (о чем мы уже упоминали), одобрил эту идею. К организации конгресса удалось привлечь других французских писателей, в частности Андре Шамсона и Луи Гийу. Много лет спустя Гийу, который был одним из секретарей подготовительного комитета конгресса и ведал перепиской, подтвердил, что средства для проведения конгресса были получены от Михаила Козлова, агента Коминтерна и комиссара советской делегации. Во Франции коммунистическая партия, естественно, не имела возможности официально контролировать писателей. Но она могла бить по ним с помощью козыря антифашизма (хотя до этого в течение пяти лет пыталась попросту игнорировать существование Муссолини и Гитлера). Короче говоря, оказалось не так уж трудно превратить писательский конгресс в инструмент политики.

По крайней мере четверо из 24 литераторов, чьи подписи стоят под приглашением, были известны как последовательные и непримиримые коммунисты: Абраам, Блок, Арагон, Барбюс. Рядом с ними, в числе первых по алфавиту, подписался Ален, популярный философ, близкий к партии радикалов и принимавший активное участие в работе левых групп после описанного выше инцидента 1934 года. (Позднее его имя исчезло из списков: он отказался участвовать в конгрессе.) Другие — Жид, Мальро, Р. Роллан — по степени популярности были тоже не из последних: ими по праву гордилась французская литература. Глядя на такую обойму, трудно было устоять, тем более что задачи конгресса, как уже сказано, формулировались весьма расплывчато. Тем не менее целый ряд крупнейших писателей Европы и Америки не откликнулся на приглашение. Не приехал Томас Манн. От участия в конгрессе уклонились Герберт Уэллс и Бернард Шоу, известный своими симпатиями к СССР; не отозвался Эптон Синклер, казалось бы, убежденный социалист. Среди французских знаменитостей можно упомянуть Жюлью Ромена и Анри де Монтерлана, — то, что они остались в стороне, впрочем, неудивительно. (Оба стали во время войны коллаборационистами.) Жорж Дюамель, по словам очевидцев, сказал: "Я не могу принять участия в конгрессе вместе с Жидом и людьми, которые в один прекрасный день могут оказаться ответственными за смерть моих трех сыновей". О Дьерде Лукаче, критике и философе марксистской ориентации, который в это время находился в Москве, вообще неизвестно, был ли он приглашен. Выступление крупного испанского писателя, ветерана "поколения 1898 года" Рамона Валье Инклана значилось в программе конгресса, но он не приехал.

Сейчас, когда история мировой литературы расставила всех по своим местам, любопытно проглядеть список делегатов парижского конгресса (некоторых мы уже называли). Список включает 230 персон из 38 государств. Среди них: Эдуард Морган Форстер и Олдос Хаксли из Англии; Генрих Манн, Бертольд Брехт, Эрнст Блох, Анна Зегерс, Эрнст Толлер, Лион Фейхтвангер из Германии (все шестеро — представители немецкой антифашистской эмиграции), здесь же можно упомянуть все еще жившего в Праге Макса Брода и Роберта Музиля, которому предстояло вскоре покинуть Вену; Уолдо Франк из США, Сельма Лагерлеф из Швеции. Советская делегация, утвержденная — если не просто назначенная — Сталиным и состоявшая главным образом из посредственных литераторов и партийно-литературных бюрократов, включала также Алексея Толстого, Исаака Бабеля, Всеволода Иванова, Галактиона Табидзе, Николая Тихонова, Михаила Кольцова и, конечно, Илью Эренбурга (в мемуарах "Люди, годы, жизнь" он пишет: "На московском съезде писателей я был рядовым участником; парижский конгресс я подготовлял"). Возглавлять делегацию страны социализма должен был Горький, который, однако, не прибыл, — как считалось, по болезни. Естественно, было много французов. Кроме Жида, Мальро, Бенда, Арагона, с более или менее запомнившимися речами выступили Жан-Ришар Блок, Жан Кассу, Поль Низан, Андре Шамсон, Тристан Тцара, Поль Элюар (пока еще в качестве сюрреалиста). Журнал Арагона и Низана "Коммюн" сообщил, что все выступления будут напечатаны отдельным сборником. Это обещание осталось невыполненным, тем не менее избранные речи были опубликованы год спустя в СССР в книге "Международный конгресс писателей в защиту культуры". Наиболее содержательные доклады можно разыскать в старых газетах.¹

...Окунемся еще раз в атмосферу конгресса. То было поистине живописное зрелище, почти такое же гротескное, как съезд советских писателей в Москве. Газеты уделяли писательскому форуму соответствующее внимание, не упуская случая упомянуть анекдотические детали. Хаксли и Майкл Голд явились в карикатурных шляпах. Все чле-

¹ Отрывки из выступлений некоторых участников конгресса помещены ниже. — Ред.

ны президиума были в пиджаках, несмотря на страшную жару. Репортер тулузской газеты с торжеством сообщал, что "мсье Вайян-Кутюрье вышел на трибуну в купальном костюме с громадным шарфом, завязанным на шее в большой узел". Делегации босоногих детишек в трусиках вручали знаменитым писателям цветы. В фойе продавали книги, авторы стояли наготове с автоматическими перьями, гордые возможностью дать автограф. Художники зарисовывали ораторов в альбомы. Повсюду рыскали хищные корреспонденты. В коридорах и расположенном по соседству знаменитом кафе "Клозери де лила" не стихали дискуссии. Было выпито чудовищное количество пива. Поздно вечером ответственные за порядок в здании Мютюалите были вынуждены выключить свет, чтобы выпроводить забывших о времени спорщиков.

Пожалуй, самым бурным было утреннее заседание во вторник 25 июня. Еще накануне, во время длинной и наскучившей слушателям речи Тцара, апостола дадаизма, к этому времени уже прекратившего свое существование, слившись с сюрреализмом, в зале раздавались голоса, требующие обсудить судьбу Виктора Сержа. Вслед за Тцара, — время уже было за полночь, — выступил Элюар, который прочел эффектную и скандальную речь, написанную вождем сюрреалистов Бретоном (сам Бретон на конгрессе не присутствовал, точнее не был допущен на трибуну по настоянию Эренбурга). Речь, прерываемая протестами, была направлена против сближения с Советским Союзом — не только политического, но и культурного, против идеологии Народного фронта, против стремления отвергать все идеи немецких философов и писателей, оставшихся в Германии после нацистского переворота. Это было прелюдией к тому, что разыгралось наутро следующего дня.

В этот последний день работы конгресса слово было дано социалистке Мадлен Паз. Барбюс, Жид и Мальро сидели в президиуме, насупив брови, пока она говорила. Сославшись на программу конгресса, созданного для защиты культуры, Паз предложила рассмотреть конкретный случай, касающийся свободы слова, прямой и косвенной цензуры и достоинства писателя. Виктор Серж, настоящая фамилия которого была Кибальчич, сын русских родителей, французский писатель и коммунист, живший с 1919 г. в России, был в конце двадцатых годов исключен из партии и арестован по подозрению в симпатиях к троцкистам. В 1933 г. его снова арестовали; на этот раз он был сослан без суда на три года в Оренбург. Паз говорила около часа и закончила следующими словами: "Сейчас, в эту самую минуту Серж расплачивается за свою честность. Пока мы тут разглагольствуем о культуре и свободе мысли, там, за Уралом, мыслящий человек старается не утратить веру в революцию". Анна Зегерс помогла конгрессу выпутаться из неприятного положения, заявив, что если уж конгресс хочет обсуждать конкретные судьбы, то почему бы не обсудить участь каждого сидящего в тюрьме немецкого писателя. "В Германии летят головы, — воскликнула она, — понимаете ли вы это?" Жид добавил: "Мы запрещаем вам порочить Советский Союз, страну, которую мы любим и любовь к которой доказываем прежде всего тем, что доверяем ей!" Серж получил разрешение покинуть СССР (отбыв ссылку) весной 1936 года — а летом Андре Жид в качестве почетного гостя сам посетил страну, которую он любил и в которую верил. Итог этого путешествия известен: осенью того же года автор "Фальшивомонетчиков" опубликовал книгу "Возвращение из СССР", в которой распрощался с коммунизмом.

Вечером 25 июня, перед самым закрытием конгресса, на авансцене неожиданно появился Борис Пастернак. В это время на трибуне ораторствовал Тихонов. Зал, прервав его речь, стоя приветствовал Пастернака шумными овациями. Газета "Монд" писала: "Вопреки болезни, от которой он страдал в течение последних двух месяцев, великий советский лирический поэт настоял на своем присутствии на конгрессе писателей. Он прочитал два своих стихотворения, прекрасные образцы того, как расцветает социалистический реализм". На самом деле Пастернак приехал отнюдь не по собственной воле, а по приказу Сталина, о чем поэт известил по телефону Поскребышев. Так или иначе,

но выступления Пастернака и Бабея (Эренбург пишет: "И. Э. ...с юмором рассказал на хорошем французском языке о любви советских людей к литературе") сгладили впечатление от дискуссии о Викторе Серже, да и от советской делегации.

В целом можно сказать, что незапланированных и неприятных для организаторов конгресса эпизодов было немного. Требовалось произвести впечатление единого фронта на интеллектуалов, которых хотели пробудить к действию, да и на силы фашизма, которые в самом деле росли не по дням, а по часам. И это блестяще удалось. Тот, кто сомневался в намерениях организаторов или честности всего предприятия, был лицом нежелательным, и его путем ловкого лавирования оттесняли на задний план. Так как тексты речей надлежало заранее посылать в секретариат конгресса — для перевода, подготовки сообщений для прессы, составления необходимых резюме и пр., — оргкомитет почти всегда мог своевременно выявлять нежелательных ораторов. Чешский поэт Витезслав Незвал намеревался приветствовать собрание от имени левого фронта и литературного авангарда Чехословакии, а далее выразить свое сугубо отрицательное отношение к пролетарской литературе и социалистическому реализму. Он дождался очереди два дня, после чего с удивлением обнаружил, что конгресс закрылся.

Давно пора (как выразился по другому поводу Луи Арагон) "назвать кота котом". Это был один из наиболее тщательно подготовленных спектаклей, когда-либо организованных на Западе во имя культуры и свободы. Такая оценка не уменьшает, а скорее возвышает значение конгресса как исторического и интеллектуального события.

В президиуме сидели выдающиеся писатели своего времени, дирижируя собранием, которое систематически отменяло любое отклонение от господствующей точки зрения, чтобы не сказать — установки. Установка же эта состояла в том, что подлинно революционный дух веет из СССР, исходит от советского правительства. Были ли эти люди по-настоящему знакомы с тем, о чем они говорили? Понимали ли они, о чем идет речь? Должны ли мы сомневаться в искренности организаторов и участников конгресса? Нелегко ответить на эти вопросы. Тридцать пять лет спустя, беседуя с автором этих строк, Арагон и Мальро заявили, что они нисколько не сожалеют о том, что участвовали в конгрессе: его антифашистский дух и смысл для них и сейчас — вне сомнения. Лишь Алену удалось вовремя спрыгнуть с телеги. Организационная машина отшвырнула в сторону Незвала и Бретона, сумела замаять дело Виктора Сержа. Два коммунистических органа, систематически освещавших работу международного конгресса, постарались сделать так, чтобы публика не обратила особого внимания на выступления Жюльена Бенда или Мадлен Паз.

Внешне то, что последовало за конгрессом, большого значения уже не имело. Была принята заключительная декларация, образована международная ассоциация писателей, назначен исполнительный комитет и национальные комитеты; все это было сделано организационным комитетом без обсуждения и голосования. Декларация (написанная или отредактированная Жидом) не произвела шума.

Подлинное значение конгресса 1935 года в другом. Ни одно мероприятие подобного рода не способствовало в такой мере политизации независимых буржуазных писателей, политизации литературы и культуры в целом. Знаменитый вопрос: "С кем вы, мастера культуры?" перестал быть риторическим.

Эволюция писателей, которая совершалась в годы, непосредственно предшествующие конгрессу, легко проследить, сравнив два опроса. Один из них был проведен в 1919 г. авангардистским (близким к дадаизму) журналом "Литератюр". Был задан вопрос: "Почему вы пишете?" Почти все ответы были краткими, кокетливо-уклончивыми; казалось, писатели были вполне довольны сознанием бесцельности своего творчества, которая, очевидно, была для них синонимом независимости. Поль Валери ответил:

”По слабости”. Андре Жид объяснил: ”Пишу потому, что у меня замечательная авторучка”.

Второй опрос провел в 1934 году редактор журнала ”Коммюн” Арагон. Жид отказался в нем участвовать, но предложил изменить вопрос. Теперь писателей спрашивали: ”Для кого вы пишете?” Ответы были пространными, серьезными, нередко с отчетливой партийной направленностью. Арагон снабдил их комментарием и разделил более сотни полученных ответов на три группы: пишу для себя, пишу для моего класса, пишу для всех. Ромэн Роллан гордо ответил, что его книги адресованы ”тем, кто шагает в авангарде марширующей армии”. Один из ответов вызвал суровую отповедь редактора; это была запись, сделанная Роже Мартен дю Гаром — не менее характерная для ситуации времени, нежели декларации писателей, с готовностью становящихся под знамена Народного фронта или любого другого ”фронта”: ”Я вижу, что мир кишит партийными литераторами. Что ж, я буду продолжать писать для тех, кого не отравил еще яд фанатизма”. Мощная тенденция, побуждавшая интеллектуалов определить свою партийную позицию, была очевидной для умов, сохранивших ясность. Труднее было распознать сложную и тонкую сеть недомолвок и полуправд, сопровождавших — и поощрявших — идеологический дрейф в сторону коммунизма. Революция, культура, гуманизм, борьба пролетариата, братство народов — все эти головокружительные слова и лозунги скатались в ком и, казалось, обрели окончательный, единый смысл, единое направление — антифашизм. Но именно в этот момент тактика Коминтерна изменилась как раз настолько, что поглотила дело антифашизма почти целиком. Результатом была совершенно обанкротившаяся идеология: она противостояла Гитлеру своим воинствующим пацифизмом в то время, когда его могла остановить лишь решительная сила; она давала советскому правительству неограниченный кредит именно в тот момент, когда сталинский режим ужесточился и начались массовые репрессии, чистки и процессы ”врагов народа”. Быть может, и мы, живи мы в то время, были бы такими же глупцами. Дожившие до наших дней современники и участники событий страстно протестуют против нашей нынешней оценки тридцатых годов; но иную оценку дать им невозможно.

Для одних отрезвление наступило позже, для других — раньше. Мы уже упоминали о поездке А. Жида в СССР. В его книге есть такая фраза: ”Я думаю, что сегодня ни в какой другой стране, даже в гитлеровской Германии, люди так не закрепощены и не терроризированы, как в СССР”. Этой фразой, резюмирующей печальную суть происходящего, — шараханье из огня в полымя, — можно закончить наш очерк о постыдном (иначе не скажешь) Международном конгрессе писателей в защиту культуры, который состоялся в Париже удушливым летом 1935 года, пятьдесят лет назад. ●

Бертольд БРЕХТ (1898—1956)

Поэт, прозаик, эссеист, драматург (”В чащобе городов”, ”Что тот солдат, что этот”, ”Возвышение и упадок города Махагони”, ”Святая Иоанна скотобоен”, ”Страх и отчаяние в Третей империи”, ”Господин Пунгила и его слуга Матти”, ”Карьера Артура Уи”, ”Матушка Кураж”, ”Добрый человек из Сезуана”, ”Жизнь Галилея”, ”Кавказский меловой круг”, ”Трехгрошовый роман”, ”Дела господина Цезаря”, многочисленные статьи и эссе о театре, лирика, баллады). Уроженец Аугсбурга, изучал медицину в Мюнхене, откуда переехал в Берлин. В 1933 г. эмигрировал из Германии в Данию, позднее жил в Америке. После войны поселился в Восточном Берлине, где основал экспериментальный театр ”Берлинский ансамбль”.

Товарищи, я не собираюсь сказать ничего особенно нового, но хотел бы поговорить о сопротивлении тем силам, которые сегодня стремятся потопить в крови и грязи западную культуру, точнее, остатки культуры, сохранившиеся после эпохи эксплуатации. Я хотел бы привлечь ваше внимание к единственному пункту, где должна господствовать, по моему мнению, полная ясность, если мы намерены бороться с этими силами до конца.

Писатели, пережившие ужасы фашизма, просто так бороться с фашизмом не могут. Кто-то, может быть, и думает, что достаточно просто описать эти ужасы, — особенно если описание сделано с большим литературным талантом и пронизано правдивым гневом. Такие описания, действительно, очень важны. Происходят ужасы. Этого не должно быть. Убивают людей. С этим нельзя мириться! Какие еще нужны разъяснения? Люди прочтут и поймут, что пора действовать, пора схватить мучителей за руку. Но, товарищи, разъяснения нужны.

Писатель может сказать: моя задача — разоблачить беззаконие, а пресечь его — это дело читателей. Но дальше происходят странные вещи. Писатель скоро замечает, что гнев, как и сострадание, сегодня охватывает массу людей, а завтра его нет. И хуже всего то, что он испаряется тем быстрее, чем более он необходим. Товарищи рассказывали мне: когда они впервые сообщили о том, что их друзья казнены, все были возмущены и готовы помочь. Было казнено сто человек. А когда казнили тысячу и этим казням не было видно конца, воцарилось молчание, да и помощь пошла на убыль.

Вот так. Когда преступления множатся, их перестают замечать. Когда страдания становятся невыносимыми, криков уже не слышно. На глазах у всех убивают людей, и никто ничего не делает. Это ведь в порядке вещей. Злодеяния становятся привычными, словно идет дождь, и никто не кричит: "хватит!"

Товарищи, давайте поразмыслим о корнях зла.

Великое учение, охватывающее все более широкие массы людей на нашей планете, которая еще очень молода, — говорит о том, что корень всех зол — в существующих имущественных отношениях. Это учение, простое, как все великие учения, охватило тех, кто больше всего страдает от этих имущественных отношений и варварских методов, при помощи которых они охраняются. Многие из нас, писателей, еще не поняли этого, не видят в чем корень дикости, которая их возмущает. И это мешает им включиться в борьбу. Они принимают жестокость фашизма за случайную, не вызванную необходимостью жестокость, — это опасная точка зрения. Они держатся за имущественные отношения, ибо думают, что для защиты их не обязательны жестокости фашизма. На самом деле для поддержания господствующих имущественных отношений эти жестокости необходимы. В этом смысле фашисты не лгут, тут они говорят правду.

Те из наших друзей, кого жестокости фашизма возмущают так же, как нас, но кто хочет сохранения имущественных отношений либо ведет себя в этом вопросе индифферентно, не могут бороться с варварством продолжительное время с полной отдачей сил. Те же, кто в поисках корня зла натолкнулся на имущественные отношения и, спускаясь все глубже и глубже в ад, видит все новые ужасы, те достигают, наконец, понимания того, на чем держится безжалостное господство маленькой кучки людей над всем человечеством. Оно держится на собственности немногих, которая служит эксплуатации и угнетению и которую защищают зубами и когтями, готовые при этом принести в жертву культуру, если она больше не служит им для защиты собственности.

Товарищи, давайте говорить об имущественных отношениях! Вот что я хотел сказать о борьбе с варварством, чтобы это было сказано именно здесь и чтобы об этом сказал и я.

Андре ЖИД (1869—1951)

До 1936 г. печатался в СССР (вышло четырехтомное собрание сочинений), затем был подвергнут полному ostrакизму. Автор романов, повестей, пьес, путевых очерков, автобиографических и художественно-философских книг ("Яства земные", "Плохо прикованный Прометей", "Если зерно не умрет", "Трактат о Нарциссе", "Тесные врата", "Подземелья Ватикана", "Пасторальная симфония", "Фальшивомонетки", "Школа женщин", "Возвращение с озера Чад" и др.). Во время Второй мировой войны жил в Тунисе, затем вернулся в Париж. Нобелевский лауреат 1947 года. Издана интересная переписка с Фр. Жаммом, П. Клоделем, Р.-М. Рильке, П. Валери, Р. Мартен дю Гаром.

Мне хотелось бы сегодня внести ясность в некоторые недоразумения. Первое, с которым я столкнулся, состоит в той связи, которую националисты усматривают между интернационализмом и отрицанием, оболганием своей страны, отсутствием привязанно-

сти к родине. Слову "патриот" националисты придали такой узкий, такой целенаправленный и враждебный окружающим смысл, что мы больше не решаемся его употреблять. Многие из нас не могут согласиться с тем, чтобы любовь к стране своего происхождения выражалась прежде всего в ненависти к другим странам. Что касается меня, то я убежден, что можно быть интернационалистом, оставаясь при этом французом. Точно так же мое глубокое убеждение состоит в том, что можно быть индивидуалистом и одновременно — сторонником коммунизма, который мне даже помогает быть индивидуалистом. Ибо я утверждал и утверждаю: именно сохранение собственного своеобразия позволяет каждому существу наилучшим образом служить всему сообществу. К этому я добавляю сегодня второй тезис, который является противоположностью и следствием первого: именно в коммунистическом обществе может наиболее полно раскрыться каждый индивидуум, своеобразие каждого индивидуума. Или, как недавно сказал Мальро в нашумевшем предисловии к одной книге, "коммунизм возвращает индивидууму плодотворность".

То, что относится к отдельным людям, верно и для народов. И ничто так не восхищает меня в Советском Союзе, как забота об охране особых черт, уважение к особенностям каждого народа, каждого маленького государства в СССР, — уважение к языку, нравам, обычаям, культуре каждого маленького государства. Это уважение опровергает обычные упреки, которые делаются коммунизму и СССР: что будто бы там стараются нивелировать все население обширной России с тем, чтобы позднее добиться того же на всей земле. Я говорю как писатель, я хочу говорить здесь только о культуре и литературе. Но именно в литературе полнее всего общее торжествует в частном, общечеловеческое — в личном.

Искусство, которое теряет контакт с реальной жизнью, быстро становится искусственным. В Европе ни одна литература — за вычетом разве что латинской — не кажется мне такой бескровной, так близко граничащей с искусственностью и то и дело переходящей во что-то искусственное, как классическая французская литература. Свою силу, свое обновление литература всегда черпает из почвы, из базиса, из народа. Она подобно Антею, который, как учит нас греческое сказание, теряет духовную и телесную мощь, едва только ступни его отрываются от земли. Не Монтескье и даже не Вольтер вернули жизненность нашей литературе XVIII столетия, хотя они и были гениями. Это сделала буржуазия и плебеи. Это Жан-Жак, это Дидро.

Из-за преувеличенной любви к форме, к внешнему выражению, к слову французская литература снова и снова обнаруживает тягу к искусственному и изоциренному. Романтизм преодолевает искусственность классиков, противопоставляя им еще более искусственные произведения. Никто из великих представителей романтической школы, ни Ламартин, ни Мюссе, ни Виньи, ни даже Гюго, — не вышел из народа, никто из них не влил в литературу свежую кровь.

Может быть, я преувеличиваю эту тенденцию к искусственному в нашей литературе? Я думаю, нет. Я считаю, что ныне литература, культура, цивилизация не могут развиваться как продолжение этой прежней, ушедшей культуры. Они должны противопоставить себя ей. Кто произносит слово "литература", говорит об обществе. Надо знать, с кем связан литератор. В некоторых литературах, во французской особенно, наблюдается порой странное явление — первоклассный писатель, которого никто из современников не понимает. Можно ли сказать, что он пишет только для самого себя? Нет. Отклик, который он не находит в пространстве, он надеется найти во времени. Его читатели рассеяны в будущем. Он лишь кажется странным, эзотеричным; окружающие не чувствуют его мощи. Я думаю о Бодлере, о Рембо. О Стендале, который утверждал, что его настоящие читатели еще не родились. То же самое было с Ницше, с Уильямом Блейком, с Мелвиллом. Называю лишь самых великих.

Я хотел бы, чтобы из этого был извлечен важный урок. Не надо бранить писателя, если он поначалу обращается к немногим. Признаюсь, меня беспокоит, когда на съезде писателей в Москве множество рабочих различных профессий требуют от писателей: говорите о нас, изображайте нас! Литература — это не просто зеркало. До сих пор советская литература почти в полном составе удовлетворялась этой ролью и задачей. Она подарила нам так много замечательных произведений. Но останавливаться на этом не надо.

Речь идет в первую очередь о том, чтобы помочь новому человеку, которого мы любим, которого хотим, освободиться от пут; помочь ему сформироваться и самому выйти на авансцену. Именно эту мысль великолепно выразили на том же московском съезде Бухарин, Горький и многие другие. Литература не довольствуется имитацией; она предлагает, она творит.

СССР показывает нам сегодня беспрецедентное зрелище мощного, неожиданного, я бы сказал, образцового значения. Зрелище страны, где писатель может вступить в непосредственную связь со своими читателями. Вместо того, чтобы плыть против течения, как вынуждены делать мы, ему достаточно просто отдаться течению. В окружающей действительности он может одновременно найти и вдохновение, и диктат, и косвенное эхо своего труда. Конечно, это чревато определенной опасностью, ибо природа произведений искусства — в побежденном сопротивлении. Но о новой опасности речь должна будет идти позднее. Среди того, что производит сегодня советская литература, я находил немало замечательных вещей, но не произведений, в которых представлен образ нового человека, которого мы ждем. Она все еще описывает борьбу, начало, роды. Я с надеждой жду произведений, в которых писатель, стоя ногами на почве действительности, опередил бы ее...

Илья ЗРЕНБУРГ (1891–1967)

Современное западное государство не могло бы просуществовать и одного дня без химиков и инженеров. Существование Советского Союза я не могу представить себе без писателей. О нашей стране ходят самые вздорные слухи. Нас представляют как некую безликую массу, хуже того — массу с мотором вместо лица. Все знают, что мы построили много крупных заводов. Куда менее известно, что заводы эти для нас — отнюдь не храмы, но средство труда и что высшая цель нашей жизни — это рост и торжество человека.

“Не единым хлебом жив человек”, — говорят они на Западе и протягивают милостыню нищему. Они посмеиваются над нашей примитивностью: как, мы увлечены производством автомашин? Они заставляют других стоять у конвейера и корчат из себя интеллектуалов, сидя за рулем автомобиля.

Кроме хлеба и автомобиля, человеку нужно умение мыслить. Советская литература помогает новому человеку понять себя, свой героизм, свое сердце, разобраться в сложном клубке человеческих чувств и страстей. Наша молодежь, занятая на стройке гигантской страны, не забывает о главном: о строительстве собственного сознания. Как сталевар обращается за советом к инженеру, так и молодые люди ожидают от писателя, что он поможет им разобраться в самих себе, в товарище, в новом человеческом обществе.

У нас нет пропасти между трудом и досугом. Работа больше не является рабским повторением одних и тех же движений и приемов, свободное время больше не означает ничегонеделанье. Когда артисты играют в колхозе Шекспира, колхозники обязуются повысить урожай. Может быть, они не понимают “Отелло”? Или актеры вставляют в текст трагедии агитационные частушки? Нет, на спектакле зрители проливают слезы. Зрители чувствуют, как они сами растут. Об этом они говорят неохотно; они тоже заняты творческим трудом, имя их творчеству — рожь и пшеница. Молодые рабочие рассказывали мне, что происходило у них на душе, когда они читали Пастернака. Но они работают на металлургическом предприятии, а Пастернак пишет о любви, о дожде, о деревьях. Место, принадлежащее у нас поэту, определяется не только тем, что он говорит сердцу. Он органически вписывается в целое; он пусковой механизм, соль земли, аорта.

У нас люди — это прежде всего люди, а потом уже агрономы, шахтеры, химики. В буржуазном обществе существует иерархия людей, вещей, работы, есть почетные занятия, и есть позорная работа. Наступает момент, когда человека охватывает пароксизм страсти, и на него-то и набрасывается писатель, забыв о том, что эта минута важна и интересна лишь в общем контексте жизни. Буржуазный роман — это деформация человека, изображение только одной стороны жизни человека; это кастрация во имя чувственности, упрощение под предлогом сложности.

Наши недоброжелатели говорят: ваше общество примитивно, в вашем оркестре

одни барабаны, вы обеднили жизнь. Революция начинается с камня, который бросают в воду. Круги расходятся все дальше и шире. Мы начали не только с барабанного боя, но и с треска ружейных выстрелов. Но нет таких чувств, страданий, тягот, которые были бы чужды и непонятны людям в нашей стране. Мы не взваливаем на врагов наши заботы, но мы не отдадим им и наши радости.

Роберт МУЗИЛЬ (1880—1942)

Один из крупнейших прозаиков XX века ("Тяготы воспитанника Терлеса", "Три женщины", пьесы "Мечтатель" и "Винценц и подруга влиятельных мужчин", огромный неоконченный роман "Человек без свойств"). Родился в Клагенфурте, получил техническое и военное образование, изучал также философию и психологию. Участник Первой мировой войны, в дальнейшем — государственный служащий. С 1933 г. жил в Вене. После присоединения Австрии к Третьему рейху эмигрировал в Швейцарию. Непопулярный при жизни, Музиль жил в значительной мере благодаря помощи немногих друзей. В СССР публиковались новеллы "Тонка", "Гридзия", "Черный дрозд", отрывки из дневника; к столетнему юбилею выпущен однотомник избранных произведений на немецком языке. В 1984 г. вышел "Человек без свойств" в переводе С. Апта.

Вопрос, как защищать культуру и от кого ее защищать, неисчерпаем. Ибо дело идет о смысле и становлении культуры — и одновременно об ущербе, который она терпит и от своих недругов, и от друзей.

То, что я хочу об этом сказать здесь и сегодня, с политикой не связано. Всю мою жизнь я сторонился политики, ибо у меня нет к ней никакого таланта. Довод, согласно которому политика заставляет каждого участвовать в ней, так как она представляет собой нечто такое, что каждого касается, — этот довод я усвоить не в состоянии. Гигиена тоже касается каждого, и все же я никогда не высказывался о ней публично, у меня нет к ней никакого призвания, точно так же как нет призвания к геологии или бизнесу.

История нашей эпохи развивается в сторону все обостряющегося коллективизма. Мне незачем говорить о том, сколь различные формы этого коллективизма. Очевидно, что и ценность этих форм для будущего следует оценивать по-разному. Политики склонны рассматривать достижения культуры как свою естественную добычу, вроде того как женщины раньше доставались победителям. Я же со своей стороны полагаю, что роскошной культуре подобает женское искусство защищать себя и свое достоинство.

Культура не привязана ни к какой политической форме. Она может лишь сталкиваться с исходящими от политиков специфическими требованиями или помехами; это то, что она воспринимает от политики. Существуют коллективные аксиомы (не совпадающие с аксиомами чувства), которые нельзя заменить другими, чтобы таким образом создать основу для новой культуры. Решающим является целое, как бы ни судить о человеке по отдельным его фразам или даже поступкам, независимо от того, глупец он или гений или даже врожденный преступник. Мне вспоминается замечание Ницше в одном из посмертно опубликованных отрывков: "Победа морального идеала достигается теми же аморальными средствами, какими одерживают любую победу: насилием, ложью, клеветой, несправедливостью".

Культура предполагает непрерывность и пиетет даже перед тем, с чем борются. Уже это соображение трудно сбросить со счетов. Можно утверждать также, что культура всегда была сверхнациональна. Вся история искусств и наук свидетельствует об этом. Это проявляется даже в первобытных культурах. В особенности в своих высших слоях культура зависит от межнациональных связей, да и гениальность распределяется, подобно другим редким явлениям, поровну.

Но даже если бы культура не носила наднационального характера, она и внутри собственного народа всегда была бы чем-то таким, что живет над временем, она служила бы мостом над эпохами провалов и соединяла бы живущих с далеким прошлым. Отсюда следует, что тому, кто служит культуре, не положено отождествлять себя без остатка с сегодняшним состоянием его национальной культуры.

Культура — не эстафета, передаваемая из рук в руки, как думают традиционалисты, нет, дело происходит сложнее: творческие люди не столько продолжают культуру как нечто идущее к ним из мглы времен и из других стран, сколько воспринимают ее как что-то такое, что заново рождается в них самих.

Борис ПАСТЕРНАК (1890—1960)

Поэзия останется всегда той превыше всяких Альп прославленной высотой, которая валется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы ее увидеть и по-добрать с земли; она всегда будет проще того, чтобы ее можно было обсуждать в собраниях; она навсегда останется органической функцией счастья человека, переполненного блаженным даром разумной речи, и, таким образом, чем больше будет счастья на земле, тем легче будет быть художником.

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ЛЖЕПРОФЕССОР ЧИЖЕВСКИЙ

Астрология — очень древняя лженаука. И вот в наши дни нашелся человек, даже с некоторой претензией на ученость, пытающийся возродить в новом виде астрологию. Человек этот — лжепрофессор А. Чижевский. Не далее как в 1934 году во французском климатологическом издании он опубликовал статью под сногшибательным заголовком: "Влияние периодической деятельности солнца на социальные явления". Чижевский берется объяснить и предсказать все виды проявления активности человеческих масс в течение тысячелетий. Он может тем же способом объяснить стимул деятельности людей в течение, скажем, декады или даже одних суток. Когда читаешь статью Чижевского, невольно возникает вопрос: что это, бред или завуалированная контрреволюция? Но если это бред, то не лишенный некоторой системы. Чижевский опускается до того, что именует народное движение во всех странах "психическими эпидемиями". Этого мало. Он прямо заявляет, что в теории своей имеет "исходной точкой общепринятое убеждение, что все движения масс, каков бы ни был идеал, во имя которого они совершаются, являются лишь психозом масс, лишь помрачением рас-судка масс". "Скачки пароксизмов революционного движения в России" он объясняет своей "теорией". Совершенно очевиден контрреволюционный характер писаний Чижевского. Позволительно поставить вопрос: допустимо ли для человека, именующего себя советским ученым, печатать в 1934 году такие контрреволюционные статьи в заграничных журналах? Пора сорвать маску с человека, который, претендуя на научные открытия, занимается и пропагандой контрреволюционных теорий!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, РАЗЪЕДИНЯЙТЕСЬ

По республике Немцев Поволжья при проверке партийных документов исключено из партии 926 человек: морально разложившиеся, белогвардейцы, кулаки, жулики. Среди исключенных имеется и довольно многочисленная группа буржуазных националистов. Чтобы осветить вредную работу этой группы, следует вспомнить несколько фактов из прошлого республики. В годы гражданской войны здесь издавалась на немецком языке газета "Колонист". На первой странице ее красовались лозунги: с одной стороны "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", а с другой — "В борьбе обретешь ты право свое". Газету издавала "партия социалистов — немцев Поволжья", состоящая из пасторов, чиновников и кулаков. Партия эта стремилась создать буржуазную автономную республику Немцев Поволжья. Ее программа — это каша из эсеровско-меньшевистских лозунгов, густо сдобренных националистским духом. Впоследствии кое-кто из этой "партии" сумел пробраться в ВКП (б). Особенно много этой публики оказалось в Гнаденфлюрском, Мокроусском, Франкском и Экгеймском кантонах. Здесь при проверке партийных документов приходилось иногда распускать целиком партийные организации.

"Правда", 24—25 декабря 1935 г.

АФГАНИСТАН — СВОБОДНОЕ СЕРДЦЕ АЗИИ

”Азиатский континент можно сравнить с живым телом. Сердце, которое бьется в этом теле — это народ афганцев. Разрушение Афганистана было бы разрушением всей Азии. Благополучие Азии зависит от прогресса и процветания афганцев. Пока сердце остается свободным, свободно и тело. В противном случае оно уподобляется соломинке, уносимой ветром.” Так писал о моей стране Мухаммед Икбал, знаменитый индийский мусульманский поэт, живший тогда, когда Индия была еще частью Британской империи.

Похоже, что советские оккупанты по-своему хорошо понимают справедливость слов Икбала. Удар по Афганистану — удар в самое сердце Азии. Порази сердце — и тело умрет.

Осуществление исторических целей

Еще в мае 1888 г. генерал Скобелев в журнале ”Русская старина” предвидел, что ”приближается время, когда Гиндукуш, естественная граница Индии, станет границей России, а Герат, вероятно, будет включен в состав Российской империи”. Нельзя сказать, что это были пустые слова: Российская империя давно смотрела на юг. Именно русские агенты неоднократно инспирировали восстания против афганских правителей. Эмир Абдуррахман, против которого было организовано восстание пуштунов-гильзай в 1886 г., восстание в Балхе и Меймене в 1888 г., писал, обращаясь к своему сыну и наследнику: ”Мое последнее завещание тебе: никогда не доверяй русским.”

Почти столетие спустя надежды Скобелева и опасения Абдуррахмана более чем сбылись. В конце декабря 1979 г. советские войска форсировали Гиндукуш и оккупировали всю территорию Афганистана вплоть до пакистанской границы у Хайберского перевала, почти в 200 км к юго-востоку от Кабула. В направлении на Герат они вышли к рубежам Ирана. Индийский океан и Персидский залив оказались в пределах их досягаемости.

Вторжение в Афганистан потрясло мир: одни были возмущены, другие напуганы, третьи испытывали смущение. Стало ясно, что события, предшествовавшие вторжению, — коммунистический переворот в апреле 1978 г. и то, что за ним последовало, — вовсе не были случайными. Остается, однако, немаловажный вопрос: зачем?

Одно из объяснений: Советский Союз следует исторической российской стратегии, направленной на выход к теплым южным морям и дестабилизацию южных соседей. По другой гипотезе Советский Союз, окруженный врагами, нуждается в создании ”санитарного кордона” — буферной зоны, состоящей из стран-сателлитов. Третье, наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что советские руководители были встревожены растущей непопулярностью прежних коммунистических режимов Тараки и Амина, усилением народного сопротивления им, опасностью крушения власти коммунистов в Афганистане. Они хотели, с одной стороны, убрав непопулярного Амина, заменить его Бабраком Кармалем ”с человеческим лицом”, с другой стороны — поддержать пошатнувшийся режим вооруженной силой.

Каковы бы ни были объяснения, какие бы цели ни ставил перед собой Советский Союз, очевидно, что он во всех отношениях просчитался. Неожиданное — для советских руководителей — сопротивление вторжению как в самом Афганистане, так и во всем мире, парализовало выполнение плана по продвижению на юг. Советский Союз увяз в долгой изнурительной войне, конца которой не видно. Вместо создания буферного государства-сателлита он получил нечто прямо противоположное: традиционно дружественный Афганистан превратился во врага; добрые отношения с ним едва ли удастся восстановить в обозримом будущем. Что касается Бабрака, срочно доставленного из Праги на место убитого Амина, то он по непопулярности оставил далеко позади обоих своих предшественников: его имя тесно связано с режимом оккупации (кстати, имя "Кармаль", которое он взял себе в демагогических целях, означает на языке пушту и "друг трудящихся", и "Кремль" — последнее явно работает против него же).

Война афганского народа против советских оккупантов продолжается. Какова военная ситуация сейчас, на исходе шестого года?

Советская оккупационная армия

Точное число советских войск в Афганистане неизвестно. Оценки специалистов колеблются в пределах 105–120 тысяч человек (напомним, что в начале вторжения было всего 80 тысяч).

Основная часть советских войск — это мотострелковые дивизии. Сейчас около 60 тысяч солдат расквартированы на базах по всей территории Афганистана (около 80% из них — новобранцы), 30–40 тысяч — это вспомогательные войска: строительные части, медперсонал и т.д.

По имеющимся данным (правда, давностью в несколько месяцев, так что, возможно, нуждающимся в поправках) в Афганистане находилось 12 советских дивизий, в том числе 10 мотострелковых и две авиадесантные. Базы мотострелковых дивизий (МСД) расположены в следующих городах: Кундуз и Мазари-Шариф — (север) — 16 МСД; Джалалабад (юго-восток) — 201 МСД; Кабул — 360 и 225 МСД; Кандагар (юго-запад) — 357 МСД; Газни (юго-восток) — 275 МСД; Герат (запад) — 54 МСД; Шинданд (запад) — 66 МСД; Баграм (центр) — 103 МСД. Две авиадесантные дивизии расквартированы в Кабуле (105 дивизия) и Баграме (104 дивизия).

Каждая МСД включает в себя 10 тыс. солдат, оснащена бронетранспортерами. В них имеются танковые подразделения (Т-59, Т-62, Т-72, мостовые танки).

Авиадесантные дивизии состоят примерно из 8 тыс. солдат каждая, имеют на вооружении самолеты МиГ-21 и 23, Су-17 и 25, вертолеты атаки Ми-24, а также транспортные самолеты Ан-12 и 22.

За последнее время в страну были введены также отборные части — около 15 тыс. десантников. Так как в ходе боевых действий была доказана высокая эффективность вертолетов, их число было увеличено с 200 до 650. Были доставлены также части войск специального назначения — "спецназ". Они находятся в ведении КГБ и ГРУ. Их назначение — инфильтрация в повстанческие районы, устройство засад, убийства и т.п.

Военная подготовка и материальное оснащение советских войск — на высоком уровне, однако моральный дух их низок. Широко распространено употребление наркотиков. Многие страдают от тропических болезней. *Esprit de corps*, чувство локтя, слабо развито, в основном в результате существующей практики замены контингента через 18 месяцев — устойчивые отношения между солдатами и офицерами не успевают сложиться. Младшие офицеры, как правило, малоинициативны. Назначенный этим летом на пост командующего генерал Михаил Зайцев, уже выражал по этому поводу тревогу.

Базы и пути сообщения

Главные задачи советских частей — контроль над городами и авиабазами страны, охрана конвоев на дорогах Афганистана, операции против сил сопротивления в городах и главным образом в сельских местностях.

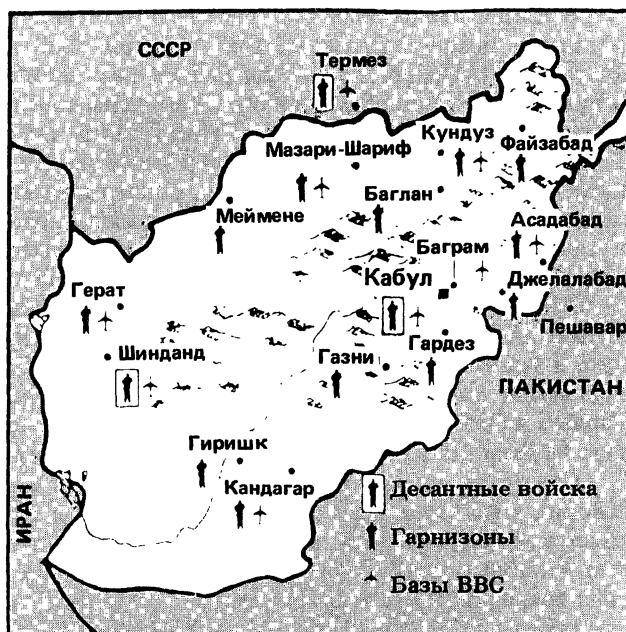
До осени 1982 г. советским частям удавалось поддерживать относительное спокойствие в Кабуле, однако в большинстве центров провинций — в Джелалабаде, Гардезе, Хосте, Газни, Кандагаре, Герате, Файзабаде, Кундузе, Мазари-Шарифе, Шибаргане — положение оккупантов было менее безопасным. Отряды муджахиддинов наносили удары по предместьям, хотя проникнуть в города им долго не удавалось. Начиная с лета 1982 г., партизаны оказывают постоянное давление на Кабул. Кандагар и Герат несколько раз подпадали под их контроль. Уличные бои не раз вспыхивали в Герате, Кандагаре, Газни — на западе, Мазари-Шарифе, Кундузе, Балхе, Шибаргане — на севере. В самые последние месяцы советским силам удалось

несколько снизить давление на Кабул, однако повстанцы, получившие в свое распоряжение ракеты нового типа, нанесли ряд серьезных ударов по Кабульскому аэропорту.

Охрана путей снабжения советских и марионеточных войск отвлекает большие силы оккупантов. Ее приходится осуществлять почти по всей территории страны. Исключение составляют разве что районы, прилегающие к 700-километровой границе с СССР, однако и они не могут считаться вполне спокойными для интервентов.

Главный путь снабжения советской армии — северное шоссе Кабул—Мазари-Шариф, проходящее через туннель Саланг. Эта дорога связывает советскую и афганскую территории через Хайратанский мост на Аму-Дарье. Другие главные дороги: Кабул—Кандагар через Газни, Кандагар—Герат—Торгундай, Кабул—Гардез через Логар, Кабул—Джелалабад—Торхам через Хайберский перевал (у пакистанской границы). Все они находятся под ударами муджахиддинов.

Чтобы обезопасить пути, обе стороны дороги на расстояние до километра очищаются полностью, плантации выкорчевываются, деревни сносятся с лица земли. И все же конвои с грузами постоянно попадают в засады, хотя они обычно идут под охраной танков, бронетранспортеров и под прикрытием самолетов и вертолетов. Все чаще оккупантам приходится осуществлять связь только по воздуху. В некоторых местах у советских войск просто нет выбора: снабжение приходится доставлять только по воздуху. Например, дороги к военным базам в Ургуне и Хосте в провинции Пактия (юг), в Барикоте в провинции Кунар (восток) полностью перекрыты повстанцами. Армейские конвои становятся важным источником снабжения партизан оружием, боеприпасами, продовольствием. Это особенно важно для конвоев, которые идут через перевал Саланг в



Расположение советских и правительственных войск

горах Гиндукуша. Нефтепровод, протянутый с севера к авиабазе в Баграме, практически не работает из-за постоянных нападений и разрушений, причиняемых повстанцами.

Советская антипартизанская тактика

В начале войны любое крупное наступление против партизанских сил возглавляли афганские правительственные войска, а советские мотострелковые части следовали за ними. Эти операции подчас выглядели как парадные учения: войска двигались без всякого учета местности; они были оснащены противотанковым оружием, практически бесполезным против партизан. Провал таких операций заставил изменить тактику. Теперь в ходе наступления — обычно в таких операциях участвует до 10 тысяч человек — впереди идут советские десантники, поддерживаемые вертолетами, которые очищают холмы, где могут лежать в засаде партизаны, и блокируют пути их отхода. Затем атакуемая область прочесывается основным контингентом наступающих войск, уничтожая захваченных в ловушку партизан (если это удалось).

Такая тактика, как признают и сами партизаны, куда более эффективна. Однако муджахиддины знают местность гораздо лучше и почти всегда умеют бесследно исчезнуть и затаиться, пока советские войска не уйдут. В этом году оккупанты дважды предпринимали массированные операции по снятию фактической осады гарнизонов близ Гардеза и Джелалабада. Операции увенчивались успехом, и советские войска возвращались на базы. По их стопам приходили партизаны, и осада баз начиналась снова.

Советская армия оказалась неповоротливой и медлительной и в отражении партизанских атак. При нападении группы партизан в 10–20 человек в бой вступало целое советское подразделение, иногда с зенитными орудиями. Понадобилось полгода, прежде чем в таких стычках перестали вводить в действие тяжелое вооружение. Такова была сила военно-бюрократической инерции. Пулезащитные жилеты советского производства так тяжелы, что солдат с трудом в них передвигается и быстро выбивается из сил.

Оружие против партизан и мирных жителей

Советские войска имеют новые виды оружия, специально разработанные для условий партизанской войны. Вот несколько примеров.

Летающие мины ("мины-бабочки"). Крылатые минные устройства, при сбрасывании с вертолетов медленно опускающиеся на землю. Благодаря коричнево-зеленой окраске сливаются с землей и трудно распознаваемы. Разбрасываются сотнями тысяч на тропах и вокруг деревень. Их цель — скорее нанести рану, оторвать руку или ногу, чем убить. Поражают в основном детей и домашних животных. После 1983 г. муджахиддины научились распознавать такие мины и использовать против самих оккупантов, так что их применение несколько сократилось, хотя для детей они по-прежнему крайне опасны.

Самолет Су-25 — тяжеловооруженный штурмовик с бронезащитой. Приближается почти неслышно и отличается эффективной наводкой ракет. Вместе с вертолетом атаки Ми-24 обеспечивает советским войскам полное превосходство в воздухе над партизанами.

Автоматический гранатомет АГС-17 с обоймой, содержащей 30 снарядов калибра 30 мм. Может использоваться также с вертолетов. Муджахиддины захватили несколько таких установок в качестве трофеев.

Острые, как бритвы, кусочки стали, закладываемые в 152-мм артиллерийские снаряды. Причиняют раны, трудно поддающиеся лечению.

Сверхскорострельный автомат Калашникова — АК-74 калибра 5,45 мм. Находится на вооружении только у советских солдат. Внешне не отличается от стандартного автомата АК-47.

Огнемёт. Трубка, выбрасывающая жидкость, которая при контакте с целью превращается в столб пламени. Может переноситься вручную или монтироваться на бронетранспортер.

Химическое оружие. Использование отравляющих газов отмечено в провинциях Логар, Газни, Забуль, Кунар и других. В Логаре газ был применен против партизан, скрывшихся в подземном ирригационном туннеле. Симптомы поражения: потеря сознания, головные боли, выделения из носа, боли в животе.

Большие неприятности доставляют муджахиддинам войска "специального назначения". В их составе многие владеют местными языками, хорошо маскируются под афганцев, это позволяет им заставить партизан врасплох, осуществлять убийства руководителей муджахиддинов, сеять рознь между различными группировками повстанцев.

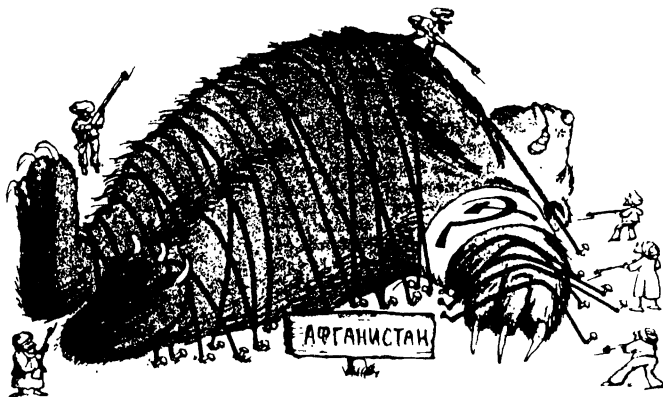
От войны страдают все

Несмотря на все усилия оккупантов, под контролем муджахиддинов в дневное время находится 80% территории страны, а в ночное время — 90%. Ночью повстанцы становятся хозяевами даже в предместьях Кабула. Войска противника вынуждены укрываться в своих казармах, окруженных плотными минными полями.

По утверждениям муджахиддинов, советские войска потеряли за время войны более 50 тыс. человек. Это, вероятно, завышенная цифра, истинное количество потерь составляет от 8 до 15 тыс. человек. Официально советские власти признали гибель лишь 20 человек.

Командование советской армии быстро поняло, что оно не может рассчитывать на солдат из мусульманских республик СССР, и вскоре заменило их солдатами из европейской части страны. Ныне военнослужащих из мусульманских республик редко посылают в Афганистан. Уроженцы этих республик, особенно таджики, могущие объясниться с жителями Афганистана, используются только в качестве переводчиков и советников. О дискриминации солдат-мусульман и недоверии к ним со стороны командования свидетельствуют многие перебежчики из советской армии. Рассказывают о таком случае. Небольшая советская часть прибыла в одну деревню в провинции Логар. После обысков и арестов в домах крестьян населению раздали некоторое количество продовольствия и обуви. Затем советский офицер с башни танка произнес речь, заверяя жителей в добрых намерениях властей и в их уважении к традициям и к религии. Переводчик-таджик, пересказав его речь крестьянам, добавил потом от себя: "Не верьте ни одному его слову. Не дайте превратить себя в рабов русских, как это случилось с нами."

Больше всего страдает от действий советских войск гражданское население. Враг разрушает деревни, уничтожает посевы, сжигает урожай, засыпает оросительные каналы. Тысячи крестьян, особенно старики, женщины и дети погибают, получают ранения, а те кто выживают, вынуждены покинуть родные места. Из областей, находящихся недалеко от границы, беженцы уходят в Пакистан или в Иран. Из центральных областей они



уходят в соседние провинции, а чаще всего — в города, где бывает легче укрыться. В особенности часто бегут в Кабул, население которого за годы войны выросло с 800 тысяч до двух миллионов. Таким образом, в Афганистане есть беженцы двух видов — внешние и внутренние.

В Пакистане сосредоточено свыше трех миллионов беженцев, примерно миллион — в Иране. Из страны бежало свыше четырех миллионов человек — более 20% населения. Число внутренних беженцев составляет около трех миллионов человек.

Кабульская марионеточная армия

Теоретически советские войска лишь оказывают поддержку национальной афганской армии. Официально в последней числится 80 тыс. человек, но в действительности в ней не более 25–30 тыс. В 1980 г. численность ее упала даже ниже 20 тыс., и властям пришлось принимать особые меры для пополнения армии; был продлен срок службы, отменены освобождения от службы для учителей, студентов, заводских рабочих. Насильственная мобилизация — дело в афганской армии обычное. Новобранцев (от 15 до 46 лет) нередко держат в тюрьмах, чтобы склонить их "добровольно" вступить в армию, а затем отправляют в бой почти без подготовки. В армию загоняют даже пленных партизан. Понятно, что такая армия не может служить надежной опорой режима.

Распад и сокращение марионеточной армии — результат не только нежелания афганцев воевать на стороне оккупантов. Он начался еще в эпоху Тараки—Амина, когда много офицеров и чинов полиции — не коммунистов было заключено в тюрьму, казнено или вынуждено бежать из страны. Чистке подверглись во времена Амина и армейские коммунисты из соперничающей фракции ("Парчам"). В 1978–1979 гг. антиправительственные восстания армейских офицеров потрясли страну и привели к дополнительным чисткам. Так, в Асмаре (провинция Кунар) восстал целый гарнизон под руководством генерал-лейтенанта Абдеррауфа Сафи; восстания имели место в Бала-Гиссаре, Таджбеге, Герате, Джалалабаде и даже в кабульском гарнизоне.

Восстания эти вспыхивают время от времени и теперь, они жестоко подавляются советскими частями. Зато резко усилилось дезертирство.

Пятая колонна интервентов

Главная цель кабульского режима и его советских хозяев — подорвать единство патриотических сил, вселить недоверие друг к другу, усилить национальные, религиозные и идейные разногласия в лагере повстанцев. Этим целям служит игра на стремлении пуштунов и белуджей Пакистана и Афганистана к созданию автономной общности и стравливание двух крупнейших народностей страны с таджиками, узбеками, туркменами, хазарейцами и другими менее многочисленными народностями. Идея Пуштунистана—Белуджистана наша определенное число сторонников, но преимущественно в Пакистане. Главные сторонники этой идеи обратились в явных приспешников Москвы и в основном пребывают там или нашли убежище в Кабуле.

Стремясь завоевать симпатии народа, режим Кармаля перешел от антирелигиозной позиции к происламским декларациям. Министерство по делам ислама и афганский



КГБ ("Хад") привлекают на свою сторону мулл, однако ни один популярный в стране религиозный деятель на их призыв не откликнулся. В сентябре 1984 г. было опубликовано сообщение министерства о том, что в 1983 г. правительство Кармаля построило в Кабуле 230 мечетей, а в других городах — еще 30; 30 млн. афгани затрачено на приобретение ковров для мечетей и 15 млн. — на денежную помощь муллам. Однако особых достижений по легализации кабульского режима с позиций исламского права пока незаметно.

В области пропаганды успехи столь же незначительны. Идеологическая терминология оккупантов совершенно непонятна и чужда населению. Ее излюбленные термины — "империализм", "шовинизм", "феодализм", "пролетариат", "реакция", "компрадоры" — просто не находят понимания у афганцев.

Кабульская секретная служба сумела, однако, проникнуть в ряды партизан, пользуясь их неопытностью и неэффективностью. Сея вражду между племенами и организациями муджахиддинов, она сумела организовать убийства партизанами невинных людей, дискредитировав таким образом цели священной войны против оккупантов. Стычки между отрядами, поджог штаб-квартиры организации Джамият эль-Ислами, — все это посеяло определенное недоверие между группами сопротивления. Министерству по делам племен временами удавалось создать из членов некоторых кланов и семей проправительственные формирования (например, из состава племен зази и мангал в провинции Пактия и племени шинвари в провинции Нангархар). Нередко правительственным агентам удается проникнуть в лагерь беженцев и даже в ряды муджахиддинов. В ряде случаев им удалось склонить отдельные партизанские группы и некоторых руководителей муджахиддинов к сдаче правительству. Особенно тяжелым ударом была капитуляция отряда проф. Сайефа, руководителя Союза фундаменталистов в июле 1983 г. Были взяты в плен многие партизаны, захвачено немало тяжелого оружия и боеприпасов.

Однако несмотря на отдельные успехи, кампания по внедрению агентов в ряды повстанцев в целом потерпела поражение. Племенная солидарность оказалась сильнее. Пример тому — совместная атака главных племен провинции Пактия на военную базу кабульского правительства в Хосте. Основные силы проправительственной милиции были быстро разоружены, а другие сдались вместе с оружием и перешли на сторону наступавших. В течение недели пропали впустую два года подрывной деятельности.

Итак, войне афганцев с советскими оккупантами исполняется шесть лет. Это дольше, чем длилась Вторая мировая война. Желает ли Советский Союз, чтобы его война против афганского народа превратилась в семилетнюю, тридцатилетнюю или столетнюю войну? После встречи Горбачева и Рейгана в Женеве в западной прессе появились статьи о якобы смягчении советской позиции относительно Афганистана. Пишут даже о необходимости дать СССР возможность сохранить лицо, если он согласится убраться из Афганистана. Будем надеяться, что за этим что-то стоит: любое мирное решение, не угрожающее свободе афганцев, было бы благом для измученного народа. Оно было бы благом и для простых советских людей, которые знают, что им нечего искать в Афганистане — важные дела у них есть и дома.

К сожалению, однако, реальное положение в воюющем Афганистане не очень оправдывает надежды прессы. Что ж, мы, афганцы, готовы воевать столько, сколько понадобится. Мы уверены, что наши жертвы принесут плоды. ●

Не может быть сомнений, что без дипломатической подготовки появление русских войск в Афганистане было бы воспринято подозрительными афганцами как вторжение завоевателя, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ф.Ф.Раскольников (первый посол СССР в Королевстве Афганистан), "Россия и Афганистан". Журнал "Новый Восток", 1923, № 4, стр. 26.

ЭТО СТРАШНОЕ СЛОВО — ЦРУ

Беседа с Реем Клайном



Д-р Рей Клайн, работающий ныне в Джорджтаунском университете (Вашингтон), был штатным разведчиком с 1942 по 1977 г., долго работал в Центральном разведывательном управлении США (ЦРУ), в 1962–1965 гг. был заместителем директора ЦРУ. По поручению редакции журнала "Страна и мир" интервью у Р.Клайна взял Илья Левков.

Вы, конечно, знаете, что ЦРУ – слово, которое чаще многих других появляется в советской прессе и звучит по советскому радио. Гражданам СССР разъясняют, что ЦРУ – главный враг человечества; что все международные конфликты, политические убийства, терроризм, диверсии, порабощение малых народов – дело рук ЦРУ. Большая Советская Энциклопедия утверждает также, что ЦРУ преследует прогрессивных граждан в самой Америке. Хотелось бы, однако, выслушать и другую сторону. Очевидно, вам как бывшему заместителю директора Центрального разведывательного управления есть что рассказать об этой организации. Но сначала, пожалуйста, немного о вашей жизни. Как, когда и почему вы стали разведчиком?

Офицером разведки я стал совершенно случайно. Мои родители – фермеры из штата Иллинойс. Как всякий крестьянский сын, я должен был помогать им на ферме. Это не помешало мне, однако, хорошо окончить школу и получить стипендию в Гарвардском университете. Правда, университет не дал денег на проезд, и две тысячи километров от нашей фермы до Кембриджа мне пришлось проехать в товарном поезде зайцем. В университете я изучал историю США и Англии и меньше всего думал о карьере разведчика. Учился я неплохо и благодаря этому получил также стипендию в Оксфордском университете в Англии.

Из Европы я вернулся в 1940 г., тогда там уже бушевала война. В Штатах царил еще полное спокойствие, но я приехал с убеждением, что рано или поздно Америка должна придти на помощь европейским странам в их борьбе с гитлеризмом. Это убеждение отразилось и на теме моей докторской диссертации. Я писал о возможности использовать вооруженные силы США в войне с гитлеровской Германией. Пришлось констатировать, что США ни в политическом, ни в военно-промышленном отношении к войне не готовы. В те годы вся американская армия, включая авиацию, флот и пехоту, насчитывала всего лишь 190 тыс. человек. Оборонный бюджет составлял полтора миллиона долларов, причем сумма эта предназначена была в основном для осуществления долгосрочных проектов – постройки кораблей и самолетов. Наши эксперты по международным делам слабо понимали мировую обстановку, а разведка была из рук вон плоха. Она состояла примерно из тысячи радистов, которые без большого успеха пытались перехватывать военные и политические радиogramмы. Когда много лет спустя генерал Дуайт Эйзенхауэр прочитал мою работу, он с улыбкой спросил меня: "Как же мы все-таки выиграли войну?"

Офицером разведки мне пришлось стать после нападения Японии на военно-морскую базу США в Перл-Харбор 7 декабря 1941 г., когда штаб военно-морских сил срочно искал специалистов для расшифровки секретных кодов противника. Меня забрали на эту работу прямо из аспирантуры. В те первые месяцы 1942 года Америка вынуждена была

на ходу создавать нечто вроде военной разведки, которой в мирное время у нее не было. Возник отдел стратегических служб (ОСС), и я попал в центральное управление этой организации. Среди моих коллег почти не было военных, да и вообще людей, имеющих достаточно серьезный опыт разведывательной работы в международном масштабе. Ученые-гуманитарии, вчерашние бизнесмены и юристы, мы все были только подмастерами своего нового ремесла. Так что, откровенно говоря, после войны, когда был расформирован ОСС, я серьезно подумывал о том, чтобы вернуться к чисто научной карьере. Однако долг и чувство патриотизма удержали меня, и я остался во вновь созданной разведывательной организации — ЦРУ.

В 50-е—60-е гг. я представлял доклады лично президентам Эйзенхауэру, Кеннеди, а затем Джонсону. В 1962—65 гг. я был заместителем директора ЦРУ и заведующим отделом разведки. Свою карьеру уже в 70-е гг. я завершил на посту руководителя отдела разведки и исследований государственного департамента США. То была эпоха президента Никсона, с которым мне также пришлось довольно тесно сотрудничать. После 35 лет службы в разведке я ушел на научную работу. Сейчас руковожу одним из отделом Центра стратегических и международных исследований в Джорджтаунском университете в Вашингтоне.

За заслуги в ЦРУ я был награжден весьма высоким знаком отличия — медалью "За выдающиеся заслуги". Говорю об этом только потому, что медаль эту я надел, когда в 1981 г. присутствовал в Москве в числе других американских ученых, историков и политологов на международной конференции, посвященной проблемам Дальнего Востока. Советские представители, среди которых, как я думаю, было немало сотрудников КГБ, спрашивали меня, за что я получил эту медаль. Я честно говорил о себе и своей бывшей работе и добавлял, что медаль свою заслужил прежде всего благодаря им. Ведь если бы не высокая активность КГБ, Соединенным Штатам не пришлось бы создавать ЦРУ, а я не получил бы медали.

Ну, это шутка. А какова действительная история возникновения Центрального разведывательного управления США?

Нет, я вовсе не шучу. Дело в том, что в мирное время Соединенные Штаты традиционно не имели разведывательного аппарата. После окончания войн разведки расформировывались, так что в стране никогда не было профессиональных разведчиков. Правда, в начале 20-х гг. государственный департамент вместе с руководством армии и флота начали было проводить операцию "Черный канал" по дешифровке иностранных телеграмм. Но в 1928 г., после подписания пакта Келлога-Бриана, по которому война как инструмент внешней политики была объявлена вне закона, операцию "Черный канал" приостановили. Государственный секретарь тех лет Генри Стимсон объяснял принятое решение так: "Джентльмены не читают чужих писем". Звучало это благородно, но когда грянула Вторая мировая война, мы в области разведки оказались безоружными. Более того, американцы и психологически не были готовы к шпионажу. Против этого протестовала вся политическая культура Америки. В обществе и в среде администрации укоренилась мысль о том, что держава, которая заводит у себя секретную службу, вызывает опасения у других. Зачем нам это, если мы не собираемся ни на кого нападать? Понадобилась Вторая мировая война, чтобы преподать нам урок здравого смысла.

Впрочем, старая американская традиция в этой области проявила себя и тогда, когда в 1942 г. Соединенные Штаты принялись создавать нечто вроде военной разведки (ОСС). На должность ведущих сотрудников были приглашены сугубо гражданские люди: профессор немецкой истории из Гарвардского университета и второй германист — ученый из колледжа Уильямс. Профессора эти привлекли к работе в разведке своих студентов и аспирантов. Я как раз и был одним из них. В связи с таким подбором кад-

ров и работа в ОСС, а затем в ЦРУ многие годы носила сугубо исследовательский характер. В составе этих организаций попросту не было мастеров подрывного дела.

Принцип этот в значительной степени сохранился и до сего дня: большую часть работы проводят ученые и специалисты, использующие передовую технику и свой интеллектуальный опыт. Привлеченные на службу в разведку юристы, бизнесмены, профессора нередко после нескольких лет работы уходят обратно в свои предприятия, юридические конторы и университеты. Так в частности было с Уильямом Кейси, который во время Второй мировой войны руководил из Лондона сетью американских разведчиков на территории Германии, а после войны вернулся на биржу, где как бизнесмен имел немалый успех. В 1981 г. президент Рейган пригласил Кейси вернуться и назначил его директором ЦРУ. Поочередно пробовали свои силы в разведке такие интеллектуалы, как адвокат Артур Гольдберг — будущий Верховный судья и представитель США в ООН, сын президента Рузвельта Джеймс, Герберт Маркузе — идеолог левых радикалов 60-х годов и другие.

Но вернемся к истории возникновения ЦРУ. Создать разведку в мирное время было крайне сложно уже потому, что для нее не было места в традиционной структуре американской государственной администрации. Однако президент Трумэн ввел серьезное политическое новшество, создав вскоре после войны новый административный орган — Национальный совет безопасности (НСБ), в котором председательствовал сам президент, а руководители обороны страны и государственный секретарь были членами Совета. ЦРУ должно было докладывать НСБ о политической ситуации в мире, о грозящих стране опасностях, о политических возможностях и перспективах. Относительно ЦРУ в законе от 18 сентября 1947 г. говорилось: "Под эгидой Национального совета безопасности создается Центральное разведывательное управление во главе с директором. Директор назначается президентом с одобрения и согласия Сената. Президент может избрать директора из числа военных или гражданских лиц". Интересно, что все президенты США предпочитали в качестве директора ЦРУ иметь гражданских лиц, нередко с учеными степенями.

По закону 1947 г. ЦРУ не получило никаких прав заниматься внутренней безопасностью страны. Сотрудникам не дано было разрешения кого бы то ни было арестовывать или применять полицейские меры. Единственное дело, которое поручили ЦРУ, состояло в том, чтобы собирать за рубежом и объективно анализировать информацию, имеющую отношение к безопасности страны, и докладывать свои выводы президенту страны и другим членам Национального совета безопасности.

Напомню, что организовать НСБ Трумэна заставила военно-политическая активность Советского Союза в Восточной Европе и Китае. В то время как Соединенные Штаты сразу после войны демобилизовали 90% своей армии и расформировали военную разведку (ОСС), СССР развернул военную и шпионскую деятельность в гигантских масштабах. По существу Советский Союз начал тайную войну против Запада, войну, которая решала судьбу Восточной и Западной Европы и непосредственно касалась США. Хотя и не сразу, но президент Трумэн понял, что наша страна не только приобретает моральное право, но и должна была предпринять встречные действия. Мы были вынуждены создать ЦРУ хотя бы для того, чтобы узнавать своевременно, какие именно шаги предпринимает против США Советский Союз.

Граждане СССР, даже те, кто находится в оппозиции к советскому режиму, полагают, что в конечном счете ЦРУ и КГБ — близнецы, организации с одинаковыми задачами и методами работы. Что вы думаете по этому поводу?

Думаю, что такой взгляд свидетельствует о незнании существа дела. Я уже перечислял, что именно по закону запрещено ЦРУ. Разведка не имеет права вмешиваться в какие бы то ни было внутригосударственные политические коллизии, кого бы то ни было аресто-

вывать и допрашивать на территории США. Надо ли напоминать, что КГБ имеет безграничные возможности вторгаться в любые области жизни советского народа. Но различие между ЦРУ и КГБ этим не ограничивается. Имеет ли советское общество какой-нибудь механизм контроля над КГБ? Может ли оно решать, кому быть председателем этой организации? Знают ли простые люди в СССР, сколько денег тратит КГБ, и на что именно эти деньги идут? Вопросы эти, разумеется, вызовут у вас улыбку. У меня тоже. Между тем в Соединенных Штатах общество имеет не один, а несколько механизмов наблюдения за деятельностью, расходами и назначениями в ЦРУ. Хотя директора ЦРУ назначает президент США, но претендент на эту должность не может занять ее, пока его не утвердит конгресс. Процедура эта отнюдь не формальная. В процессе утверждения сенаторы задают этому лицу десятки вопросов, интересуясь не только его деловыми, но и моральными качествами и даже семейным бюджетом.

Но даже будучи назначен на этот пост, директор ЦРУ не имеет надежды занимать его неопределенно долго, как руководители КГБ. Каждый новый президент страны предпочитает назначать нового руководителя разведки, а ведь президенты меняются каждые четыре года или максимум 8 лет. За работой ЦРУ обе палаты конгресса наблюдают более придирчиво, чем за любым другим министерством. Многие годы в конгрессе существовало 8 (восемь!) комитетов, которые имели право требовать от руководителей ЦРУ объяснений по самым специфическим вопросам разведки, по финансированию тех или иных операций. Сейчас число таких комитетов уменьшилось до двух, но тем не менее 30 представителей американского народа — конгрессмены и сенаторы — имеют возможность вникать в самые секретные стороны деятельности разведки. И при этом ЦРУ о б я з а н о предоставлять им необходимые документы, цифры и т. д. и т. п. Кстати, контроль со стороны конгрессменов не всегда имеет доброжелательный характер. Случается и так, что тот или иной конгрессмен использует свое право контроля в своих личных политических целях. Так было в 1975 г., когда сенатор Черч, который собирался выставить свою кандидатуру на президентских выборах, заявил, что произведет строжайшее расследование деятельности ЦРУ. Еще прежде чем его комитет принялся за расследование, Черч сделал несколько выпадов в адрес ЦРУ, объявив между прочим, что эта организация подобна дикому слону, который на бегу разрушает все вокруг себя — жертвой ее становятся-де и гражданские свободы. Когда расследование было завершено, сенатор вынужден был признать: его подозрения оказались несостоятельными. Он вынужден был отказаться и от обвинений в том, что ЦРУ вмешивается в политическую жизнь внутри страны. Я что-то не припомню, чтобы в СССР кто-либо и когда-либо публично и открыто проверял КГБ или ставил под сомнение деятельность этой организации. Надо ли объяснять, что сотрудники учреждения, которое находится под постоянным контролем общественности, значительно серьезнее относятся к соблюдению законов, нежели тот, кто может действовать бесконтрольно и своевольно.

А как реагирует на деятельность ЦРУ американская пресса, радио и телевидение? Ведь пресса подчас доставляет разведке немалые хлопоты.

Спасибо за напоминание: вот и еще одно отличие условий работы ЦРУ от обстановки, в которой проводит свои операции КГБ. Проводить секретные операции в о т к р ы т о м обществе, где газеты пишут о б о в с е м, несравненно труднее, чем в обстановке тотальной секретности, когда пресса — такой же инструмент власти, как и сама разведка. Разумеется, мы гордимся нашей свободной прессой, ее стремлением привлекать внимание к любым общественным проблемам. Но приходится признать, что наша печать то и дело наносит ущерб тому же обществу. Это происходит всякий раз, когда журналисты присваивают себе право определять, какие именно государственные секреты можно открыть и опубликовать. Хозяева "индустрии новостей" подчас забывают о своем пат-

риотическом долге. Они нередко спешат выболтать сведения, которые следовало бы хранить некоторое время в тайне ради блага страны, ее обороноспособности и безопасности. Из-за преждевременного разглашения государственных секретов правительство и ЦРУ бывают вынуждены отказаться от выполнения некоторых важных проектов.

Так, например, было в 1961 г., когда бригада кубинцев-антикастровцев высадилась на Кубе в заливе Свиней. Десант этот потерпел поражение в частности оттого, что его не поддержала американская авиация. Президент Кеннеди готов был отдать соответствующий приказ, но газетчики провели о предстоящей операции и подняли в американской прессе бурю протестов. Поддержку антикоммунистических повстанцев они изображали как "грязную войну". Президенту пришлось отказаться от посылки самолетов. Это — нормальная реакция правительства демократического государства на протесты обществу, хотя должен сказать, что страна наша далеко не всегда выигрывала от такой сдержанности.

Вот недавний пример. Весной 1985 года журналисты оповестили мир о том, что ЦРУ якобы развернуло террористические операции в Ливане. На самом деле происходило нечто противоположное. Обеспокоенное разгулом террора в Ливане, ЦРУ решило поддержать антитеррористическую группу, назначение которой состояло в том, чтобы умирить разгулы страстей, охвативших эту маленькую страну. Очень возможно, что антитеррористические силы, которые ЦРУ действительно тренировало, приостановили бы кровавую гражданскую войну в Ливане. Но после статей и недоброжелательных комментариев в газетах ЦРУ прекратило помощь антитеррористам. Журналисты в этом случае подорвали мирные усилия американской администрации.

Расскажите, пожалуйста, что представляет собой политическая программа ЦРУ. Советским гражданам постоянно разъясняют, что именно ЦРУ организовало революцию в Венгрии. И попытки чехов независимо строить у себя "социализм с человеческим лицом" также были инспирированы ЦРУ. Верно ли это?

Могу со всей ответственностью заявить, что к политическим противоречиям между государствами Восточной Европы и СССР ЦРУ никакого отношения не имело. Единственно, что мы делали во время венгерских событий 1956 г. и чешских событий 1968 г., — это распространяли через радиостанции "Свобода" и "Свободная Европа" информацию о международных и внутрисударственных событиях.¹ Во всем мире распространение правдивой информации считается делом естественным и законным, и только Советский Союз рассматривает наши радиопередачи как подрывные. Да, мы тогда предлагали нашим слушателям во всем мире нецензурированную информацию о событиях в СССР и странах Восточной Европы. Это весьма раздражало Советский Союз. Но не надо позволять, чтобы раздражение лишало нас здравого смысла. Нельзя приравнивать радиоинформацию к попыткам сбросить правительство или учинить политический переворот. Я мог бы назвать за все время существования ЦРУ считанные случаи, когда эта организация действительно проводила операции по поддержке какого-либо политического движения в той или иной стране. Всякий раз речь шла о финансировании и тренировке групп, борющихся с тираническими режимами. Наша военная помощь в таких случаях была более чем скромной, во всяком случае значительно меньше, чем этого требовали интересы Америки. Замечу при этом, что все такого рода акции проводились по инициативе президента и никогда — по инициативе ЦРУ.

Такая позиция разведки связана с тем, что американское общество в массе своей хочет, чтобы ЦРУ поддерживало стабильность и мир. Мы обязаны следовать этому положению. Советские обвинения по адресу ЦРУ есть не что иное, как пропаганда в чистом виде. И Советский Союз сам это хорошо знает.

¹ В настоящее время обе радиостанции изъяты из ведения ЦРУ и контролируются непосредственно конгрессом США. Вмешательство ЦРУ в их работу запрещено. — Ред.

Не могли бы вы рассказать о тех случаях, когда вы сами участвовали в акциях ЦРУ?

Таких акций было много. Но я был особенно удовлетворен в тот день, когда сотрудникам моего отдела удалось сфотографировать советские ракеты, доставленные на Кубу. Успеха достигли не агенты в долгополых плащах и надвинутых на глаза шляпах, а группа научных и технических сотрудников ЦРУ, предпринявших глубокий анализ разведывательных данных. Вот как это случилось.

Весной 1962 г. я вернулся из-за границы в Вашингтон и получил пост заместителя директора ЦРУ. Мне предложили заниматься отделом разведки. Летом наш отдел расследовал доставку советского оружия на Кубу. Нас особенно беспокоил вопрос о том, не завез ли СССР на этот соседний с Соединенными Штатами остров атомное оружие. Советский Союз окружил доставку ракет такой стеной секретности, что нам долго ничего не удавалось узнать. Настроение у нас было в те месяцы невеселое: ЦРУ пропустило момент, когда советские специалисты установили на Кубе ракеты. Теперь надо было обнаружить эти уже установленные ракеты.

Нашей козырной картой были фотосъемки с самолета У-2. Еще за десять лет до того в моем отделе под руководством Артура Ланделя была создана лаборатория для дешифровки снимков, сделанных с большой высоты. Лаборатория эта поначалу состояла из 20 специалистов, но в дальнейшем количество работающих в ней инженеров и ученых достигло 1200. Параллельно, начиная с 50-х гг., Ричард Биссел, экономист по образованию, начал под эгидой ЦРУ разрабатывать специальную камеру для аэросъемок. Под эту камеру авиаконструктор Келли Джонсон спроектировал специальный самолет с огромным размахом крыльев и одним единственным колесом. Это и был знаменитый У-2. С высоты 27 км этот самолет своей чудо-камерой мог фотографировать объекты размером до 30 см.

Вся эта техника в 1962 г. уже работала. В это время мы получили информацию от беженца с Кубы о том, что советские ракеты якобы установлены в одном из районов острова. Полеты У-2 в этот район участились. Мы снова и снова анализировали полученные снимки. И наконец, 15 октября я получил неопровержимое доказательство того, что советские ракеты действительно укрыты на базах в районе города Сан-Кристобаль. Мы получили также сведения, что в ближайшие дни на этих базах число ракет будет удвоено.

На следующий день, 16 октября, вместе с группой своих экспертов я отправился в Белый дом. Сначала фотографии, сделанные У-2, рассматривали главный советник президента Макджордж Банди и Роберт Кеннеди, затем их показали президенту. Сомнений не оставалось: советские ракеты появились у самых границ нашей страны. Позднее Банди и президент Кеннеди говорили мне, что всего лишь один из представленных мною снимков окупил все деньги, которые Америка израсходовала на ЦРУ с первого дня создания этой организации.

Дальнейший ход событий общеизвестен. Я был одним из тех, кто составлял речь президента, в которой он объявил американскому народу об установке советских ракет на Кубе. На протяжении всего кубинского кризиса до 22 октября я заседал в руководящей группе Совета национальной безопасности, читал секретную переписку Кеннеди с Хрущевым. Анализируя теперь все данные, относящиеся к кубинскому конфликту, я вижу, что Советский Союз проявил большую изобретательность в засекречивании своей акции по доставке ракет на Кубу. И тем не менее ему пришлось увезти свой товар назад. Причина провала советского руководства была в том, что они не представляли себе наших технических и научных возможностей. И обожглись. И сегодня, почти четверть века спустя, не следует упускать из виду большие возможности американской науки и техники, особенно в той ее части, которая служит обороне и в том числе ЦРУ.

Вероятно в вашей жизни разведчика бывали и другие "звездные часы"?

Случались. Не менее важной для Соединенных Штатов была проведенная под моим руководством операция (на этот раз не военная, а политическая), когда мы добыли и передали огласке секретную речь Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г. Нам помогли в этом граждане одной из стран Восточной Европы. И мы не пожалели денег на оплату их труда. После того как речь оказалась в наших руках, она прошла тщательную проверку вне ЦРУ и была признана подлинной. В этой речи, как известно, Хрущев безжалостно разоблачал злодеяния Сталина. Следовало использовать этот текст для того, чтобы не только разрушить фальшивый образ самого Сталина, но и открыть правду о сущности и методах коммунистического режима.

Однако у нас по этому поводу возникли разногласия. Я считал, что надо опубликовать всю речь сразу и полностью. Но мои оппоненты полагали, что речь Хрущева следует разделить на части и показать эти части на Западе и на Востоке нужным людям в нужное время. Это был типичный пример "секретного мышления", почти что византийский подход к международной политике. Отстаивая свою точку зрения, я говорил, что перед нами уникальный документ: никто до сих пор столь убедительно не обнажал пороки коммунистической системы. Людям Запада трудно поверить в зверства Сталина, но вот факты, достоверность которых нельзя поставить под сомнение, ибо они сообщены самим главой партии. С помощью этой речи, настаивал я, мы можем совершить перелом в общественном мнении.

Мою точку зрения в конце концов поддержал Аллен Даллес, тогдашний директор ЦРУ. Текст речи был послан в государственный департамент, который и передал его в газету "New York Times". День публикации речи Хрущева 4 июня 1956 г. и был моим, как вы выразились, "звездным часом". Эта речь действительно помогла нам в каком-то смысле обуздать Советский Союз. Среди союзников и попутчиков СССР возникло замешательство. Миф о коммунизме как идеальной социальной системе, как светлом будущем планеты в те дни был непоправимо подорван.

ЦРУ еще раз убедилось, что обнаружение и открытие п р а д ы — лучшее наше оружие. Среди прочих последствий опубликования секретной речи Хрущева было возникновение плюралистических тенденций в стане коммунистических государств. В частности резко изменились отношения между СССР и Китаем. Коммунизм перестал быть монолитным блоком, каким он казался прежде.

Итак, агент 007—Джеймс Бонд не был для вас образцом. Вы — разведчик интеллектуального направления, принимающий решения и действующий из своего кабинета. Но случалось ли вам все-таки сталкиваться с агентами КГБ, так сказать, лицом к лицу?

Кроме упомянутой уже встречи в Москве, когда эти господа вели себя в высшей степени любезно, я припоминаю лишь один случай, когда я непосредственно общался с агентами КГБ. Это случилось в середине 60-х гг., когда я работал в Западной Германии. За несколько лет до этого полковник КГБ, немец по происхождению, был послан в Западную Германию. Он хорошо законспирировался и сумел проникнуть в довольно высокие сферы западногерманской администрации. Из этих "сфер" он посылал в Москву важную информацию не только о ситуации в министерстве иностранных дел ФРГ, но и о НАТО. Его труд высоко оценили в Москве. Агента вызвали в СССР, щедро наградили и предложили новое задание — ехать "на работу" в Соединенные Штаты. И тут возникло одно сугубо личное обстоятельство. Агент этот еще в самом начале своей карьеры по распоряжению начальства женился на немке из Восточной Германии, тоже советском агенте. У этой "функциональной" пары в Германии родился сын. И вот, когда в 1967 г. начальство из КГБ пригласило супругов в Москву и приказало им отправиться в Америку, ребенка у них забрали в качестве заложника и оставили в СССР. Нет, мальчику, которому к этому времени исполнилось уже десять лет, не сделали ничего плохого. Наоборот,

его поместили в суворовское училище. Но в этом случае КГБ совершил серьезную ошибку: они не приняли в расчет материнских чувств своей подчиненной. Между тем, нежная мать была настолько поражена тем, как с ней поступили, что решила серьезно изменить весь ход жизни своей семьи. Женщина переправилась в Западный Берлин и там разыскала агента ЦРУ из моего отдела. Она объяснила ситуацию, сказала, что готова разоблачить прошлую жизнь свою и своего мужа, если мы обещаем им вырвать мальчика из рук КГБ. При этом она сказала со всей откровенностью, что ею движут не идеологические мотивы, а исключительно материнское чувство. Мы помогли семье, и ныне она находится на Западе. Разговаривая с этой женщиной-агентом, я чувствовал огромную силу духа, которая заставила ее принять ради своего ребенка столь серьезное решение. На этом примере я еще раз увидел, как советский режим относится к человеку. Если власти могли так себя вести со своим верным и талантливым агентом, то надо ли говорить, что с простыми людьми они и вовсе не считаются. Возможно, им кажется, что "дело" важнее личных чувств, но из приведенного примера видно, что от равнодушия к чувствам людей страдает и дело. И это, вероятно, не единственный случай...

Складывается впечатление, что ЦРУ защищать демократию значительно труднее, чем КГБ — охранять тоталитарный режим. Не означает ли это, что в борьбе с происками секретных служб советской системы ЦРУ обречено оставаться более слабой стороной? Есть ли основания для надежды у тех, кому дороги принципы демократии и кто надеется и впредь видеть Соединенные Штаты Америки оплотом свободного мира?

Я оптимистически смотрю на эту проблему. Да, конечно, у тоталитарных режимов есть тактическое преимущество, которое состоит в том, что они могут по отношению к своим гражданам пользоваться любыми средствами давления, угнетения, террора. Но они теряют все и всяческие преимущества, когда пытаются "продать" миру в высшей степени несовершенный (если не сказать плохой) товар — свою политическую систему. В то же время Соединенные Штаты предлагают народам систему, в которой государство не подавляет граждан. Мы поддерживаем общество свободных, свободно сотрудничающих людей. Конечно, ЦРУ работает в значительно более сложных условиях, чем КГБ, ибо ЦРУ не может себе позволить того насилия над личностью и целыми народами, какое осуществляют секретные службы Советского Союза и его сателлитов. Но уже сам этот факт показывает, что наша социальная система несравненно более человечна. В ЦРУ работают люди свободного государства, верующие в принципы свободы и демократии. Они защищают действительные ценности, которые Америка стремится сберечь для всего мира. Этот союз свободных, высококвалифицированных и интеллектуальных работников, который пользуется поддержкой американского общества и конгресса, несомненно способен создать весьма совершенную организацию. В то время как большинство офицеров КГБ избрали свою карьеру ради материальных привилегий, американцы идут в ЦРУ чаще всего по причинам идеалистического и творческого порядка. По количеству сотрудников КГБ — организация значительно более многочисленная, зато эффективность труда наших людей, свободных и убежденных в своей правоте, несравненно выше. ●



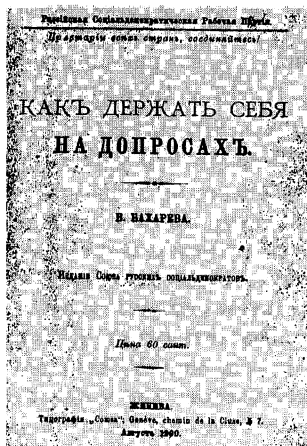
КГБ БЕЗ БУРЖУЕВ



Уважаемый редактор!

В № 9 Вашего журнала напечатана статья Раисы Лерт, посвященная защите самиздатского журнала "Поиски" от нападок официального советского пропагандиста Т. Гладкова. На страницах 44–45 она доказывает, например, что статья Адама Кузнецова "Бедность народов", напечатанная в первых двух номерах "Поисков", заслуживает серьезного обсуждения (хотя Р. Лерт и не согласна со взглядами автора, призывающего вернуться к рыночной экономике), а не обвинения по ст. 190¹ Уголовного кодекса РСФСР, как считает Т. Гладков. Так как моя книга "Без буржуев", выпущенная "Посевом" в 1979 году, ходила в Самиздате, начиная с 1977 года, под названием "Бедность народов", и псевдоним Адам Кузнецов я выбрал как напоминание о почитаемом мною авторе "Богатства народов", я пришел к выводу, что в "Поисках" были опубликованы отрывки из моей книги. В связи с этим встает вопрос: если бы советский пропагандист, писавший для сборника "С чужого голоса", знал, что автор этой статьи эмигрировал и печатается в издательстве НТС, упустил бы он такую замечательную возможность добавить черной краски в свой очерк? Думаю, не упустил бы. Напрашивается вывод: даже три года спустя (сборник "С чужого голоса" вышел в 1982 году) пропагандный аппарат не знал, кто скрывается за псевдонимом Адам Кузнецов. И это еще один пример того, как плохо бывает осведомлена советская карательная машина, как слабо поставлена в ней служба информации. Таких примеров на моей памяти — десятки. Мне кажется, об этом очень важно напоминать людям за рубежом и в СССР, чтобы не давать мифу о всеведении КГБ набирать парализующую неопытных людей силу. КГБ знает только то, что мы сами — от страха или сознания безнадежности — расскажем им. Но и при этом следователь из Москвы часто не знал, что имеется на подследственного в Риге, а ленинградский не делился своими материалами с симферопольским. Ибо в смысле неэффективности КГБ остается типично советским учреждением. Только очень, очень большим. Лишь за счет безграничных ресурсов может оно осуществлять свою функцию подавления. И за счет нашего собственного страха. Мы не можем уменьшить средства, отпускаемые советской властью на КГБ. Но уменьшить собственный страх можем. Именно ради этого мне хотелось бы довести описанный выше эпизод до сведения читателей журнала.

С пожеланиями успеха, Ваш постоянный читатель

Игорь Ефимов (Нью-Джерси, США)КАК ДЕРЖАТЬ СЕБЯ
НА ДОПРОСАХ

Отношения следователя и подследственного в политическом деле — проблема далеко не новая. На допросе сталкиваются не преступник и детектив, а два человека с диаметрально различными взглядами, причем обычно обе стороны отдают себе в этом отчет. Разница лишь в том, что на стороне одного вся мощь государства, на стороне другого — лишь сила собственного духа и незримая поддержка друзей и единомышленников.

Как держать себя на допросах — проблема, неизбежно возникающая перед каждым, привлеченным по политическому делу в качестве обвиняемого или хотя бы свидетеля. Это проблема характера: хватит ли мужества противостоять угрозам следователя. Это проблема этическая: можно ли отказываться отвечать на вопросы или давать ложные ответы (многие декабристы, например, держались стойко перед судьями, но как дворяне сочли для себя невозможным не отвечать правдиво первому дворянину государства — царю). Другая и куда более важная этическая проблема — как повлияют твои показания на судьбы других людей.

Сейчас, когда политические процессы в нашей стране опять стали делом обыванным, моральная сторона дела едва ли может вызвать споры. Никто не вправе ставить своими показаниями под удар других людей. Не может быть и речи о сотрудничестве с властью, которая вызывает лишь презрение и многократно себя скомпрометировала полным неуважением к своим же собственным законам. Остается вопрос — как найти в себе силы устоять в неравном единоборстве.

Широкую известность получила распространявшаяся в Самиздате книга московского математика Владимира Альбрехта "Как быть свидетелем", где обсуждается тактика ведения политического допроса с позиций допрашиваемого. Эта книга стоила автору трех лет лагерей. Недавно пришло сообщение, что в августе этого года В.Альбрехта вновь арестовали в лагере и приговорили к трем с половиной годам дополнительно.

Многие опытные участники политических процессов рекомендуют как наилучшую тактику полный отказ от дачи показаний. Напомним, что согласно закону обвиняемый имеет право отказываться отвечать. Свидетель по закону отвечать обязан, но максимальное наказание за отказ — штраф в 100 рублей или 6 месяцев исправительных работ без лишения свободы.

Тактика отказа от дачи показаний имеет давнюю историю. К ней не раз прибегали народовольцы (см. ниже выдержку из завещания Александра Михайлова). Были горячие сторонники этой тактики и среди российских социал-демократов. Мы публикуем отрывки из небольшой (48 стр.) брошюры члена РСДРП В.Бахарева, опубликованной в 1905 г. в Женеве. Брошюра давно стала библиографической редкостью и советскому читателю практически недоступна даже в крупных библиотеках.

Завещаю вам, братья, установить единообразную форму дачи показаний до суда, причем рекомендую отказываться от всяких объяснений на дознании, как бы ясны оговоры или сыскные сведения ни были. Это избавит вас от многих ошибок.

(Из завещания Александра Михайлова, одного из самых выдающихся организаторов Исполнительного Комитета Народной Воли. "Материалы для истории рус. соц.-рев. движения", № 3-й, стр. 149).

В рекламах каждого общества страхования жизни сообщается, что доктор, адвокат, инженер живут в среднем лет 55—60 лет; если принять, что эти люди приступают к своей общественной деятельности на 25-м году, то окажется, что период деятельности их в среднем равняется 30—35 годам. Рабочие живут гораздо меньше. Профессор Эрисман говорит, что в некоторых ремеслах жизнь рабочего продолжается в среднем только 35 лет, а у каменотесов даже 26 лет. Сколько же лет действует русский революционер? Для ответа на этот вопрос нет точных данных. В Департаменте Полиции (Д.П.) есть определенные сведения о моменте прекращения деятельности каждого из них, но нет указаний на момент начала ее. Однако в революционной среде распространено мнение, что в среднем нам удастся вести интенсивную деятельность не более двух лет подряд. Конечно, один может быть арестован на первых же шагах, другой удачно вести дело 5—6—8 лет (Вера Фигнер, Софья Перовская и др.). Но я думаю, что цифра 2 года как средняя близка к истине. Около двух третей (60%) всех, кто однажды привлекался, попадают снова, а следовательно, приступают к деятельности вторично. В третий раз попадает меньше. Поэтому мне кажется, можно принять, что в среднем русский революционер действует дважды в жизни по два года каждый раз: деятельность среднего революционера в России продолжается 4 года. Группа народовольцев (арестов. 21 апр. 94 г.) просуществовала несколько больше 2-х лет; группа народовольцев (арестована тогда же) около двух лет; группа "старых социалдемократов" несколько больше 2-х лет, "молодых социалдемократов" (обе группы взяты в течение декабря 95 и января 1896 года) несколько меньше. Группа народовольцев 4-го "Листка" (арест. 14 июня

1896 г.) около двух лет. Замечательно, что период этот, по-видимому, мало изменился за 25 лет революционной деятельности в России. Кружок чайковцев образовался в 1871 г., разгромлен в 73 году. Нечаевцы действовали 4 месяца, кружок же их существовал 16 мес. Впрочем, на продолжительность деятельности влияет специальность революционера: агитатор может рассчитывать в среднем не более как на 6—8 мес. деятельности.

Краткость периода деятельности роковым образом отзывается на нашем деле; мы попадаем в тюрьму, едва успев приобрести некоторый опыт и конспиративный навык и не успев даже передать их нашим младшим товарищам; им приходится доходить до всего снова своим личным, дорого стоящим опытом. Это нарушение преемственности революционного опыта и методов борьбы сильно тормозит успех социалдемократической деятельности, вызывает много напрасных жертв...

Неумение скрывать свои следы от сыщиков приносит нам огромный вред: только благодаря ему, Д.П. удастся хоть приблизительно наметить вредных ему лиц. Еще несравненно более пагубным для нас являются записи адресов, списки фамилий и проч. Наше неумение скрываться от шпионов и неумение шифровать записи — два разрушительных оружия в руках наших врагов. Было бы преступно умалять хоть сколько-нибудь их колоссальное значение. Известно, например, какие роковые последствия имели найденные у Лопатина списки адресов для судьбы его группы и всего тогдашнего движения; тем не менее, я думаю, что и это является пустяком по сравнению с другим ужасным орудием, которое мы сами даем в руки жандармам! Мнение мое может показаться парадоксальным, но я именно его хочу защищать:

Мы сами выдаем себя на допросах!

Ведь если следователь вооружен показаниями провокатора, то надежда ввести его в заблуждение своими объяснениями становится еще более фантастичной. А между тем пока показания провокатора не подтверждаются иными данными, им, вообще говоря (я везде рассуждаю об общих случаях, а не об исключительных), не может быть придано особое значение. Часто рассуждают так: уж если им этот факт известен, то бесполезно отрицать его; все равно жандармы скорее поверят провокатору, чем нам. Удивительно, как может не бросаться в глаза нелепость этой мысли! Если бы наши показания были излишни, разве же они стали бы возиться с нами, как они это делают теперь?! Пусть-ка Д.П. ссылает арестованных наугад, лишь на основании показаний одной этой наемной сволочи шпионов и провокаторов. Пусть! Нам этого нечего бояться. Хуже того, что есть, не будет, потому что не может быть. Если бы Д.П. стал ссылать нас не только без суда, но и без следствия, то это отозвалось бы на сотнях лиц из числа тех арестованных на удачу, которые теперь выпускаются через две-три недели и слишком часто оказываются, действительно, ни в чем невиновны. Это значило бы постоянно возбуждать общество, вербовать сторонников нашим идеям, это значило бы восстановить "слово и дело". Незачем выставлять дураками наших врагов? Они этого не сделают. Они нуждаются в наших показаниях, и потому мы не должны давать показаний.

Но возможно ли добиться того, чтобы большинство привлеченных решилось придерживаться этой тактики? Если возможно, то как это сделать? Не случится ли, что все неучастные к делу лица дадут показания и будут выпущены, а те, кто станет уклоняться от дачи показаний, тем самым докажут свое сочувствие делу, по которому они привлекаются? Надо помнить, что возведение в принцип определенной тактики на допросах не нов. Из всех политических движений русского народа или отдельных его слоев, самым важным для нас является, конечно, движение 70-х годов и в особенности организация Народной Воли. Как бы мы ни относились к отдельным пунктам ее программы, с нашей стороны было бы безрассудно не воспользоваться опытом наших старших братьев. Каждый революционер, поступавший в какую бы то ни было организацию этой партии, обязывался на допросах, в случае ареста, придерживаться определенной, а потому всем заранее известной тактики. Я считаю немаловажным аргументом в пользу защища-

емой мною тактики то обстоятельство, что Н [ародная] В [оля] требовала, чтобы члены ее партии придерживались именно этой тактики. Они обязывались в случае ареста отказаться давать какие бы то ни было показания. Тактика эта была испробована организацией, игравшей такую важную роль в истории революционного движения в России.

Я рад был узнать, что виднейшие представители этой партии, оставшиеся в живых, и теперь, после стольких испытаний, считают эту тактику единственно уместной в нашей борьбе. В сущности только члены организаций брали на себя обязательство в случае ареста отказаться давать показания, но фактически так вести себя должны были все арестованные. Как только было признано и оглашено, что всякие разговоры с жандармами пагубны для дела и для друзей говорящего, то конечно, каждый, кто решался на свой личный риск и страх пускаться в объяснения с жандармами, являлся человеком, рискующим чужой безопасностью, и потому нечестным. Наоборот, всякий честный человек, даже и непричастный к революционной деятельности, должен был считать себя нравственно обязанным не давать показаний, зная, что дача показаний признается компетентною организацией пагубной для людей, судьбой которых должен дорожить каждый интеллигентный человек...

Впрочем, для человека, решившегося уклониться от дачи показаний, есть риск, что у него эти показания все же вынудит опытный следователь. Поэтому нужно разъяснить, какой именно способ уклонения есть наименее удобный.

Если мы будем отвечать "нет!" на все вопросы, которые нам предложат, то это будет уклонение от дачи показаний. Если будет ясно, как божий день, что вы знакомы с N.N., но вы заявите, что незнакомы, то жандармское управление будет лишено возможности предлагать вопросы относительно этого лица и, следовательно, цель будет достигнута — ничего не будет узнано нашими врагами.

Однако на нашем знамени, как мне кажется, нужно написать не этот девиз, хотя некоторые товарищи руководились им очень успешно. Дело в том, что далеко не всякий сумеет себя выдержать, став на путь отрицания... ухищрения жандармов. Я против этого скользкого пути еще и потому, что думаю, что есть тактика, которая обладает всеми достоинствами тактики отрицания, но свободна от всех ее недостатков. Это тактика отказа давать показания. Как только начнется первый допрос, мы должны заявить, что не желаем давать никаких показаний. "Почему?" — Потому, что не желаю. — "Но ведь это тяжело отзовется на Ваших друзьях и знакомых." — А я все же не желаю. — "Но это доказывает, что Вы принадлежали к тайному обществу, которое Вас обязало не давать показаний." — Я не желаю ничего отвечать. — "Но ведь мы все равно все узнаем, Вы только затянете дело, вот Ваши товарищи показывают то-то и то-то." — А я не желаю ничего отвечать. Не желаю, не желаю... Вот все, что мы должны говорить.

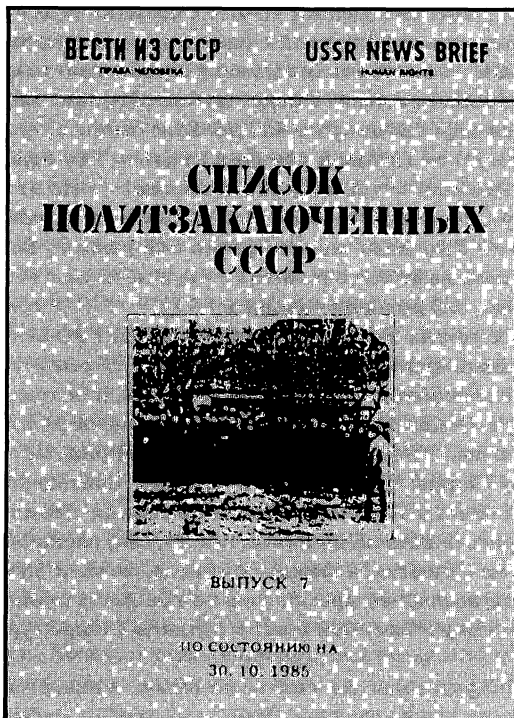
Как черный пояс идет к рубашке всякого цвета, так и этот ответ подходит ко всякой уловке следователя. Отрицать несомненный факт значит лгать. Пусть это ложь во спасение и потому вполне извинительная и даже необходимая, все же это ложь, и потому для многих трудно ее произнести, не сморгнув. Отказаться отвечать совсем другое дело! Такой ответ удовлетворяет самолюбие самого щепетильного человека. Нельзя придумать ответа более соответствующего достоинству борца. Долг чести и службы обязывает офицера именно так держать себя, если он попадет в плен к врагам. Я предлагаю всем и каждому найти человека, который, отказавшись давать на допросах показания, раскаялся бы в этом! Я уверен, что такого человека не найдется, а между тем, ведь, не мало людей придерживались этой тактики; даже и за последнее время, уже не говоря о прошлом, когда она была общепринята; но люди эти увозят свой опыт с собою в сибирскую тайгу.

Враги наши обмениваются опытом друг друга, нас же они сознательно стараются после конца дела разослать в разные концы нашего отечества. Наш смертный грех со-

стоит в том, что мы не сумели, вопреки усилиям врагов, все же поделить своим опытом с нашими товарищами. Без обмена мыслей невозможен прогресс ни в одной области. Если бы каждому механику приходилось открывать законы рычага, то мы недалеко ушли бы от современников Архимеда. Вот почему я решился высказать свои соображения по этому вопросу. Может быть, я не смог достаточно ясно изложить преимущества тактики, мною защищаемой, может быть, мне не удалось так ярко осветить пагубность других приемов, как это мне хотелось: может быть, я не сумел внести в свое изложение ту страстность, с которой я хотел обратиться с призывом к моим товарищам, — но если моя брошюра вызовет возражения и обсуждение этого жгучего вопроса, то цель моя будет достигнута.

Вопрос о том, как себя держать на допросах, есть один из главных в нашей стратегии, и мы должны разработать и изучить эту науку, как это делают офицеры, или как мы изучаем политическую экономию и историю.

Есть еще способ уклониться от дачи показаний — это тактика молчания. Конечно, ничего нельзя возразить против этой тактики в принципе, но я думаю, что она покажется непосильно героической для многих. Можно бы было сказать: "Могущий вместити, да вместит". Но мне кажется, что ради единства тактики следует отказаться от этого приема, тем более, что все его преимущества принадлежат и тактике отказа от дачи показаний. ●



Издательство "Страна и мир" выпустило в свет "Список политзаключенных СССР", выпуск 7 (по состоянию на 30 октября 1985 г.). В списке приведены основные биографические данные о 837 политических заключенных, известных поименно, указано место заключения, сообщаются сведения о семье. Даны фотографии многих политзаключенных.

К списку приложен справочный материал: таблица статей Уголовных кодексов союзных республик, применяемых к политзаключенным, фотографии и планы основных мест заключения, таблицы официальных индексов мест заключения, сведения о режиме содержания заключенных.

Стоимость "Списка" — 30 н.м., вне Европы 12 долл. (включая пересылку авиапочтой), в Австралии и Новой Зеландии 13 долл.

СТРАНА И МИР ●

ДОЛЖЕН ЛИ ГЕРОЙ БОРОТЬСЯ?

Советский критик Владимир Бондаренко на этот вопрос отвечает, конечно, положительно ("Литературная газета", 3 апреля 1985 г.). Императив "должен" Бондаренко даже выносит в заголовок: "Герой должен бороться", заставляя невольно вспомнить салтыковско-градоначальника Беневоленского: "Всякий обыватель да потрудится..." Наш сарказм, однако, уместен лишь по отношению к привычке повелевать (должен) и к отсутствию дополнения (за что?), само же причисление Владимира Маканина — о нем будет речь — к авторам, "амбивалентные" герои которых "плывут по жизни без весел" (слова Бондаренко) вполне справедливо. Да, герой Маканина не борется.¹ Не борется ни за, ни против, считая, что "грустная жизнь — это ведь тоже жизнь" (*Дашенька*). Герой Маканина где-то служит, усердно или нерадиво — не так важно, поскольку работа для него — "делать дело, за которое платят" (*Полоса обменов*). Он живет, как правило, в малогабаритной квартире в "стандартно-высоком доме" на окраине большого города — Москвы. Имеет семью: жену и одного ребенка. Жене он (герой Маканина преимущественно мужчина, женщинам отведена иная роль, о чем позже) время от времени изменяет; вечерами идет, придумав отговорку, к героине очередного своего романа или смотрит с женой телевизор: "Жизнь тоже была в общем вполне обычная" (*Ключарев и Алимусикин*).

Итак, герой (мужчина) не борется: ни против режима, это само собой, ни против неурядиц и начальников, ни против несправедливостей вообще, а если и вспыхивает порой, то странно, как бы анархично — Ключарев, например, который скорее исключение. Герой пасует даже перед совестью, которая все же порой подсказывает ему сделать что-то "вопреки". Если говорить уж очень сурово, то герой Маканина — вечный капитулянт, вечно "убегающий" (так и названа одна повесть: *Гражданин убегающий*).

Но мыго не обязаны следовать соцреалистическому постулату положительного героя, положительность которого и выводится из его активности. Поэтому сама эта констатация никакой критики по адресу Владимира Маканина не содержит, а вернее, заставляет присмотреться к этому пассивному герою, который, как пишет Бондаренко, совсем не единичен в сегодняшней советской литературе. Не забудем еще, что Маканин — ныне один из популярнейших писателей.

Немецкий критик в этом контексте, воспользовался бы определением "аусштайгер". Аусштайгерство — явление отказа от всех социальных обязательств, уже достаточно глубоко отраженное в западной художественной литературе; новейший пример — граф Карл Крайль, да и почти все женщины в последнем романе Генриха Белля. Пресловутый социологический метод, достаточно скомпрометировавший себя в советском литературоведении и советской критике, что само по себе еще не означает, будто он полностью непригоден для описания некоторых литературных феноменов, — в нашем случае напрашивается сам собой. Да, герой Маканина — "отказчик". Но этот герой живет в ином обществе, и его отказ неизбежно отличается от аусштайгерства на Западе. Для аусштайгера отказ — это сознательная и, если хотите, политическая акция, приносящая ему нравственное удовлетворение. Отказываясь от карьеры, отвергая притязания общества, он следует своей совести и своим убеждениям.

У маканинского героя совесть, конечно, есть, но вот с убеждениями дело обстоит не так просто. В его "отказе" нет ни капли протеста. Чтоб не быть голословной: вот ма-

¹ Понятие "герой" я употребляю здесь не в значении "персонаж", — они-то как раз у Маканина многолики, — и уж конечно не в значении "идеал", а как некую достаточно ясную мне совокупность повторяющихся черт и моделей поведения.

ленькая повесть под названием *Человек свиты*. Герой повести Родионцев вдруг и, как он уверен, совершенно необоснованно теряет расположение директорской секретарши Аглаи Андреевны, что в результате знаменует конец его и без того не очень крутого продвижения вверх. Родионцев потрясен, раздавлен, но при этом его мысли о справедливости или несправедливости такого отстранения от "свиты" целиком сосредоточены на Аглае Андреевне и чаепитиях в приемной. У Родионцева одно желание — напиться. Напиться труда не стоит, и вот ему, уже в доску пьяному, устами случайно встреченной на стоянке такси женщины преподается истина: "Ну и прекрасно. Теперь вы сами по себе... Свободны." Пока Родионцев еще не протрезвел, мысль о свалившейся с неба свободе кажется ему прекрасной. Что будет на следующий день — неизвестно. Для нас важно: никакого сознательного толчка к отказу от пресмыкательства (ради карьеры) и к обретению свободы нет. Прозрение принесли водка и незнакомка. Никакого сопротивления системе, в которой, по словам Григория Померанца, "биография не допускается, а есть только послужной список", мы не найдем. У большинства маканинских персонажей биографии и есть только в смысле бюрократическом, анкетном. Индивидуальность их не реализуется за отсутствием *воли* (как в значении психической способности, так, в конечном счете, и в значении свободы). Если западный аусштайгер — мятежник, то маканинский отказчик — хамелеон, "обычный человек" с обычной профессией, обычной семьей, обычной квартирой и "вполне обычной жизнью" (*Ключарев и Алимужкин*). Он отказывает власти в восторженной любви, но и только. Ну и в социальной активности, как уже констатировал критик Владимир Бондаренко; мы Маканину это ставить в вину не собираемся. Да и не кажется мне, что показ социальной пассивности людей (так называемого молчащего большинства) он поставил своей единственной целью.

У Маканина все сложнее. И если снова воспользоваться сравнением с отказчиком-аусштайгером, то основная разница в том, что человек, который сознательно выходит из социальных структур, обретает — или по крайней мере стремится обрести — покой и волю. Или иначе: душевную уравновешенность. Ее может дать человеку любовь, может дать и природа, может дать и труд, если ему, что вообще-то нечасто бывает, удалось найти себе дело по сердцу. А герой Маканина жаждет устойчивости, и не в душе, а в быте. Даже славная спекулянтка Светик, самый деятельный персонаж Маканина, — две повести о ней, *Старые книги* и *Погоня*, стоят как-то особняком в его творчестве, — оказываются, мечтает и не о деньгах вовсе, а о *доме*. Вот о таком:

"Мне семья нужна, мне муж нужен — тихий и интеллигентный. Я с самой юности об этом думаю. Чтоб работал он в каком-нибудь научном учреждении. И чтобы поутру уходил на работу с портфелем" (*Погоня*).

Когда "стабильность течения жизни" (Маканин) рушится, герой оказывается беспомощным. Сергей Игнатьев, человек с портфелем, сотрудник некоего НИИ (*Река с быстрым течением*), узнав и об измене жены, и о ее смертельной болезни, спивается, неспособный найти в себе силы хотя бы для человеческого разговора с женой, которую он, кстати, любит.

Пока быт стабилен, герою кажется, что и жизнь его прочна. Именно тут вступает в свою роль женщина, а вернее, жена — устроительница быта. Ибо как ни отважен Маканин в отбрасывании и типов, и стереотипов (*Голоса*), как широко ни перешагнул он и через соцреалистическое клише положительного героя, и через сюжетные схемы "оттепельной" литературы, в своих женских образах он опять выходит на тип: тип "жена". Совсем не надо быть правоверной феминисткой, чтобы отметить и пожалеть, насколько Маканин обделяет своих женских персонажей. С не-женами лучше, они у него красочней, глубже, хотя и им Маканин приписывает эту одну довлеющую себе страсть "настоящей женщины" (это излюбленный маканинский оборот) — прибрать к рукам мужчину. Опускаю многочисленные соответствующие цитаты, так как это сейчас не наша тема. Вот только как бы в виде резюме:

"Она (жена. — Э.М.) не без умысла поддразнивала меня, чувствуя, что мне это не нравится, как не нравится железной болванке напильник, который ее трет и трет... Дразнение доставляло ей скрытое удовольствие, а возможно, удовольствия вовсе не было — была педагогика. Обучение поотставших."

И страницей позже муж-рассказчик подводит итог: "...со мною покончено" (*Портрет и вокруг*).

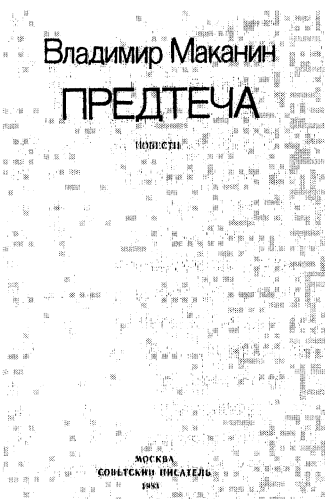
"Женщина есть женщина", — изрекают маканинские мужчины, имея в виду, что каждая женщина — это или жена реальная, уже муженька выдрессировавшая, или потенциальная, только еще выпускающая котги. Эти жены у Маканина не понимают мужей, а вопросом, понимают ли мужа жен, автор не задается.

Но женщина-жена — еще и тот самый быт, к которому привязаны (в обоих значениях слова) мужчины. Это жена заставляет обзаводиться мебелью, тем самым креслом-качалкой, улеясь в которое так тянет композитора из рассказа *Где сходилась небо с холмами*. Жена затевает обмен квартиры (*Полоса обменов*), вынуждает не пить и аккуратно ходить на службу. Нельзя сказать, чтобы женщины-жены у Маканина были безусловно недобры и сварливы, о нет, совсем наоборот, они бывают и жалостливы, и к совети своей прислушиваются более чутко, но они при муже и при быте — и удивительно несамостоятельны, когда речь идет о чем-то большем, нежели об устройении быта. А мужчине позволено и поиронизировать над женой:

"Самое неприятное — это то, что молчит жена. Сидит себе и обедает. Женщины жестокосердны, это известно. Они смягчаются, только когда начинаешь кричать или когда приносишь деньги. А в тихие дни они без выходных клюют твою печень, и ничего не поделаешь — прикован цепью. Матриархат не за горами" (*Погоня*).

И понимает ли герой в душе, что без этого якоря быта — куда бы он, хилый и опущенный, приткнулся? Ведь присмотритесь: в быте, почти всегда только в быте, конкретизируется герой Маканина. Быт этот, конечно, советский, да не в том дело: Маканин ироничен, но он никак не сатирик.

Маканинский герой не совершает ни геройств, ни преступлений. Он "бытовик", мелкие его прегрешения — бытовые, и в отличие, например, от персонажей Юрия Трифонова, он, сподличав, не страдает совестью, а разве что в смутном беспокойстве ночью уходит на кухню курить. Мебельщик Михайлов предает женщину (*Отдушина*), но ведь и роман их сам собой подходит к концу, и жену его тоже жаль, немолодую, больную. И разве это преступление, что Терехов стесняется, просто стесняется своей простенькой под-



В. С. Маканин (род. 1942) примыкает к так называемой новой московской школе, заполнившей, по мнению некоторых литературных критиков в СССР, вакуум, который ощущается после смерти Юрия Трифонова и по мере угасания "деревенской" прозы. Книги В. Маканина "Прямая линия", "Повесть о Старом поселке", "Портрет и вокруг", "В большом городе", "Предтеча" выдвинули его в последние годы в число наиболее популярных русских писателей, печатающихся в Советском Союзе.

руги Вали перед друзьями и сослуживцами (*Простая истина*)? И что поклонники знахаря Якушкина, как только иссякла его чудодейственная сила, бросаются на поиски новых идолов, оставляя старика умирать в одиночестве (*Предтеча*)?

Каким судом их судить? Умница Светик точно сказала:

"...Современная семья... слишком ленивая. Все они готовы любить. Все они жаждут. Но они и пальцем не шевельнут для этого — они хотят, чтобы за ними ходили и бегали, они хотят, чтобы любовь свалилась на них с неба сама собой" (*Погоня*. — Курсив автора).

Но вот Маканин судит. Кажется даже — безжалостно. Он немилосердно отказывает им во всем: в радости сильной любви, в удовлетворении трудом, в простой удаче, ибо преуспевание в жизни (например, успех писателя-рассказчика в романе *Портрет и вокруг*) оборачивается опустошенностью, а бегство от многочисленных детей (*Гражданин убегающий*) еще не дает свободы. Нет им хэппи-энда, есть измены, расставания, разрывы, крах, иногда смерть. Так и будут они жить, разве что поменяв квартиру или обзаведясь новой мебелью, — жить безрадостно. Другое дело, что они, может быть, сами не осознают свою обездоленность.

Жестокий, значит, моралист Маканин? Но вот чудесный рассказик *Пойте им тихо*, прямо-таки реабилитация жалости (в пику горьковскому "Жалость унижает человека"), жалости самой простой, не задумывающейся, не взвешивающей, жалости "плаксивой и доброй старухи", петиной деревенской тетушки, которая не "храбрится" и "бодритесь" говорит прикованным к больничной койке больным, а мягко причитает: "несчастные". И "влияние было положительным", — отмечает лечащий врач.

Но где же жалость у самого Маканина? А она — за нами, его читателями. Это нас он заставляет пожалеть всех этих требовательных к жизни служащих, инженеров, математиков, что населяют его книги, и того же "убегающего" таежного волка, "подонка" Костюкова, и совсем не ангелочка Светика, мечта которой о муже с портфелем так и не сбывается. Это сам автор, такой, на первый взгляд, бесстрастный и жестокий, помогает их жалеть, открывая в каждом уголок души. Их изъяны — это отправная точка, от которой мы идем к пониманию и сочувствию. Герой Маканина не борется. Хуже: он не реализует себя, не понимает себя, изменяет себе, предает себя. Но жалости он достоин. Однако жалость и снисходительность — разные вещи. Поэтому Владимир Маканин и судит, и наказует.

Итак, должен ли бороться герой? Герою литературному, в отличие, скажем, от греческо-мифологического, бороться не обязательно. Обломов, лежа на диване, вошел в мировую литературу. Но человек — таков, мне кажется, ясный ответ Маканина — бороться должен (бы). Однако упор надо сделать на дополнении: бороться — за что? Программ-максимумов Маканин не предлагает. Но и отнюдь не минимум — обрести себя и найти ту внутреннюю свободу, на которой зиждется человеческое достоинство.

Элизабет Маркштайн (Вена)



МЕТАФИЗИКА РУССКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Если, говоря о Владимире Макаине, я сошлюсь на писателя, жившего на другом континенте и обратившего на себя внимание еще в пер-

вые послевоенные годы, не покажется ли это сопоставление искусственным и поверхностным? Книга американца Трумэна Капоте "Другие комнаты, другие голоса" вышла в 1948 г.; эта была история трудного взросления и, конечно, история мальчика, — феминизм тогда еще не был в моде. Для сегодняшнего читателя Капоте и его герой — люди старшего поколения, чуть ли не прошлый век. Что у них общего с Маканиным,

Vladimir Makanin: Stimmen. Romancollage. 1983.
Der Wunderheiler. 1984. Beide: Neuer Malik
Verlag, Kiel.

родившимся в 1937 г.? Зимой 1955 г. Трумэн Капоте сопровождал американский музыкальный ансамбль — исполнителей оперы "Порги и Бесс" — в поездке по СССР. Время было новое, но тень умершего тирана все еще стояла над страной. В отчете, который писатель опубликовал, вернувшись домой, зафиксировано тогдашнее состояние умов, скрежет ломающегося льда, ожидание перемен. В городе на Неве произошла встреча американцев и русских, похожая на встречу с инопланетянами, — а ведь всего десять лет прошло после совместной победы. Они ощущали и обнюхивали друг друга, точно биологические существа, чуждые и в то же время в чем-то близкие друг другу. Прошло еще тридцать лет; что изменилось? Вместе с другими современными русскими писателями среднего и младшего призыва Маканин своими книгами отвечает на этот вопрос.

Теперь обе планеты знают друг о друге очень много. Экзотика испарилась, каждая сторона видела другую — или думает, что видела, — как говорится, в нижнем белье. Негры в США давно уже не козырь в советской пропаганде (единственный, кто этого еще не заметил, — Кадафи). Возникла сильнейшая тяга к самораскрытию, желание обратиться к более глубинной действительности; повествовательные трюки, лихой городской жаргон, якобы выражающий суть современной жизни, — все это приелось большинству писателей и внутри страны, и в эмиграции.

Это не осуждение городской литературы как таковой. Но если в чудовищно разросшихся городах промышленных стран, где цивилизованное варварство сделалось бессознательной нормой для многих миллионов людей, тихая провинциальная заводь предстает чем-то подлинным и более достойным человека, то в глазах прозаика, испуганно отшатнувшегося от этой цивилизации, все радости и горести вечных жертв городского комфорта и городского конформизма превращаются как бы в зеркальные отражения самих себя, и это охватывающее литературу умонастроение оказывается сильнее всех географических различий и политических предубеждений. Капоте, живи он сейчас, разделит бы эту ностальгию.

Книга Вл. Маканина "Голоса" обозначена в подзаголовке как роман-коллаж. "Голоса" вышли в Москве в 1980 г. (К этому времени автор был

уже известен на Западе: по-немецки успела выйти его повесть под названием "Красивая девушка с серыми глазами"). Воспоминания о детстве — не на американском Юге, а на Урале; эпизоды жизни в Москве. Коллективная печаль, бессилие, умирание, поразившее чуть ли не все общество. Но и протест, желание противопоставить себя обществу. Чтобы обойти цензуру, все это переносится в неопределенное прошлое, на современность наброшен флер нереальности. Другие места, другие голоса. Другие ли?

"Голоса наполняют слух — некуда деться. Рябит в глазах от огня. Ты понимаешь, что можешь описать эту среду такой, какая она есть, рассказать мысли людей, их дни и их ночи, показать все, сколько ни есть, людские характеры. Но живущие и живые — особь статья, их не тронь, в свой роман не впихивай, они живут своей жизнью, и им нет дела до твоего романа, до всех романов на свете. Они живут, потом умирают. Гаснут, как огни в ночи. Можешь гоняться за ними сколько хочешь, но схватить их тебе не удастся."

Что это: скромность новичка? Или не знающий страха и жалости реализм? Реализм, во всяком случае, не социалистический. Но почему "Голоса"? Потому что описывается то, что одна половина мозга, творческая, внушает другой, рассудочной и критической, той, которая становится по мере того, как взрослеешь, все менее важной. Вследствие этого описание, вроде бы вполне реалистическое, приобретает особое качество. Это то качество (и та особенность русской литературной традиции), которое дало основание одному полузабытому австрийскому философу развить учение о "метафизике действительности."

"Чудотворец" (в оригинале — "Предтеча"), повесть, которая была опубликована в Советском Союзе два года назад, составляет вторую половину однотомника, выпущенного кильским издательством "Малик". Как и "Голоса", она виртуозно переведена Александром Кемпфе. Здесь на фоне сатирически изображенной общей скудости жизни представлена фигура старца-исцелителя, немного похожего на Распутина, только свое таинственное чудодейственное искусство он демонстрирует не при царском дворе, а среди запустения московской окраины восьмидесятых годов; знахаря окружает секта поклонников, ему помогают культурные люди, у него появля-

ются конкуренты – целители-шарлатаны. Унылая регламентация и бескрылый практицизм городской суеты – отличная питательная почва для суеверия, для культа всяческих чудодеев; обесчелоченной официальной медицине противопоставляется медицина народная; маканинский юродивый проповедует мешанину из глупостей и банальностей, порой странным образом напоминающую, точнее, пародирующую общие места государственной пропаганды, но его проповедь оказывает неожиданное действие. Призывы к жертвенности и братству гипнотизируют пациентов и последователей старца. Суеверие становится эрзацем веры. Общая картина безрадостна: грязь, убожество,

пьянство; даже секс выглядит здесь каким-то тощим и жалким. А на заднем плане вырисовываются грубое стяжательство и политическая демагогия. Если все это разрешили печатать, то какова же должна быть действительность!

“Голоса” открывают в удручающем и недобром мире вторую, духовную действительность. В “Предтече” автор книги, гневный и сострадающий моралист, обнаруживает под покровом ничем не замечательной, якобы нормальной повседневности – деятельное слабоумие, проще говоря, безумие. *Tua res agitur*, свершается дело твое – неожиданно-ехидным и самым наглядным образом.

Курт Марко

СОМНИТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ В БЛИСТАТЕЛЬНОМ ИСПОЛНЕНИИ

Есть философские произведения, которые привлекают не столько своей концепцией или неожиданными открытиями, сколько самим потоком авторской мысли. К таким книгам относится выпущенная во Франции книга историософских эссе Г. С. Померанца “Сны земли”. Григорий Померанц – один из самых значительных русских эссеистов нашего времени. Он известен как по многочисленным публикациям в советских изданиях, так и по работам, напечатанным в русскоязычных западных журналах. В советской философской энциклопедии помещена его статья о японской философии, а на Западе в издательстве “Посев” вышел в 1972 г. сборник “Неопубликованное”. В круге интересов Померанца такие, кажущиеся на первый взгляд весьма далекими друг от друга темы, как религия Индии и модернистское искусство, иконопись и сталинизм, японский поэт XVII века Басё и русский поэт Мандельштам. И всюду Померанц современен. Это не архивариус, а человек, захваченный проблемами сегодняшнего сознания. Отсюда полемичность новой книги Померанца. Эта полемичность способна ввести в заблуждение читателя, который может решить, что полемика – главная задача автора. Даже издатель книги пи-

шет в предисловии, что-де “Сны земли” – это спор с Александром Солженицыным и только. Действительно, в этой книге есть и отдельные полемические выпады против Солженицына, и даже целая часть – “Сон о справедливом возмездии”, посвященная опровержению исторических и этических концепций великого писателя, к которому Померанц относится с достаточно глубоким уважением.

Но думается, что главный интерес “Снов земли” не в полемике с Солженицыным, а в самом процессе разворачивающейся перед читателем авторской мысли, в своеобразной методологии, которая привела Померанца к выводам о русской истории, подтверждающим чаадаевский скептицизм. Сила Померанца – в его огромной эрудиции: если он хочет что-то доказать, у него под рукой сразу оказываются примеры и из философии дзэн-буддизма, и из Библии, и из русской поэзии XIX века, и из эпохи Французской революции, из истории древних славян, из мифов античной Греции, из немецкой философии... Г. Померанц – прежде всего человек культуры, включающей в себя и рационализм, и глубокую религиозность: в его мироощущении умозрение и откровение слиты воедино. Отсюда, может быть, и своеобразное построение книги “Сны земли”. В ней весьма органично совмещены отвлеченные философские рассуждения с талантливыми написанными портретами близких Померанцу людей, его первой жены Ирины Муравьевой, гордившейся тем, что она принадлежит “не к тем Муравьевым, которые вешают, а к тем, которых

Гр. Померанц, Сны земли. Под редакцией и с примечаниями С. Пирогова. “Поиски”, 1984.

вешают”, и необыкновенно талантливого, но по-русски растратившего свои дарования Толи Бахтырева по прозвищу Кузьма. Рядом с частями, где анализируется духовный смысл поэзии Пушкина, творчества Галича, Даниила Андреева, Зинаиды Миркиной, – часть “Иосиф в пустыне”, о глубинных причинах возрождения в СССР культа Сталина.

Увидеть в этой мозаике законченную картину не дано ленивому читателю. Необходимы определенные умственные усилия, чтобы разглядеть в том, что кажется собранием эссе, стройную картину. Главная тема книги – Россия. Григорий Померанц признается, что он Россией захвачен, – не *любит* ее, а именно *захвачен* ею как сферой своего бытия и как объектом исследования. Померанц вообще отказывается понять возможность любви к таким абстракциям, как страна, общественный строй, народ; любовь может возникнуть лишь к конкретному человеку: к матери, жене, другу, любовнице. В этом представлении Померанц близок ко Льву Толстому, в поздние годы своей жизни недоумевавшему, как можно быть патриотом.

Такая освобожденность от чисто эмоционального подхода к России, как думает Померанц, дает ему возможность объективно-целостного ее понимания. Любовь толкает к идеализации, ненависть – к очернению, реальная же история, как полагает Померанц, должна базироваться на фактах. Однако мысль Померанца достаточно глубока, чтобы быть примитивно позитивистской. Отрицая историческое мифотворчество, он признает мистериальность истории. Неслучайно среди своих учителей он называет рядом с ясным и трезвым мыслителем Георгием Федотовым духовидца Даниила Андреева. Сочетание конкретного исторического анализа с мистифицированным мифом и определяет померанцевскую концепцию России.

Вслед за Даниилом Андреевым Померанц видит в истории России неизменное господство духа империи, обожествление, говоря языком Даниила Андреева, *уицраора* – беса империи. Будучи, как и его великий оппонент Солженицын, сторонником идеи “нация – соборная личность”, Померанц рисует развитие России как становление единой личности, в которой заложен чуть ли не генетический код, остающийся неизменным на протяжении всей жизни этой личности, в данном случае – русского народа. Этот код опреде-

ляет и историческую судьбу нации, и сумму ее этических представлений. Но в отличие от генетического кода, код социально-исторический не врожден, а приобретен, так что будь Померанц участником биологической дискуссии 1949 года, он должен был бы согласиться с Трофимом Лысенко, утверждавшим наследование приобретенных свойств. По Померанцу, почти все свои свойства русский народ получил в период татарского господства и начавшегося после него возвышения Московского царства.

С тех пор русская почва оказалась пригодной лишь для усвоения семян подимперского рабства, из какой бы страны эти семена ни прилетали. Вот и тоталитарный марксизм не принялся нигде, кроме как на русской почве, а потому в книге Померанца, посвященной России, о марксизме говорится очень немного: не марксизм, а социально-исторические гены, согласно концепции Померанца, определили возникновение в России советской тоталитарной системы. И революция, по Померанцу, не покончила с самодержавием, а лишь изменила его форму: Сталин им выводится не из марксизма, а из традиций Иванов от Первого до Четвертого.

Такая концепция провоцирует отнестись Померанца к разряду русофобствующих философов. Однако Померанц видит в истории России рядом с Иваном Грозным, с Лениным и Сталиным также ангелов Дионисия и светлую поэзию Пушкина. К тому же Померанц все-таки не ставит на России крест. Какая-то надежда на преображение России, на замену в ней сегодняшнего тоталитарного порядка правовым государством, основанным на христианстве как религии свободы, понята по Федотову и Бердяеву, в книге “Сны земли” мерцает.

В терминах Даниила Андреева Г. Померанц объясняет борьбу русской империи с культурой, с человеческой личностью как борьбу бесов с Богом. Трактую “Медный всадник” Пушкина, Померанц безусловно отрицает Петра и становится на защиту Евгения. Здесь отражена и другая особенность мысли философа – его полное отрицание ЧТО во имя КАК. Никакое средство не может быть оправдано целью. Восхваление Петра за то, ЧТО он сделал для укрепления империи, оказывается абсолютно ложным в свете того, КАК он это сделал.

Самым опасным Померанц считает остервенение. Он неоднократно повторяет в своей книге

афоризм, что дьявол начинается с пены на губах ангела. Любая идея, по Померанцу, как бы она ни была хороша, превращается в свою противоположность, если она осуществляется с яростной ненавистью к противнику, со стремлением его раздавить, как царь Петр – Евгения.

Вот Померанц и утверждает, что не две идеи боролись во время гражданской войны в России, а два *остервенения*. Для Померанца нет различия между озлобленным антикоммунизмом, озлобленным антифашизмом или озлобленным антидемократизмом. Он явно не замечает, что пренебрегая рассмотрением содержания, выраженного в недостойной форме, он ставит на одну доску содержательное добро и содержательное зло. Померанцу, кажется, чужд тип библейского пророка, который обличал зло, пожалуй, яростней, чем с пеной на губах, и все же оставался угодным Богу. Думается, что именно здесь, а не в трактовке русской истории, лежит отталкивание Померанца от Солженицына, обрушивающегося на зло со страстью пророка. В противостоянии Померанца и Солженицына отражено различие двух мировосприятий, для одного из которых истина относительна, а форма дискуссии апробированию абсолютна, а для другого абсолютна истина, для выражения которой годны любые средства. К тому же Солженицын противоречив как художник, даже там, где он выступает в роли публициста, противоречия же Померанца – это противоречия мыслителя. И когда философ Померанц уличает в противоречиях художника Солженицына (и наоборот, когда Солженицын обличает Померанца), создается впечатление, что два игрока, передвигая фигуры на одной доске, пользуются при этом разными правилами. Читателю же не может не броситься в глаза основное противоречие в книге Померанца "Сны земли". С одной стороны, русские для него – соборная личность, с другой стороны, он рисует портреты русских людей, мало чем схожих друг с другом. В Померанце сидит и интеллигент, умело оперирующий массой сведений для подтверждения своей концепции о вечном рабстве и вечном имперском высокомерии русских, и живой человек, прошедший через войну, на которой он защищал Россию, через лагерь, где его мучили советские охранники и судьи, человек, в сущности-то и знавший только русских людей, каждого из которых он или любит, или жалеет, или глубоко уважает. Сумма

слагаемых не дает у Померанца запрограммированного результата. Да и к тому же, как много ни занимался Померанц восточными культурами, сердце его принадлежит рублевскому Спасу, пушкинскому "Медному всаднику", гумилевскому "Трамваю"...

А *историософ* Померанц в своей книге не всегда на высоте: все, что не укладывается в его концепцию России, он просто игнорирует. Так, он проходит мимо русского либерализма, восторжествовавшего над рабством и империей между двумя революциями. И вообще весьма сомнительной кажется историософия, объясняющая сегодняшнюю жизнь народа всей его тысячелетней историей. Все же Ленин победил не потому, что, как доказывает Померанц, он был воплощением некой абстрактной российской идеи, а потому, что в конкретный исторический момент между февралем и октябрём 1917 года возникла обстановка, благоприятная для торжества ленинизма, представляющего собой одну из многих тенденций в развитии русского сознания. Так же и гитлеризм вытекает не из стародавней истории немецкого народа или врожденной ментальности немцев, а из некоторых особенностей немецкого сознания, которые смогли проявиться лишь в условиях экономического и политического кризиса 30-х годов. Исчезли эти условия, создались после 1945 года новые, и сразу же проявились иные свойства немцев, давшие им возможность по крайней мере в одной части Германии создать демократический строй, ничего общего с гитлеризмом не имеющий. Вообще самые различные формы отношений между государством и личностью у наций, разделенных границей социальных систем (ФРГ и ГДР, континентальный Китай и Тайвань, Северная и Южная Корея), напрочь разрушают теории, согласно которым национальная психология, складывающаяся веками, пересиливает сегодняшнюю историческую реальность и сегодняшние идеологические и этические основы национального бытия.

Читая книгу Померанца с карандашом в руках, часто порываешься на ее полях сделать замечания, выражающие восторг, безусловное согласие, преклонение перед умом и удивительной ученостью автора, перед его последовательным гуманизмом, но одновременно расставить на ее полях недоуменные вопросительные и даже гневные восклицательные знаки.

Герман Андреев

НУКУАЛОФА



Дворец короля Тонга
Тауфаахау Тулоу IV на острове Тонгатапу

Город Нукуалофа славится своей копррой, церквами и двенадцатипудовым королем архипелага Тонга. На старых картах острова эти именовались островами Дружества или Товарищества, и моряки отмечали неизменное дружелюбие их склонных к полноте жителей. Имя это дал островам капитан Кук, приятно удивленный после столкновений с каннибалами близлежащего Фиджи.

С тех пор острова Тонга остались относительно независимыми, несмотря на поползновения немцев, колонизовавших Самоа, и англичан, завладевших Новой Зеландией и Фиджи. Больше всего на жизнь острова повлияли миссионеры. И сегодня жители Нукуалофы — самые ярые христиане в Тихом океане, да и где угодно. Если к вам приближается молодой островитянин с намерением поболтать, не сомневайтесь — это миссионер. Каждый второй житель столицы — миссионер или священник. А так как в рамках одной религии трудно найти место для стольких служителей культа, хитроумные островитяне раскололись на множество сект и церквей. Практически все разновидности, секты и толки протестантства представлены на Тонга, из них крупнейшие — веслианский методизм, твердокаменный баптизм, адвентизм седьмого дня и мормонство.

Интеллигентным и умным тонганцам, говоря по правде, нечего делать: кокосовые пальмы все равно дают копру, промышленности, торговли и туризма мало, и весь свой пыл островитяне вкладывают в теологию. Нигде на свете не слышал я такого тонкого объяснения догмы триединства, как в Нукуалофе. Особенно выделяются мормоны — они ходят в аккуратных формальных темных юбочках лава-лава и белых рубашках с темными галстуками. Мормоны вкладывают уйму средств и усилий в обращение тонганцев, и их конкуренты — адвентисты седьмого дня — приписывают их очевидный успех именно раздаче галстуков.

Жители Нукуалофы огромны и темнокожи. Хотя их называют "чистыми полинезийцами" (что не совсем логично, ибо полинезийцы — невероятная смесь народов), они явно в родстве с черными меланезийцами Фиджи. К ним не подходит стандартное выражение колонизаторов "маленький шоколадный человечек", скорее уж — гора шоколада. И мужчины, и женщины рослы и толсты. Толще всех — как на лубке "Окон РОСТА" — сам король. Когда по воскресеньям монарх с семьей идет в методистскую церковь неподалеку от своего дощатого дворца на берегу, иностранцы восторженно охают и готовы забыть о диете.

В Нукуалофе можно толстеть безбоязненно: врезавшаяся в пузо пуговица брюк вас не выдаст, так как этот вид одежды почти неведом на острове. Вместо него счастливые жители носят обернутый вокруг бедер кусок материи.

В день приезда в Нукуалофу меня не пустили вечером на бал в отеле, — совсем как в Москве, — потому что я был в шортах. "А у тебя самого-то что?" — спросил я отталкивавшего меня двухметрового вдоль и поперек стража. "Это — национальная одежда, — сказал он, — это вполне прилично." Шорты же представляются религиозным островитянам совершенно неприличным и дьявольским изобретением.

Я внял его словам и пошел покупать себе лава-лава. В лавке мне живо удалось понять, почему тонганцы считаются такими дружелюбными: никогда, ни до, ни после Нукуалофы, не видел я такой интенсивности флирта со стороны десятка молоденьких продавщиц. Только усилием воли я удержался от того, чтобы не влюбиться во всех сразу. Говорят, что местные девушки одержимы идеей выйти замуж за иностранца и уехать с ним в страну белых людей, где много долларов и тушонки.

Общественная жизнь Нукуалофы вращается вокруг трех отелей города с их пивными барами. При мне один бар перестал торговать пивом, и это было крупнейшим событием за последние лет десять. Хозяин, немец Герман, сказал твердо: "Молодежь не умеет пить", — и перешел на другие напитки, дорогие и молодежи не по карману. Местному жителю, чтобы выпить пива, нужно располагать правами, вроде водительских. Если кто-нибудь слишком часто дерется пьяну, его лишают прав, а без них никто спиртного ему не продаст. Прав можно лишиться и по жалобе родственников, что, мол, все пропивает.

Старый главный отель Нукуалофы — Beach House ("Дом на берегу"), огромная и просторная колониальная дощатая постройка, — оккупирован старичками и старушками из Новой Зеландии. Вообще из Нукуалофы Новая Зеландия представляется гигантом, ближней империей, как Америка глядя из Мексики. По мнению местных жителей, Окленд — самый большой город в мире. Молодые и энергичные островитяне едут в Новую Зеландию, а старички и старушки из Новой Зеландии заполняют не только Тонга, но и все окрестные острова, и они придают отелю легкий запах богадельни. Новая Зеландия в этом смысле принадлежит к Европе, где повсюду слишком много престарелых леди и джентльменов.

Молодежь Нукуалофы проводит время за пивом, потому что больше — исключая молитву — делать нечего. В основе экономики лежит закон о земле, похожий на американский "хоумстед акт" — каждый совершеннолетний тонганец вправе получить участок земли под кокосовые пальмы. Такой участок достаточен для пропитания хозяина, а копру можно продавать, так что хватит и на пиво. Аристократия собирает налог со своих поместий и заседает в Королевском совете. Политики и партий в Нукуалофе нет, и жизнь вполне спокойная.

Воскресенье в Нукуалофе тоскливо, как в Глазго. В этот день можно только идти в белой рубашке в церковь. Строжайше запрещено купаться, загорать, играть. По берегу прохаживаются полицейские в аккуратных лава-лава, следят, чтобы туристы не лезли в воду. Впрочем, в городе нет хорошего пляжа, и купаться народ ездит на островки в лагуне, неподалеку от города. Океан вокруг синий-синий, и на него смотреть — уже достаточное удовольствие.

С едой на Тонга слабовато; кроме сладкой картошки и плодов, жители любят консервы под соусом кэрри, и иностранца непременно угощают этим почти несъедобным блюдом. Народ не любит утруждать себя ловлей рыбы, основной источник свежего мяса — многочисленные поросята, но их режут нечасто. Впрочем, на вечно теплых островах много мяса и не нужно.

Центр цивилизации столицы — универмаг "Моррис, Хедстрем и К⁰", где немногочисленные иноземцы запасаются западными продуктами. К вечеру все собираются или в главном отеле, или у Германа, сидят в плетеных креслах и надеются, что и завтра не будет дождя.

Дожди размывают непрочную почву Нукуалофы и превращают ее в море грязи, и тогда остается только сидеть у моря и не соваться в джунгли, которые начинаются прямо за городом, в пятистах метрах от океана.

Только в сравнении с другими островами и городами Тихого океана начинаешь понимать особенности этой столицы: в Апия, столице Западного Самоа, все куда более дорого, и недовольная молодежь пьет, буянит и кидает камни в прохожих, в столице Фиджи кипит жизнь, работают люди, полно всяческой деятельности, в столице Таити — яхты и французский шик, но Нукуалофа осталась тихой и провинциальной, как тихоокеанский Ярославль, с которым она может посоревноваться и по числу луж. Правда, в Ярославле есть собор и кремль. Но зато в Нукуалофе есть король.

И. Шамир

ХОЧУ УЧИТЬ РУССКИЙ

Письмо в редакцию



Я живу на островах Фиджи, учусь в Сувском университете. Несколько лет изучаю русский язык. Так как фиджийский язык фонетически заметно отличается от русского, особенно важно слушание радиопередач.

Сначала я пытался слушать советское радио. К сожалению, его словарный запас невелик: гектары, план, свекла, повышенные обязательства, американский империализм. Стал слушать русские передачи Би-Би-Си, "Свободы", "Голоса Америки". Невозможно: целые диапазоны волн забыты сплошным "у-у-у". Мне объяснили, что это советские службы глушения забивают передачи, которые им не нравятся. Между тем советские передачи никто не забивает, и они звучат на всех волнах 24 часа в сутки. Где тут принцип взаимности?

Я далек от конфликта Запад—Восток. И если русских почему-то волнуют чужие передачи — это их дело, пусть глушат. Но только над своей территорией. Вторгаться в мировой эфир — это, по-моему, пиратство.

Я знаю, что сейчас в Будапеште проходит культурный форум, на котором американский делегат заявил очередной протест против глушения, тут же оговорившись, что Соединенные Штаты ответных мер не примут. А собственно, почему? Конечно, это благородно, так вели себя рыцари при дворе короля Артура или наши древние воины. С тех пор, однако, в мире кое-что изменилось. Я полагаю, почтенный делегат Соединенных Штатов и сам понимает, что дебаты по его протесту продлятся не одно десятилетие.

По-моему, есть куда более простой и эффективный путь. Построить в Европе, поближе к Советскому Союзу, мощные станции и глушить советские передачи. Глушить с таким расчетом, чтобы передачи из Москвы не были слышны во Владимире или Калуге.

Последствия легко предсказать. Сначала СССР заявит протест, ссылаясь на Хельсинкские соглашения. Потом соберется международная конференция, и будет принято решение о взаимном сокращении силы глушения или его продолжительности на 50%. Потом... потом я смогу слушать русские передачи, лично контролируя соблюдение договора.

Мне возражат, что грех выбрасывать средства на ветер. Это правда. Но ведь бомбы тоже не едят, а танками не пашут.

Остров Вити-Леву
(архипелаг Фиджи)

С уважением. *Ваш Б.А.*

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1985 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

	№
А. Залмаи. Афганистан – свободное сердце Азии	12
Космонавты обмениваются письмами	1–2
Р. Макфарлейн. Что может сделать народ, если ему доверять?	11
Миссия в Москву	12
Рейс 007	1–2
Г. Солсбери. Маленький человек, которого не собьешь с ног	10

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

М. Батинич. Процесс в Белграде (3)	
Б. Вайль. Гренландия: на пути к независимому государству (7)	
В. М. Советская разведка – народному хозяйству (6)	
В. М., Р. Шапиро. Ливанский многоугольник (1–2)	
Е. Габович. Центральноамериканский калейдоскоп (4)	
Д. Дересса. Эфиопия: десять лет обмана (11)	
А. Залмаи. Афганистан – советская кладовая (7); Афганский кодекс чести – против интервентов (11).	
В. Кучинский. Закончился суд в Торуни (1–2); Положение в Польше (3, 7–10, 12); Польша: сопротивление и репрессии (4); Польша: противостояние продолжается (5); Польша: "В полицейском государстве мы создали собственный мир" (6); События в Польше (11).	
В. Меникер. Необъявленный мир (1–2).	
Адам Михник. Урок диалога. Письмо из Гданьской следственной тюрьмы (5).	
Г. Ферон. Обзор международных событий (1–12).	
М. Филлимор. Утренняя звезда (1–2); Дело Клайва Понтинга (3); Советские шпионы в Лондоне (10).	
Б. Шрагин. Шпионы нового типа (7).	
Е. Юнг. Дело Бернгарда Геца и общественное мнение (6).	
Еще один из строя выбыл вон... (Албания, 4); Что нового в Албании (9).	
Африканский Афганистан (Ангола, 12).	
"Химическая Хиросима" на Балтике (5).	
Болгарские турки (3); Недостаточно пролетарская Болгария (9).	
Венгрия: выборы с выбором (6); Муть на голубом Дунае (12).	
Вьетнам: Нгуен Ши Тхьен – поэт лагерей (11).	
Папандреу в Москве (3).	
Через священные рубежи Греции (5).	
Домой не по доброй воле (Европа – СССР, 5).	
Евротерроризм (1–2).	
Истоки сенсации (Египет – Израиль, 5).	
Курдистан: восстание в тени войны (Ирак, 8); Ирак: смена ориентиров (12); как долго продлится война (1–2); новый род войск (5); Бог и мамона (9); треугольник заклятых друзей (12).	
Сенат и народ римский – без коммунистов (6).	
Опала Сантьяго Каррильо (Испания, 4); Испанское коммунистическое движение: "опасность превратиться в зоопарк" (11).	
Людоед на пенсии (Кампучия, 9)	
Важно сунуть ногу в дверь (Кирибати, 9)	

Оптимизм продавца веревки (Китай, 7); Китай: продолжается потепление (8); Конец "Великого похода" (10).

И Конго устает от социализма (9).

На очереди Коста-Рика? (8).

Все профессии почетны (Нидерланды, 3).

Никарагуа – революционная банановая республика (7); Мискито возвращаются домой (8);
Чрезвычайное положение в Никарагуа (11).

Парагвай перед уходом Стреснера (9).

Венгерское национальное меньшинство (Румыния, 1–2); Румыния: зима прошла, настало лето... (6);
Румынские пирамиды (12).

Пятилетка на песке (Саудовская Аравия, 8).

Женева: переговоры отложены (США–СССР, 7); Старт в Женеве (США–СССР, 3).

Тайвань: трудная проблема дипломатических отношений (7).

Проблемы Уганды – проблемы всей Африки (8).

Бонн – Мекка для шпионов (10).

Проблемы финских коммунистов (6).

Восемь лет Хартии-77 (Чехословакия, 1–2).

Проблемы Шри Ланки (9).

Социализм с капиталистическим лицом (Югославия, 9).

Коминформ местного значения (Южная Америка, 1–2).

Надежды Южного Йемена (1–2).

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Х. Арендт. Тайная полиция (10); Массы в бесклассовом обществе (7)	
М. Байтальский. Трактат о меньшинстве	7
Будем здоровы, или Мафия трезвенников	6
И. Брежнев. Великий Баобаб	9
Б. Х. Был ли Маркс предтечей Гитлера?	5
Б. Вайль. Стоит ли бередить старые раны	5
С. Визенталь. Забвение продлевает изгнание	5
Десять лет Хельсинки	8
Р. Каттнер. Рабочие в совете управляющих	7
Колек – лауреат премии мира	11
Т. Колек. В будущем году в Иерусалиме	11
Кто нанесет удар.	8
У. Лакер. Терроризм	11
В. Меникер. Ноль часов атомного века	8
Оборотень, говорящий на всех языках	11
Р. Пайпс. Три дороги в будущее	3
Революционеры-миллиардеры	11
П. Ростин. Москвич в Марокко	4
Ж.-Ф. Ревель. Как умирают демократии	4
Ж. Тьелуа. Окаянный континент	9
Дж. Уотсон. Братья-близнецы	5
Й.Фест. Последние дни рейха	5
Олдос Хаксли. Слепец и его поводырь	1–2
Д. Херси. Хиросима	8
Т. Шаберт. Анатомия власти	9
К. Шмидт. Один грамм власти	11
Б. Шрагин. Свое лицо в зеркале	1–2
Дж. Шульц. Мы, наследники европейского духа	8
Ж.-М Эдриш. Кандид на Кубе	4

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Бой с тенью	6
Верный Барк, или ЧП на заставе	7
Два звонка о скуке	11
Дорогая память трупа, или Торжественные поминки по стахановскому движению	7
”Как будто пришел к социализму в гости”	9
Литература и жизнь	6
Ложка дегтя в моральной атмосфере	10
Не доедим, но выстрелим	9
Несчастный генерал-майор	12
Последствия дефицита	7
Поэзия и проза контрабанды	12
Путь к коммунизму	10
Самый юный бациллоноситель	11
Семьдесят минус пятьсот семьдесят	12
Уже сам факт...	6
Узнай, кто прав, кто виноват – да обоих и накажи	8
Шумбрачи, Мордовия, шумбрат!	8
Vox populi	9

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. ХОЗЯЙСТВО СТРАНЫ

Алкоголизм в СССР	4
Р. Бахтамов. БАМ, или Макет ржавой действительности (3); О мерах по преодолению (6); Итог политической экономики (7); Палка об одном конце (8); Не считая собаки (10); Джигит не меняет коня в пути (11); Хотят ли русские... (12) .	
Е. Габович. Природы гневная покорность	4
М. Дейч. Заговор против телезрителей (6); Желание мира (8); Беспамятство (12) .	
М. Лемхин. Стыдно ли много зарабатывать?	9
С. Максудов. Любовь к апокалиптическим обобщениям	4
М. Д. Правда для избранных (4); Доходные игры (5) .	
В. Меникер. Советский экономический человек существует	9
С. Неклюдов. Человек из другого мира	6
Новый человек. Мировая печать о Горбачеве	3
Э. Орловский. Письмо без ответа	6
Р. Б. Вместо надгробного слова	3
Самиздат. I. Выдержки из доклада Ф. Г. Углова. II. Правда об алкоголизме в СССР (4) .	
В. Тремль. Комментарий к ”новосибирскому документу”	4
Ю. Чикарлеев. Встречный бой на море	3
Р. Шапиро. А все-таки что-то меняется... (1–2); Путем естественного отбора (5); Terra Incognita (6) .	
Л. Юдович. Поезд идет на Восток	3

ВЕСТИ ИЗ СССР. ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

А.Б. Обзор событий в СССР	9, 10, 12
Б. Вайль. Для трудящихся всех континентов	3
Е. Габович. Петр I в Суздале	1–2
В. Горшенин. В кузнице марксистских кадров	11
Аресты: меньшевиков (1–2); Феликса Светова (1–2); Льва Тимофеева (4);	
Большая химия большого брата	9
Выстрелы в Риге	3
Горбачевская чистка	4
Дело Вячеслава Бахмина	3
Елена Боннэр едет на лечение	11

Елена Боннэр на Западе	12
Лагерные преступники	7
Маркс против Кришны	11
Мир — театр военных действий	8
Молодежный фестиваль в Москве	8
Мусульманский самиздат	10
Национальное примирение по секрету	6
Нефтяные неурядицы	7
Обыск у Г. Померанца	6
Организация юных неофашистов	5
”Прозрение”	8
Пятидесятники из Чугуевки	1–2
Реформы и окрики	9
Семь тощих горбачевских лет	9
Сначала в Кремле, потом в Вашингтоне	4
Советский космический челнок	1–2
”Сталин — это победа”	5
Тревожные вести о Сахарове	6
Эмиграция прекращена	12

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ СТРАНЫ. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ. ТОТАЛИТАРИЗМ

Леонид Андреев. ”Дело о самоубийстве России”	6
Л. Дымерская. Замечания к истории, или История, сотворенная по замечаниям	12
Р. Лерт. Правда о ”Поисках”	9
С. Максудов. Голод Тридцать третьего года	10
Н. Петров. Прошлое перед глазами	8
М. Рейман. Агент в Политбюро	8–9
Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся	3
Г.Э.Хольтузен. Встречи со Степуном	3
С. Черток. ”Отвечаю за весь мой народ”	7
Б. Шрагин. Девятое мая 1945 года	5

КУЛЬТУРА. ФИЛОСОФИЯ. ЛИТЕРАТУРА

Ф. Альт. Человек из Назарета — женщина в мужчине	5
Г. Андреев. Сомнительная концепция в блистательном исполнении	12
Г. Белль. Искусству не нужна свобода	7
Б. Х. Мемуары о жареных гусях	1–2
Выступления участников Международного конгресса в защиту культуры 1935 г. (Б. Брехт, А. Жид, И. Эренбург, Р. Музиль, Б. Пастернак)	12
Е. Габович. Прорыв из круга немоты	1–2
М. Дейч. Тоска по ностальгии	1–2, 3
З. Зиник. Мастер среди попутчиков	6
И. Ефимов. Процесс Цинцинната Ц. и казнь Иосифа К.	8
Ю. Карабчиевский. Воскресение Маяковского	3–5
Э. Канетти. Массовый символ нации	7
Ю. Колкер. Острова блаженных	1–2
В. Лефевр. За кулисами идеологии и морали	6
К. Марко. Метафизика русской действительности	12
Э. Маркштайн. Должен ли герой бороться?	12
Ф. Мориак. Анна Ахматова в сердце моем...	11
Борис Пастернак. ”Когда я умру, не пишите обо мне книг...”	10–11

Г.Померанц. Жажда добра	9–10
Г. Померанц. На повороте	1–2
М. Рейтман. Новости с философского фронта	1–2
Союз рептилий	6
Б. Хазанов. Изгнание и царство (1–2); Юнгер, или прелесть правизны (4); Прощание с авангардом (8) .	
С. Черток. Под бронзы многопудем	1–2
Р. Шеттак. Из огня да в полымя	12
Р. Шапиро. Искусство сервировать сны	7
Е. Эткинд. По-чешски не говорить! – Трехдневная формула единодержавия. – Роман Симоны Синьоре (3); Акафист Богородице на французском экране (5) .	

ИНТЕРВЬЮ И БЕСЕДЫ

Ф.Горенштейн. Почему я пишу	6
Диалог с суровым спутником	7
Литература по обе стороны рва. Встреча с Булатом Окуджавой	6
Это страшное слово ЦРУ	12

ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ	1–2, 4–7, 9–12
-------------------------------	----------------

ФОТОРУБРИКА

Рейс 007	1–2
Вожди приходят и уходят	3
Сорокалетие окончания войны	5
Облик тоталитаризма	7
Атомный век	8
Гвинея сегодня	9
Тайная государственная полиция	10
Терроризм	11
Картинки с выставки	11

АРХИВ

”В целях упорядочения учета и надлежащего наблюдения”	1–2
Литературный архив. Паноптикум	1–2
”Как держать себя на допросах”	12

ПАМЯТИ УШЕДШИХ. КОРОТКИЕ ЗАМЕТКИ. ПИСЬМА

В. Давыдов. Смерть в Благовещенске	1–2
КГБ без буржуев	12
Лина Туманова скончалась...	5
Между прочим	9, 12
Можно ли ставить советский строй на одну доску с нацизмом?	8
Памяти Надежды Суровцевой	5
Почему была сброшена атомная бомба?	10
Самоуправление на американских предприятиях	11
Умер Генрих Белль	7
М. Фишбейн. Гибель Василя Стуса	9
Хочу учить русский	12
In memoriam.Алексис Раннит	4

По форме современное лганье есть не что иное, как грошова будничная правда, только вывороченная наизнанку. Лгун говорит "да" там, где следует сказать "нет", — и наоборот. Только и всего. Нет ни украшений, ни слез, ни смеха, ни перла создания — одна дерюжная, черт ее знает, правда или ложь. До такой степени "черт ее знает", что ежели вам в глаза уже триста раз сряду солгали, то и в триста первый раз не придет в голову, что вы слышите триста первую ложь.

По существу, современное лганье коварно и в то же время тенденциозно. Оно представляет собой последнее убежище, в котором мудрецы современности надеются укрыться от наплыва развивающихся требований жизни; последнее средство, с помощью которого они думают поработить в свою пользу обезумевшее под игом злоключений большинство.

Дерюжность формы в особенности делает нынешнюю ложь опасною. Она отнимает возможность выяснить цели лганья, а стало быть, и устеречься от него. Сверх того, лжец новой формации никогда не интересуется, какого рода страдания и боли может привести за собою его ложь, потому что подобного рода предвидения могли бы разбудить в нем стыд или опасения и, следовательно, стеснить его свободу. Раз навсегда сбросив с себя иго напоминаний и уколов, он лжет нагло, бессердечно и самодовольно, так что даже достаточно пронизательные люди внимают ему в недоумении или же, в крайнем случае, видят в его лганье простую бессмыслицу...

Нынешний лгун... лжет на всякий случай, но лжет не потому, что у него в горле застряла случайная бессмыслица, а потому, что ложь сделалась руководящим принципом его жизни, исходным пунктом всей его жизнедеятельности. Или, говоря другими словами, *он лжет потому, что, по нынешнему времени, нельзя назвать правду по имени, не рискуя провалиться сквозь землю.*

Мне кажется, что в последних, подчеркнутых мною, словах, заключается вся разгадка современного лганья. Прежде мы лгали, потому что была потребность *скрасить* правду жизни; нынче — лжем потому, что *боимся притронуться* к этой правде. Как будто в самом воздухе разлито нечто предостерегающее: "Смотри! только пикни! — и все эти основы, краугольные камни и величественные здания — все разлетится в прах!" Или яснее: ежели ты скажешь правду, то непременно сквозь землю провалишься; ежели солжешь — может быть, время как-нибудь и пройдет.

Понятное дело, что последнее все-таки выгоднее.



ВИЗА М
№ 070562
Обыкновенная
визовая

Фамилия

Имя

ИЧ
34 г. Д. Л. МУДСКОЙ

ОБЩЕСТВЕННАЯ
ПЕЧАТЬ
МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ОТДЕЛ ВИЗ И РЕГИСТРАЦИИ
Главного управления внутренних дел

Январь 7
19...

ПРЕЖДЕ
№ 070562
денны
по а. р.

При себе необходимо иметь паспорт и сумму
цели госбанка об уплате госдошлины в сумме
15.00 руб.

г. Москва, ул. Черныш
Голландский пер. д. 10

[Handwritten signature]

[Handwritten signature]

